

Мереди Митчел

НАСЛЕДНИК МОНТЕ-КРИСТО

Викторианский
любовно-криминальный роман

Annotation

Маленький провинциальный английский городок оказался ареной действия нешуточных страстей. Кто бы мог подумать, что все разрозненные, казалось бы, происшествия, происходившие здесь, связаны и направлены рукой гениального, но преступного человека. Убийства, кражи, клевета, месть... Никогда еще высшее общество не знало такого скандала! Никогда еще смерть не проходила так близко!

- [Меридит Митчел](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Мереди́т Митчел
Наследник Монте-Кристо
Роман

Meredith Mitchell
The Heir Of Monte Cristo
© Митчел М., 2015
© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2015

– Эмили! Через два часа приедут гости, а ты сидишь здесь и смотришь в окно! – Звучному голосу тетушки Розалин мог бы позавидовать любой загонщик овец. – Что такого ты нашла в этой мокрой лужайке, чтобы день за днем любоваться ею?

Племянница медленно повернулась к леди Боффарт, ничуть не напуганная – Эмили давно привыкла к манерам своей тетки, порой безупречным, порой неподобающим леди.

– Миссис Даррем прекрасно справляется со своими обязанностями. Я уверена, все уже подготовлено к приему, так что я вполне могу позволить себе любоваться осенним пейзажем до тех пор, пока Гренвилл-парк не наводнят желающие поглазеть на жениха Джейн.

– Тебе не идет сарказм, дорогая. – Леди Боффарт устроилась на диване, тщательно разложив вокруг себя складки нового синего платья. – Большинство этих людей ты считаешь своими друзьями!

– Мы обе знаем, что лишь немногие из них искренне радуются за Джейн. Остальные либо завидуют ее удаче, либо негодуют из-за того, что Джейн осмеливается вести себя так, будто она законная дочь мистера Несбитта. И те и другие вынуждены скрывать свои подлинные чувства ради соблюдения приличий, как и я, приглашая их в свой дом.

– Ну хорошо, хорошо! – Леди Боффарт знала, что племянница права, и испытывала раздражение из-за необходимости подчиняться правилам и условностям, тяготившим ее не меньше, чем Эмили. – Я пришла к тебе не для того, чтобы обсуждать или осуждать твоих соседей, их типажи давно уже не пленяют меня своей новизной.

Тетушка Розалин, не склонная предаваться горю вдова лорда Боффарта, которому она доставила немало огорчений, несколько лет назад увлеклась написанием романов и до сих пор не охладела к этому занятию. Она не стеснялась использовать в книгах истории из жизни своих знакомых или их рассказы о других, неизвестных ей людях, лишь слегка подправляя их, но и не особенно стремясь сделать их неузнаваемыми. Книги леди Боффарт издавала под псевдонимом, и романы некоего мистера Мартинса были чрезвычайно популярны среди дам из общества, не задумывавшихся о том, что однажды могут узнать в главной героине себя.

Эмили гордилась тетушкой и оберегала ее секрет даже от близких подруг, но порой ее тяготила привычка леди Боффарт смотреть на всех

новых знакомых как на потенциальных персонажей своего будущего романа. Провинциальное общество, в котором вращались Эмили и ее муж, лорд Гренвилл, подарило тетушке Розалин уже несколько занимательных сюжетов, но она все еще с жадностью выслушивала местные сплетни в надежде почерпнуть вдохновение.

Леди Гренвилл сложила руки на коленях, как примерная ученица, всем видом показывая, что готова внимать словам тетки. Удовлетворенная этим показным смирением, леди Боффарт развернула наконец, письмо, которое держала в руках и на которое Эмили до сих пор не обратила внимание.

– Я получила послание от миссис Хоуп, ты ведь помнишь ее, – начала тетушка Розалин.

Молодая женщина послушно кивнула. Миссис Хоуп и леди Боффарт были давними подругами, и прошедшей зимой Эмили обращалась к этой даме, обедневшей вдове, за помощью в одном деликатном деле^[1]. Помощь тогда не понадобилась, но леди Гренвилл была признательна миссис Хоуп за готовность ее оказать.

– Она пишет, что временно взяла на себя заботу о маленькой девочке, некоторое время назад лишившейся родителей. Увы, моя дорогая подруга не сможет оставить ребенка у себя, она едва нашла средства, чтобы оплатить пансион для собственной дочери.

Эмили с каждым словом тетки слушала все внимательнее, неосознанно подаваясь вперед.

– Так вот, она спрашивает, не могу ли я приискать для девочки новый дом. Несколько месяцев после смерти матери малышка провела у тетки, но недавно дочь этой женщины родила близнецов, а семья не так богата, чтобы позволить себе содержать троих детей. У бедняжки нет других родственников, которые согласились бы заняться ее воспитанием, и она окажется в приюте, если не найдется какой-нибудь доброй души... – леди Боффарт намеренно сделала паузу, давая племяннице время обдумать ответ.

– Конечно, такая добрая душа найдется! Вы же знаете, как я мечтаю о дочери! – Эмили и не собиралась раздумывать. – Немедленно напишите миссис Хоуп, пусть присылает девочку сюда, или даже, пусть ваша подруга приезжает вместе с ней, погостить немного в Гренвилл-парке. Ребенок окажется в окружении незнакомых людей, и будет лучше, если рядом поначалу будет кто-то, кого он знает. Кстати, сколько лет малышке? Ей нужна кормилица?

– Люси уже пять лет, так что, думаю, кормилица ей не нужна, – улыбнулась леди Боффарт. – О да, я знаю, как тебе хочется еще одного ребенка, но как отнесется к этой идее Уильям?

– Пусть только попробует запретить мне спасти эту сиротку от приюта! – На бледных щеках леди Гренвилл появился гневный румянец, серые глаза потемнели. – В конце концов, я могу последовать вашему совету и развестись с ним!

Леди Боффарт тут же порадовалась, что как-то за завтраком предложила племяннице уехать вместе с ней в Италию, оставив лорда Гренвилла, безнадежная любовь к которому уже много лет заставляла Эмили страдать. Правда, тогда ее слова вызвали слезы и негодование молодой женщины, но, как видно, не пропали даром. Когда-то тетушка Розалин покинула своего мужа и сбежала с любовником, о чем ни разу еще не пожалела, несмотря на то, что большинство ее родных прервали всякие отношения с ней. Желая любимой племяннице только счастья, леди Боффарт находила ее брак неудачным, а детскую влюбленность в красавца Уильяма слишком затянувшейся.

Лорд Гренвилл был мужем старшей сестры Эмили, Луизы. После ее смерти он женился на второй дочери лорда Уитмена, чтобы избавиться от притязаний на его состояние и сердца других молодых леди и дать своему маленькому сыну Лоренсу любящую матушку. Увы, сам он год за годом продолжал лелеять свою утрату. Во всяком случае, до недавнего времени Эмили думала именно так...

– Что ж, у нас достаточно средств, чтобы жить с комфортом и воспитать малышку, – леди Боффарт размышляла с самым серьезным видом, словно развод Гренвиллов был уже делом решенным. – Но ты потеряешь Лоренса...

– Ты говорила и о том, что через два или три года Лори уедет в школу. Так что я его все равно потеряю. – Голос Эмили дрогнул – она обожала племянника, но такова участь всех матерей – расставаться со своими сыновьями, как только у них наступает определенный возраст. Именно поэтому она так мечтала о дочери. – Надеюсь, он не перестанет любить меня, а когда достаточно повзрослеет, я постараюсь все ему объяснить.

– С чего это вдруг ты изменила свои взгляды на брак? – тетя Розалин внезапно взглянула на племянницу с подозрением. – Уильям как-то обидел тебя?

– Нет-нет, – поспешно ответила молодая женщина. – После всех кошмаров, что нам довелось пережить этим летом, неожиданно наступили спокойные дни, даже соседи ненадолго оставили нас в покое, и у меня появилось время подумать о самой себе. И Гренвилл-парк вдруг показался мне чужим, как будто он так и не принял меня после всех лет, что я провела здесь... Как и Уильям.

– Это помолвка Джейн так повлияла на тебя, – сделала собственный вывод леди Боффарт. – Твоя подруга так долго искала свое счастье и, похоже, наконец нашла его. Неудивительно, что и тебе тоже захотелось стать счастливой, освободиться из паутины прошлого, как это сделал Эдмунд Стоунвилль. Хотя, как мне кажется, ты до сих пор не смирилась с тем, что возлюбленный Луизы смог полюбить вновь.

– О, вовсе нет! Я совсем недавно узнала о его существовании, а если бы не кулон мисс Феллоуз^[2], я могла бы и вовсе никогда не услышать о мистере Стоунвилле! – горячо возразила Эмили. – И я рада за него и Джейн! Вот только не совсем понимаю, зачем ему было распространять слухи о своей смерти?

– По-моему, он все доходчиво объяснил, дорогая, – леди Боффарт пожала плечами. – Он хотел похоронить прошлое и возродиться к новой жизни, так что он имел в виду, что его старая личность умерла, только и всего. Хотя подозреваю, что дело не только в этом... Но мы с тобой отвлеклись от маленькой Люси Хаттон.

– Вы правы, тетя, – Эмили охотно переменяла тему разговора. – До появления первых гостей у вас еще есть время написать миссис Хоуп и попросить ее привезти Люси в Гренвилл-парк. Чтобы вы не беспокоились, я поговорю с Уильямом во время приема. Он будет слишком рассеян, чтобы возражать.

– Что ж, так я и сделаю. Надеюсь, Люси и наш маленький лорд понравятся друг другу. – Тетушка Розалин поднялась с дивана, вновь аккуратно расправив юбку, и направилась к двери, но она не была бы самой собой, если бы за ней не осталось последнее слово. – А тебе следует пройти в парадные комнаты и проверить, все ли готово к приему. Твоя экономка выше всяких похвал, но хозяйке не мешало бы иногда принимать участие в домашних хлопотах. И не надо говорить мне, что у тебя болит нога, в конце концов, не каждый день твоя лучшая подруга выставляет на обозрение своего жениха!

Эмили даже не поморщилась от этого укола. За те месяцы, что леди Боффарт гостила в Гренвилл-парке, она привыкла к острому язычку тетушки, а радость от того, что после стольких лет разлуки они вновь обрели друг друга, ничуть не уменьшилась.

Правда, исполнять приказание тетушки она тоже не собиралась. Миссис Даррем умела управляться со слугами без помощи хозяйки и, пожалуй, обиделась бы, явись миледи воочию взглянуть, достаточно ли ярко блестит паркет в большой гостиной, и с должным ли вкусом подобраны расставленные повсюду букеты. Больная нога Эмили служила

ей оправданием в глазах прислуги, хотя никто не назвал бы леди Гренвилл вялой и бездеятельной.

Лишь иногда на нее находили приступы уныния, навеянные болью в сломанной в детстве ноге или грустными мыслями о неразделенной любви к лорду Гренвиллу. Обычно она быстро справлялась с этими приступами. Но не в этот раз...

Едва за теткой закрылась дверь, молодая женщина опять вернулась к созерцанию осеннего пейзажа за окном своей любимой гостиной. Однако видела она не мокрую лужайку и начинающуюся за ней аллею. Вернее, не только их.

Уже две недели, стоило ей взглянуть в окно, перед ее глазами возникала одна и та же картина. В самом начале аллеи, даже не пытаясь скрыться в ее тени, стоят мужчина и женщина. Их объятие длится, и длится, и длится... Эмили хочется закричать, она зажмуривается, но влюбленная пара никуда не исчезает. Уильям, хранящий верность своей первой жене, и Агнесс, миссис Рэйвенси, которую леди Гренвилл с радостью назвала своей подругой! Как могли они оба предать ее?!

О, ну конечно, лорд Гренвилл предупредил ее сразу же после того, как сделал предложение! Он не собирается ограничивать ни свою собственную свободу, ни свободу жены в том, что касается любовных связей, лишь бы соблюдались необходимые приличия.

От того, что она была предупреждена, ее душа не стала болеть меньше, ведь за шесть лет брака она не замечала ничего, что могло бы вызвать ее ревность. Уильям продолжал хранить верность памяти Луизы, и к этой боли Эмили привыкла, но неожиданный удар застал ее врасплох.

Последние два года в ее сердце то разгоралась, то угасала надежда когда-нибудь стать для лорда Гренвилла... Пусть не той, кем была Луиза, но все же больше, чем верной подругой и хозяйкой его дома. Эту надежду питали изменения в отношениях супругов, причиной которых неожиданно стали мрачные, загадочные, а порой и трагические события, происходившие в Торнвуде и окрестных поместьях. Желание помочь попавшим в беду друзьям, раскрыть все возможные тайны и восстановить справедливость было присуще обоим супругам, но без напора жены лорд Гренвилл навряд ли покинул бы свой кабинет, чтобы искать убийц, отбирая славу у суперинтендента Миллза. Энтузиазм Эмили заставил Уильяма пробудиться от своей меланхолии, и необходимость противостоять чьей-то злой воле сплотила лорда и леди Гренвилл, помогла им стать ближе друг к другу.

Эмили уже несколько раз открыто заявляла, что мечтает о сестренке

для маленького Лори, а однажды даже осмелилась вообразить, что Уильям ревнует ее. Но это было уже давно, во время свадьбы Сьюзен и Генри Говардов, близких друзей Гренвиллов. С тех пор супруги будто раскачивались каждый на своих качелях, что двигаются не в такт, заставляя леди и джентльмена то встречаться на мгновение в воздухе, то вновь стремительно улетать друг от друга, едва успев обменяться взглядами.

После неожиданного сближения Уильям так же неожиданно отдалялся от жены, словно боялся признаться себе, что эта молодая женщина нужна ему все сильнее и сильнее. Раз от разу эти переходы становились все более тяжелыми для Эмили, и желание избавить свое сердце от бесполезных страданий крепло в ней, с полного одобрения тетушки Розалин и любимой подруги Джейн. Конечно, до принятия столь важного решения могли пройти еще долгие месяцы, как вдруг, как будто ей мало было переживаний из-за недавних убийств и краж^[3], она видит своего мужа в объятиях молодой ошеломительно красивой вдовы!

Миссис Агнесс Рэйвенси поразила торнвудское общество в равной степени своей красотой и трагической историей, правда, первым прониклись скорее джентльмены, а вторым – леди. Молодая женщина рано овдовела, а вскоре ее маленький сын утонул в пруду. Стойкость миссис Рэйвенси, преодолевшей свое горе и нашедшей призвание в управлении торнвудским пансионом для бедных девушек, вызывала восхищение, а приятные манеры и умение вести интересную беседу делали ее желанной гостьей во многих домах.

Вот и леди Гренвилл охотно раскрыла объятия новой подруге... Тем более что взгляды обеих женщин на нынешнее мироустройство во многом совпадали. Эмили даже стало казаться, что Агнесс понимает ее лучше, чем Джейн с ее чересчур практичной, лишенной романтической стороны натурой. И Уильяму нравились визиты миссис Рэйвенси, в эти дни он не спешил укрыться от гостей жены в своем кабинете и охотно беседовал с директрисой пансиона о самых разных вещах. Леди Гренвилл имела глупость радоваться тому, что ее новой подруге удастся удерживать лорда Гренвилла от его добровольного заточения, чего сама она не могла добиться. Теперь-то она прозрела, но, увы, слишком поздно.

Стоит ли удивляться, что мужчина увлекся красивой и умной женщиной и дал волю своему чувству, если считает себя свободным от обязательств перед женой? И как могла миссис Рэйвенси не поддаться его обаянию, тем более что оба они в прошлом потеряли тех, кого горячо любили, а непреходящее чувство утраты, внезапно разделенное на двоих, постепенно стало слабеть?

Этими мыслями Эмили доводила себя до нервного истощения, как и свой дневник, чьи страницы она усеивала то слезами, то неровными фразами. Занятая обустройством новых учениц пансиона, миссис Рэйвенси не появлялась в Гренвилл-парке или же просто не сталкивалась с леди Гренвилл, и Эмили не спешила встретиться с соперницей лицом к лицу. Она просто не представляла, как вести себя с Агнесс. Сохранить дружбу – на это у нее не хватит лицемерия, а внезапная холодность вызовет вопросы и, чего доброго, пересуды соседей, которые вполне способны в своих измышлениях добраться до истины.

Не стоило надеяться, что Агнесс сама не осмелится выказывать привязанность к леди Гренвилл. По приглашению хозяйки она со своими ученицами провела несколько недель в Гренвилл-парке, притворяясь верным другом Эмили и, как выяснилось, обманывая ее самым жестоким образом.

Как давно начался роман Агнесс и Уильяма – вот вопрос, который леди Гренвилл не уставала задавать себе, с безрассудным упрямством перебирая в памяти все те мелкие подробности встреч своего мужа и миссис Рэйвенси, которые могли послужить приметам возникающего чувства. С первой же встречи Агнесс покорила брата Джейн, беззаботного Ричарда Соммерсвиля, впрочем, ненадолго. Уильям же не торопился вслух выражать свое восхищение ее обликом и манерами, и Эмили в голову не пришло тревожиться из-за появления в их кружке очаровательной вдовы. Да если бы и пришло, что она могла сделать? Не сблизиться с миссис Рэйвенси? Увезти Уильяма из Гренвилл-парка? И то и другое равно невозможно – торнвудское общество слишком тесно, а лорд Гренвилл любит свой дом и посещает Лондон и другие места только по необходимости. Ах, стоило ей не посмотреть в окно в тот самый миг, и неведение еще какое-то время спасало бы ее! До тех пор, пока какая-нибудь добрая душа вроде миссис Блэквелл или миссис Пауэлл не появилась бы на ее пороге с самым сочувствующим выражением лица.

Сегодня миссис Рэйвенси будет на приеме, но в общей суете Эмили совсем необязательно разговаривать с ней, достаточно доброжелательного приветствия. И все равно леди Гренвилл нервничала сильнее, чем обычно перед своими празднествами. Что, если чувства Уильяма станут заметны? Навряд ли он станет выставлять их напоказ намеренно, но некоторые сплетницы чрезмерно наблюдательны и замечают огонек там, где искра еще только собирается стать им.

– Нет, так я попросту сойду с ума! Если мой рассудок еще можно назвать здоровым, со всеми моими фантазиями и непомерным

воображением! – Эмили нередко говорила сама с собой, а сейчас это тем более было нужно, чтобы не расплакаться. Ради Джейн стоит привести свои мысли хотя бы в относительный порядок, а глаза не должны выглядеть заплаканными. – Как вовремя тетушка появилась со своим известием о маленькой сиротке! Еще неделя, и мне точно потребовалась бы помощь доктора Вуда. Причем на этот раз не моей больной ноге, а голове. Жаль, от сердечного недуга у него лекарства не найдется!

И леди Гренвилл принялась с особым усердием размышлять о том, какие комнаты прикажет приготовить для миссис Хоуп и малышки Люси, как будет вести себя с девочкой при первой встрече и что скажет мать Эмили, леди Уитмен, когда узнает о затее дочери. Всех этих тем с лихвой хватило до той минуты, когда пора было покинуть уютную маленькую гостиную и направиться встречать гостей.

Спустя два часа после начала приема гости Гренвилл-парка, наконец, насытились лицезрением жениха мисс Соммерсвиль и вернулись к привычным занятиям – сплетням, флирту, серьезным и не очень разговорам о моде и политике. Еще не забылись недавние убийства молодой учительницы и одной из учениц пансиона, и даже помолвка Джейн Соммерсвиль не захватила общество настолько, чтобы перестать обсуждать преступления мистера Рассела и его помощника. Тем более что бедняжка Бет Флинн погибла прямо в Гренвилл-парке. Никто не осмелился бы попросить леди Гренвилл показать комнату, в которой произошло убийство, но Эмили не сомневалась – кое-кому из особенно любопытных леди очень хочется заглянуть туда.

Воспользовавшись тем, что все взгляды уже не устремлены на него одного, Эдмунд Стоунвилль оставил свою невесту беседовать с подругами, миссис Говард и миссис Пейтон, и постарался осторожно привлечь внимание миссис Рэйвенси.

Молодая женщина заметила его маневры и охотно прервала изливания супруги викария Кастлтона, в очередной раз выражавшей ей свое сочувствие и надежды, что их дочь Джемайма успешно справляется с ролью учительницы, пока не будет найдена замена несчастной мисс Вернон.

Следуя за приглашающим взглядом мистера Стоунвилля, Агнесс прошла с ним к одному из французских окон и остановилась в ожидании.

– Миссис Рэйвенси! Прощу прощения за то, что отвлек вас, но кто знает, когда нам снова удастся побеседовать, – учтиво начал джентльмен.

– И о чем же вы хотите говорить со мной? – В улыбке директрисы пансиона не было кокетства, но от этого она не становилась менее очаровательной. – Надеюсь, не о моем бедном пансионе.

– О, на этот счет вам не стоит беспокоиться, – заверил Стоунвилль. – Речь пойдет о более важных вещах.

– Тогда, право же, я не смогу догадаться. Мы только что были представлены друг другу и еще не успели найти общих тем для беседы, равно важных для нас обоих. – Недоумение вдовы было вполне понятно – она впервые встретилась с женихом Джейн, так как пропустила празднование помолвки в доме Соммерсвилей неделю назад.

– Позвольте, я освежу вашу память. – Светло-карие глаза джентльмена

излучали симпатию к очаровательной вдове, но не восхищение, так что Джейн нечего было опасаться. – Мы встречались с вами прежде, в Италии, куда вы привозили вашего супруга поправить здоровье. Мне жаль, что эта благодатная земля не помогла ему возродиться, как помогла мне.

– В самом деле? Боюсь, я не припомню нашей встречи, – миссис Рэйвенси с извиняющимся видом развела руками. – Тогда, как вы понимаете, я была полностью сосредоточена на том, чтобы создать все возможные удобства для мистера Рэйвенси.

– О, ну еще бы, вы ведь были его сиделкой! – и куда исчез ласковый взгляд джентльмена? Теперь он смотрел холодно и насмешливо.

– Что вы сказали? – Агнесс растерянно заморгала и нервно вздохнула. – Конечно, я была его сиделкой. Кто, как не верная супруга, должна провести с мужем все отведенные ему дни, до последнего вздоха?

– Полно, мисс Лайтфилд! Его супруга предавалась слезам и молитвам и нашла себе утешителя и наставника в лице католического священника. Нам обоим известно, что это вы, а вовсе не она, сидели рядом в ожидании кончины. И что, если бы не маленький сын, миссис Рэйвенси уже тогда приняла бы католичество и навечно заточила себя в монастыре близ Падуи. Его трагическая смерть привела ее в эту тихую обитель, где она и находится до сих пор!

– Молчите! – прошипела молодая женщина и торопливо огляделась. Никто, кажется, не прислушивался к их разговору, тем более что Ричард Соммерсвилль как раз рассказывал что-то забавное, и его собеседники то и дело прерывали рассказ хохотом. – Ваши слова – полнейший бред, но мне бы не хотелось стать объектом пересудов, и без того о моем пансионе болтают отсюда и до самого Лондона!

– Вот именно, – ухмыльнулся Стоунвилль. – Одной сплетней больше или меньше – какая разница? Другое дело, когда человек выдает себя за другого! Как я слышал от моей дорогой мисс Соммерсвилль, прошедшей зимой в здешних краях уже была разоблачена одна самозванка, тоже явившаяся из Италии. Вы ведь не хотите стать второй, моя дорогая?

Агнесс вцепилась левой рукой в портьеру, сильно сжав пальцы. Ей необходимо было овладеть собой прежде, чем кто-нибудь из гостей Гренвиллов заметит ее бледность и полюбопытствует, с чего бы это директриса выглядит такой напуганной.

А ее мучитель продолжал:

– Поистине, Италия – рай для тех, кто хочет изменить свою судьбу. Как легко принять чужое имя и вернуться в Англию уже другим человеком! Бедная женщина из приличной семьи решила порвать со светом и

уединиться в тихой обители. Как она посмела так небрежно распорядиться своим статусом несчастной вдовы, к которой решительно все обязаны проявлять сочувствие? Непреодолимый соблазн воспользоваться именем этой женщины и обернуть ее несчастья себе на пользу, не так ли? Особенно для гувернантки, которую прогнали без рекомендаций после того, как отец ее подопечных не смог устоять перед ее красотой. Ей так повезло, что добрая, наивная миссис Рэйвенси наняла ее сиделкой к своему мужу, а после его кончины сделала своей компаньонкой! Но эта удача вскоре изменила ей – мальчик утонул, а потерявшая разум от горя мать затворила за собой монастырские ворота. И тогда мисс Лайтфилд нашла для себя новые возможности. Как вам удалось провести эту старушку, тетушку мистера Рэйвенси? Она ни разу не встречалась с вами прежде?

Если длинная речь мистера Стоунвилля была призвана окончательно уничтожить его жертву, то этой надежды она не оправдала. Пока длился монолог, женщина, которую просто невозможно называть мисс Лайтфилд после того, как она почти два года известна в Торнвуде под именем миссис Рэйвенси, если не успокоилась совершенно, то хотя бы выровняла дыхание и смогла заговорить уверенным, деловитым тоном, каким давала поручения служанке:

– Вы выказали поразительную осведомленность, мистер Стоунвилль. Я и мечтать не могла, что у меня когда-либо появится собственный биограф. Рассказанная вами история достойна романа мистера Мартинса, но я прошу вас объяснить, как вы собираетесь использовать эти сведения. Я слишком бедна, чтобы платить шантажисту, в то время как вы, по слухам, весьма состоятельны и к тому же женитесь на единственной наследнице мистера Несбитта. Я не в силах представить, чем могу быть вам полезной.

– Сейчас не лучшее время и место для обсуждения нашего сотрудничества, мы и так уже беседуем чересчур долго, – джентльмен одобрительно кивнул, но в тоне его слышалось удивление – он явно ожидал длительного сопротивления, прежде чем леди признает его власть над ней. – Завтра, если позволите, я нанесу визит в пансион, где мы сможем поговорить более продолжительно и по существу. Я намерен сделать пожертвование на нужды вашего уважаемого заведения, и, разумеется, директриса получит намного большую сумму в свое собственное распоряжение, если мы сумеем договориться. В чем я почти не сомневаюсь.

– Боюсь, я не могу похвастаться такой же уверенностью, – холодно сказала Агнесс.

– Полно, миссис Рэйвенси, за время нашего разговора мы должны

были уже составить мнение друг о друге. И я не скрываю, что восхищен вашим умом и выдержкой. Другие ваши таланты мне также отчасти известны, а немного позже вы узнаете и о моих. И не забудьте – мы беседовали о вашем пансионе. Рассказы моей невесты и ее подруг о ваших злоключениях так растрогали меня, что я решился переговорить с вами, чтобы узнать, чем могу облегчить ваш тернистый путь.

– Мои запасы угля недостаточны перед угрозой близких холодов, и нашей библиотеке не хватает книг, – тем же рассудительным тоном ответила миссис Рэйвенси.

– Прекрасно, значит, вы перечислили мне те книги, которые необходимо приобрести в первую очередь, – мистер Стоунвилль учтиво поклонился и направился к Джейн, которая уже перешептывалась с леди Гренвилл, поглядывая в его сторону.

– Дьявол! – еле слышно прошептала Агнесс и с трудом разжала пальцы – так сильно она стиснула портьеру. – Я должна была быть готова к такому повороту, ведь я всегда допускала такую возможность. Только не ожидала, что этот день наступит именно сегодня. Что ж, посмотрим, чем мне может быть полезен этот Стоунвилль.

И миссис Рэйвенси с безмятежным видом подошла к лорду Гренвиллу, явно скучающему в обществе миссис Блэквелл и преподобного Кастлтона.

Леди Гренвилл проводила ее взглядом, но тут же заставила себя отвернуться и обратиться к мистеру Стоунвиллю с вопросом, какой чай он предпочитает. Или лучше налить ему кофе?

3

Только ближе к окончанию приема Эмили нашла в себе силы поговорить с Уильямом.

Она еще не привыкла к положению обманутой жены и избегала разговоров с супругом, чтобы не выдать себя нечаянно и не сказать что-то, о чем впоследствии будет горько сожалеть. Нет, уж лучше она сначала обретет душевное спокойствие, а затем решит, как должна складываться ее жизнь дальше. Вот тогда она первой удивит лорда Гренвилла, заявив о намерении оставить его, чем в пылу ссоры услышит от него признание, которое унизит ее и превратит в обиженную жертву. А если окажется, что ее воля слишком слаба, а любовь к Уильяму непоколебима, ей и вовсе не стоит показывать ему свою осведомленность о его романе с Агнесс. Порой ненавистная необходимость соблюдать приличия может избавить от лишней боли.

Две молодые леди исполняли романс с таким отчаянием, словно это было их последнее слово перед казнью. Эмили заметила, как Джейн чуть поморщилась и подняла глаза к небу, выражая свое отношение к страдальцам, заставлявшим страдать и своих зрителей. Но пели эти мученицы достаточно громко для того, чтобы желающие могли беспрепятственно перешептываться, не боясь быть услышанными.

Лорд Гренвилл расположился в кресле почти у самых дверей, и Эмили осторожно обошла чайный стол и присела на стул рядом с мужем. Уильям тотчас повернулся к ней с ироничной улыбкой – он не сомневался, что его остроумная жена собралась поделиться с ним мнением о юных дарованиях. Ее слова, однако же, заставили его недоуменно нахмуриться.

– Я пригласила погостить у нас миссис Хоуп, она подруга тетушки Розалин.

– Вот как! Мне казалось, ты не захочешь видеть в Гренвилл-парке гостей до самого Рождества, а то и дольше, учитывая, сколько огорчений нам доставил визит миссис Рэйвенси и ее учениц.

«И ты так спокойно произносишь ее имя! – Эмили едва удержалась от колкости – вот поэтому она и предпочитала пока держаться подальше от супруга. – И голос не дрогнул, и ни малейшего намека на румянец. Могла ли я предполагать в нем подобное лицемерие? Могла, ведь нас всех обучают ему с самого детства».

– Напротив, теперь, когда Джейн проводит все время с женихом, а

Дафна и Сьюзен заняты своими делами, у меня появилось много незанятого времени, и я провожу его в печальных размышлениях о несчастных погибших девушках. Появление новых гостей отвлечет меня.

– Что ж, как тебе будет угодно, – радости в голосе Уильяма не слышалось, должно быть, он представил себе еще одну тетушку Розалин, которая будет шокировать его своими неподобающими утверждениями о супружестве.

– Вместе с этой дамой приедет маленькая девочка, сирота, – вот леди Гренвилл и подступилась к главному. – У нее нет родственников, которые могли бы взять ее к себе, и я намерена сама заняться ее воспитанием.

На этот раз удивление лорда Гренвилла было куда как сильнее, чем при известии о новых гостях. Он недоверчиво прищурился, явно не зная, что сказать, и перевел взгляд на девушек у рояля, как раз закончивших третий романс и потупившихся в ожидании оваций. Эмили терпеливо ждала ответа, не показывая своего волнения. Она даже одобрительно кивнула девицам, когда те решили все же прервать свое выступление и выпить чая, пока мисс Соммерсвилль и ее жених исполняют арию Розины и графа.

– Ты и правда хочешь этого? – Вот все, на что оказался способен Уильям. – Ты совсем не знаешь эту девочку, она может оказаться капризной и злой...

– Я много раз говорила тебе, что хотела бы иметь дочь, но ты делал вид, что не слышишь меня. Теперь у меня появилась возможность осуществить свою мечту, и это не потребует от тебя никаких усилий, – леди Гренвилл недобро усмехнулась, заметив явное смущение мужа. – Что касается характера малышки... Не думаю, что я рискую больше, чем если бы сама произвела ее на свет. У моего собственного ребенка точно так же мог бы оказаться дурной характер и скверные привычки. Люси уже пять лет, и она способна оценить ласковое отношение и понять, как ей посчастливилось обрести дом в Гренвилл-парке, а не в приюте.

– Боюсь, Лори будет огорчен, – пробормотал Уильям, не глядя на жену. Ее слова задели его, что случилось не впервые, но он, по обыкновению, не мог заставить себя говорить так же прямо, как это делала она. – Он не готов делить с кем-нибудь твою любовь.

– Твой сын растет, скоро ему не нужна будет моя опека, не говоря уж о предстоящем отъезде в школу, – она намеренно назвала Лоренса «твой сын», напоминая лорду Гренвиллу, что у нее-то нет ребенка. – Если он воспримет появление малышки слишком болезненно, мы с ней и тетушкой Розалин уедем в Лондон. У меня хватит средств, чтобы содержать девочку.

– По-твоему, я волнуюсь о деньгах, которые придется потратить на

нее? – От чувства неловкости не осталось и следа, теперь Уильям был задет.

Эмили молча пожала плечами. Пора было заканчивать разговор и возвращаться к гостям. Скоро они начнут разъезжаться, и хозяйке надо быть любезной с каждым и щедро раздавать приглашения вновь посетить Гренвилл-парк даже тем, кого она меньше всего желала бы видеть.

– О каком отъезде ты говоришь? Я совсем не имел это в виду... И потом, почему ты выбрала такое время для обсуждения столь важного вопроса? – сообразил Уильям. – В последние дни ты почти не разговаривала со мной и приняла решение, которое может изменить всю нашу жизнь, одна! Впрочем, тебе, конечно же, дала добрый совет твоя тетя!

– Вот видишь, присутствие леди Боффарт тяготит тебя, как и моя независимость. В которой ты, кстати, не отказывал мне, когда делал предложение, – леди Гренвилл насладилась видом того, как гнев в его глазах уступает место вернувшейся растерянности, и оставила мужа обдумывать услышанное в одиночестве.

Может, она и не так собиралась построить этот разговор, но что сделано, то сделано. Дня через три, самое большее, четыре, приедет миссис Хоуп с девочкой, а к тому времени лорд Гренвилл смирится или с появлением в своем доме еще одного ребенка, или с грядущим расставанием с женой. Главное, ее желание уехать он никак не свяжет со своей изменой, значит, Эмили в любом случае выиграла.

А вот порадует ли ее выигрыш, она сможет узнать, лишь проведя с Люси Хаттон несколько дней, а, может быть, и месяцев или даже лет.

Джейн Соммерсвилль с удовольствием рассматривала новое бежевое платье с голубой отделкой. Несмотря на дождливую погоду, Эдмунд и Ричард уехали в Торнвуд, а мистер Несбитт вернулся в Лондон к своим делам.

Кроме Джейн, в доме осталась лишь миссис Логан. Добродушная, живая старушка, родственница миссис Пауэлл, охотно откликнулась на просьбу мисс Соммерсвилль погостить у нее. Репутация Джейн едва не разрушилась, когда мистер Несбитт признал ее своей незаконной дочерью, и сейчас девушке не хотелось давать повод для новых пересудов, проживая под одной крышей с женихом и не имея поблизости почтенной родственницы или компаньонки.

Эдмунд Стоунвилль оказался самым заботливым и предупредительным женихом, о каком только могла мечтать девушка, едва не потерявшая надежду выйти замуж сперва из-за отсутствия приданого, а затем из-за своего происхождения. Мистер Стоунвилль не желал тянуть со свадьбой, и Джейн собиралась стать миссис Стоунвилль еще до Рождества. Эдмунд даже согласился поселиться в доме Соммерсвиллей, вместе с братом своей будущей жены.

Джейн боялась оставлять Ричарда одного. Привлекательный и остроумный, как и его сестра, Ричард до сих пор не обрел супружеского счастья. Он не считался хорошей партией, так как все его достоинства перевешивал единственный недостаток – страсть к игре. Потерянное состояние Соммерсвиллей напоминало девушкам, склонным восхищаться Ричардом, и их матушкам о том, куда может исчезнуть любое, даже весьма значительное, приданое. Соммерсвилль не особенно унывал, скрашивая свою жизнь краткими романами, пока в прошлом году не полюбил от всего сердца одну юную леди. Увы, его бескорыстному чувству помешали преступные замыслы, которые пыталась воплотить в жизнь семья его избранницы.

После смерти мисс Феллоуз, болезненной, как и ее покойная мать, состояние должно было уйти из семьи к другому наследнику, чего отец и мачеха Шарлотты не могли допустить. Феллоузы купили поместье близ Торнвуда, где их никто не знал, и вскоре были приняты местным обществом. Роль Шарлотты Феллоуз успешно играла младшая сестра миссис Феллоуз, до тех пор, пока некий мистер Ходжкинс, посвященный в

аферу с наследством, не начал шантажировать Феллоузов. Он выдавал себя за жениха мисс Феллоуз, чему не переставали удивляться все соседи – слишком уж этот молодой человек мало походил на джентльмена. Его триумф оказался недолгим, алчность погубила его, вложив тяжелый канделябр в руки мнимой мисс Феллоуз.

Даже после того как преступления этого семейства были раскрыты, Ричард Соммерсвилль остался верен своей любви и помог девушке бежать. Уже много месяцев он ничего не слышал о ней и не надеялся услышать в будущем. Юная леди не обещала ему ни своей руки, ни своего сердца, хотя и намекала, что не осталась равнодушной к его чувствам.

Непривычный к страданиям Соммерсвилль был рад отправиться в путешествие на континент вместе с сестрой и ее недавно обретенным отцом. По возвращении Ричард казался прежним, легкомысленным и беззаботным, но Джейн знала – ее брат все еще не нашел в своем сердце замену самозваной мисс Феллоуз.

Появление Эдмунда Стоунвилля и его помолвка с Джейн отвлекли Ричарда от собственных переживаний. Долгое время они с сестрой ссорились из-за проигранных Соммерсвилем денег, но теперь, когда мистер Несбитт избавил их от надвигающегося разорения, ссоры прекратились. Да и играл Ричард не так уж много, а в период ухаживаний за своей пассией и вовсе не подходил к карточному столу. Джейн многие месяцы опасалась, что разочарование в любви снова толкнет брата в удушающие объятия порока, но мистер Несбитт обещал дочери, что присмотрит за Ричардом, хотя и не одобрял образ жизни молодого бездельника.

Эдмунд походил на мистера Несбитта серьезностью и умением вести торговлю, но Ричард, как ни странно, одобрил будущего родственника. Он подшучивал над сестрой: «Ты так привязана к брату, что даже мужа выбрала похожим на меня, да и фамилия твоя не сильно изменится, Соммерсвилль или Стоунвилль – знакомые постоянно будут путаться, как же тебя называть!»

Словом, Джейн была вполне счастлива. И старалась не вспоминать день, когда ее помолвка, казалось, вот-вот разрушится.

В тот сентябрьский день мисс Соммерсвилль приехала поделиться радостной новостью с Эмили, своей самой близкой подругой, и уже готова была восхвалять достоинства своего избранника, когда тетушка Розалин внезапно привела обеих женщин в ужас, заявив, что мистер Эдмунд Стоунвилль давным-давно скончался.

Пораженные ее словами, Эмили и Джейн потребовали объяснений и получили их. Как следовало из рассказа леди Боффарт, мистер Стоунвилль

некогда собирался стать священником и, скорее всего, стал бы, не повстречай он леди Луизу Уитмен, в которую обречен был влюбиться. История любви Луизы, предшествовавшей ее замужеству с лордом Гренвиллом, была известна и Эмили, и мисс Соммерсвиль. Но они и помыслить не могли, что Эдмунд и окажется тем самым юношей, бежавшим от своих страданий в Италию после того, как, по настоянию матери, Луиза вышла замуж за другого.

Леди Боффарт поддерживала влюбленных, из-за чего рассорилась с кузиной, леди Уитмен, и тоже покинула Англию. Первое время она переписывалась с мистером Стоунвиллем, пока однажды не получила известие о его смерти от мистера Трентона, назвавшегося другом Эдмунда. Сомневаться в правдивости этого сообщения у леди Боффарт не было причин. Она посетовала о безвременной смерти молодого мужчины и почти не думала о нем до тех пор, пока не возобновилась ее связь с племянницей.

От тетушки Эмили узнала о существовании у сестры возлюбленного, который вовсе не был лордом Гренвиллом, и до сих пор злилась на мать и бабушку своего мужа, леди Пламсбери, настоявших на браке Луизы с лордом Гренвиллом.

Неудивительно после этого, что заявление Джейн потрясло леди Боффарт до такой степени, что она не смогла сдержаться и подобрать более мягкие слова для выражения своего удивления. Несколько минут все три леди обсуждали возможность того, что жених мисс Соммерсвиль всего лишь тезка возлюбленного Луизы, но слишком уж многое совпадало. Мистер Стоунвилль тоже собирался в юности стать священником, но вместо этого уехал в Италию, где сумел стать компаньоном в торговой компании. Джейн внезапно вспомнила, что так и не спросила Эдмунда, почему он покинул Англию. Откровенно говоря, она не так уж и много беседовала с женихом и даже не ждала встречи с ним раньше октября, когда надеялась увидеться со Стоунвиллем в гостях у одного из друзей мистера Несбитта.

Она была польщена и обрадована, когда он внезапно появился в ее доме с сообщением, что не может больше медлить и умоляет ее согласиться стать его женой. Стоунвилль уже побывал у мистера Несбитта и заручился его согласием на брак с Джейн, хотя мисс Соммерсвиль свободна была принять решение, не опираясь на советы отца.

После счастливого объяснения «дорогой Эдмунд» уехал, чтобы не ставить невесту в неловкое положение, и обещал приехать вместе с мистером Несбиттом через несколько дней, чтобы познакомиться с

друзьями «дорогой Джейн» и отпраздновать помолвку.

– Я не могу ждать так долго, неделю, быть может! – заявила Джейн. – Завтра же я отправлюсь в Лондон и поговорю с ним. Почему он не сказал мне, что знаком с твоей семьей, Эмили? Я не раз говорила ему о тебе и других своих торнвудских друзьях. Почему появились слухи о его смерти? Что скрывается за этой ложью?

– Успокойтесь, моя дорогая, – леди Боффарт ласково погладила мелко дрожавшую ладонь девушки. – Наверняка у него были причины. Нежелание вспоминать о прошлых горестях – самая простая из них и вполне понятная. Уверена, он все объяснит. К тому же еще есть вероятность, что это совсем другой мистер Стоунвилль, может, даже кузен или родственник того юноши.

– Носящий то же имя? – усомнилась Джейн.

– Потерпите, и все выяснится. А сейчас давайте переменяем тему, дорогие. Ни к чему миссис Рэйвензи и лорду Гренвиллу знать, о чем мы тут говорили.

При упоминании миссис Рэйвензи Эмили вздрогнула и торопливо поддержала тетку. А через пару минут появились и Уильям с Агнесс, вернувшиеся с прогулки. Они с радостью поздравили мисс Соммерсвилль, и Джейн, как никто в Торнвуде умеющая скрывать свои подлинные чувства, принимала поздравления с искренней улыбкой, словно сердце ее не сдавливали тиски сомнений и страха.

Мистер Стоунвилль был удивлен и обрадован, когда невеста встретила его у конторы, но ее расспросы застали его врасплох. Джейн, до сих пор служившая в Торнвуде образцом сдержанности и тщательно скрывавшая от чужих глаз проявления эмоций, не смогла сохранить невозмутимость. Ведь речь шла о ее будущем счастье. Неужели оно недостижимо, и ей все-таки придется пополнить ряды старых дев?

– Я часто упоминала моих друзей, в том числе лорда и леди Гренвилл. Почему вы не сказали, что знакомы с этой семьей? Скрыли от меня так много о своем прошлом? Наконец, ваше притворство – вы объявили себя умершим! Как вы все это объясните? – Мисс Соммерсвилль была ненамного ниже своего жениха и выглядела весьма опасной в своем гневе.

Мистер Стоунвилль невольно огляделся, словно в поисках помощи, но в этот час парк, куда они зашли, был почти пуст – леди и джентльмены переодевались к обеду, а няньки уже давно увели детишек домой.

– Я хотел похоронить прошлое, – твердо ответил Стоунвилль. – И, если бы леди Боффарт не рассказала вам и леди Гренвилл о моей жизни до того, как я уехал из Англии, я никогда бы сам не заговорил об этом. Я мог

бы попросить вас уважать мое право не раскрывать секреты давно минувших дней, а взамен пообещать уважать ваши тайны и в будущем ничего не скрывать от своей супруги, но лучше будет, если я все же объяснюсь.

– Извольте, сэр, – только и ответила Джейн, которая внезапно поняла, что ее недавняя речь подходит, скорее, какой-нибудь истеричной, раздражительной женщине, нежели очаровательной и благонравной мисс Соммерсвиль.

– Я ни разу не встречался с лордом Гренвиллом, а его вторую супругу видел лишь однажды и с трудом могу вспомнить черты ее лица. Поэтому мое представление вашим друзьям, которого я так жду, будет именно знакомством.

– Навряд ли вы мечтаете подружиться с лордом Гренвиллом, – сухо заметила мисс Соммерсвиль.

Ее жених покачал головой и устало потер ладонью высокий лоб.

– Когда-то я не мог прожить и часа, чтобы не подумать об этом человеке с ненавистью, но не теперь. Ведь он же не претендует на сердце мисс Соммерсвиль.

Эти слова чуть смягчили Джейн, но она ждала ответов на все свои вопросы и не собиралась отступить.

– На самом деле, еще до того, как я полюбил вас, я перестал вспоминать лорда Гренвилла. Мои душевные терзания мало-помалу покидали меня, слишком истощенного, чтобы мой разум мог питать их. Я был болен и одно время полагал, что эта болезнь сведет меня в могилу, но телесные муки странным образом укрепили мое сердце. Вот тогда я и счел, что прежний Стоунвилль умер, а ему на смену пришел кто-то, кого я и сам не знал.

«Звучит так, будто он читает вслух роман», – подумала Джейн. Кому-то другому она бы так и заявила, но это же был Эдмунд, ее Эдмунд! И, как ей было известно от Эмили и леди Боффарт, он на самом деле пережил все это!

– Я не хотел, чтобы мои прежние знакомства тянули меня назад, словно они могли воскресить мертвеца, которым стал возлюбленный Луизы Уитмен. И я сделал все, чтобы меня считали умершим. Это обошлось мне в некоторую сумму, остававшуюся от расходов на мое лечение. Мой бедный друг Трентон, должно быть, сильно переживал, но я не мог видеть его! – Лицо Эдмунда исказилось, подбородок дрогнул, и Джейн ласково взяла его под руку – как необычно и странно она себя при этом чувствовала!

Они прошли молча несколько ярдов, затем Стоунвилль продолжил

свою историю.

– Я уехал почти без денег, не представляя, как буду жить дальше, но судьба внезапно оказалась благосклонной к бедному изгнаннику. Возможно, я и в самом деле настолько изменился, что она не узнала прежнего неудачника. Я не хотел больше служить богу, молитвы не утешали меня, и тут мне удалось устроиться в контору к одному торговцу. Я всегда хорошо ладил с цифрами и поразительно быстро выучился бухгалтерии... Новое дело захватило меня, и я в нем преуспел.

– Вы стали компаньоном вашего нанимателя, а потом его наследником, я знаю. – Джейн слышала все это от своего отца, сейчас ей интереснее было другое.

– Мне невероятно повезло и в том, что незадолго до своей смерти он рассорился с зятем, на которого прежде возлагал надежды, как на будущего преемника, и завещал свое дело мне скорее из злорадства, нежели из привязанности ко мне.

– Он был уверен, что вы не разрушите все, что он создал, так что, какие бы мотивы им ни двигали, он поступил верно, – убежденно ответила мисс Соммерсвиль. – Мне очень жаль, что вы пережили столько несчастий, но в будущем...

– Наше с вами будущее я вижу наполненным счастьем с избытком, – прервал ее Стоунвилль, его улыбка сделала его лицо моложе и светлее. – Вам тоже приходилось тяжело, но дни горестей миновали, дорогая, теперь нас ждут годы счастья!

Джейн точно так же улыбнулась. Она и сама была скрытной и понимала теперь, почему ее жених не спешил говорить о своем прошлом. Кроме нее, Эмили и леди Боффарт о его первой несчастной любви никто не узнает, в чем она тут же и заверила Эдмунда.

– Ваша подруга не рассказала лорду Гренвиллу о том, что ей стало известно? – быстро спросил мистер Стоунвилль.

– Вы можете не опасаться встречи с Уильямом. Эмили не захотела причинять ему ненужную боль, хотя, на мой взгляд, лучше бы он знал о том, что Луиза вовсе не так уж сильно любила его. Тогда бы лорд Гренвилл мог отказаться от своего бесконечного траура и понять, какой бриллиант его нынешняя супруга. – Джейн вдруг остановилась и растерянно покрутила зонтиком, который держала в левой руке. – Хотя, пожалуй, теперь я так не считаю. Из-за вас, Эдмунд.

– Я понимаю, – мягко ответил Стоунвилль. – И очень признателен за ваше намерение сохранить секрет. Иначе мы с лордом Гренвиллом никогда бы не смогли избавиться от неловкости, а с его стороны, должно быть, я

постоянно чувствовал бы неприязнь.

Вот так все и уладилось, между влюбленными больше не вклинивались старые тайны, и они могли идти по дорожке, настолько тесно прижимаясь друг к другу, насколько позволяли теплые осенние плащи.

Конечно, Джейн поделилась с Эмили и ее тетушкой большей частью этого разговора, оставив для себя только комплименты и заверения в том, что рядом с нею и Эдмундом никогда не появится призрак Луизы. Достаточно ему и Гренвилл-парка.

Леди Гренвилл похвалила себя за то упорство, с каким отказывалась рассказать Уильяму о первой любви своей сестры, но тетя Розалин нашла возражения:

– Напрасно ты упрямишься, дорогая моя! Кто заставляет тебя называть мужу имя возлюбленного Луизы? Ты и сама бы его не знала, если б я не услышала его вновь и не разболтала вам обеим!

На этот раз Джейн решила занять сторону подруги. Она была спокойна за Эмили, но опасалась, что ее тетушка рано или поздно вновь не удержится и назовет Стоунвилля, если лорд Гренвилл начнет задавать ей вопросы. Пусть все остается как есть – таково было теперь мнение мисс Соммерсвиль о секретах первой леди Гренвилл. Правда, оно не переменилось в том, что леди Гренвилл нынешней пора подумать о переменах в собственной жизни.

На приеме Эмили успела шепотом сообщить подруге о скором появлении в Гренвилл-парке маленькой девочки, и Джейн нашла эту новость превосходной и очень своевременной. Она даже не подозревала, насколько была права.

Эмили еще расскажет ей об этом, а пока мисс Соммерсвиль смотрела на новое платье и думала, что наденет его, когда Эмили пригласит ее на чай, познакомиться с миссис Хоуп и маленькой Люси. Ждать оставалось всего лишь два или три дня.

– Какая унылая погода для путешествия! Надеюсь, они не застряли в грязи где-нибудь на полпути от Эппинга! – Леди Боффарт раскладывала пасьянс, но волнение мешало ей сосредоточиться, и она смешала карты, чтобы начать заново.

Эмили просматривала газетные заголовки, сосредоточиться на книге она сейчас не смогла бы, но ей, как и тетушке Розалин, нужно было чем-то занять томительные часы ожидания.

Лорд Гренвилл отправил в Эппинг экипаж за миссис Хоуп и ее подопечной и на этом счел свой долг гостеприимного хозяина выполненным. Леди Гренвилл не стала уговаривать его появиться перед гостями в первый же вечер – малышка может испугаться незнакомого мужчины.

Даже Лори было запрещено покидать свою детскую прежде, чем его позовут. Эмили два раза обстоятельно беседовала с мальчиком, стараясь объяснить, почему она пригласила погостить в Гренвилл-парке маленькую сиротку и какого поведения ждет от юного лорда. К чести Лоренса надо заметить, что он внял доводам тетушки, взывавшей к его натуре рыцаря, и был готов защищать незнакомую Люси даже от привидений, явись они в Гренвилл-парк поглазеть на девочку. Нельзя сказать, чтобы Лори совсем не испытывал чувства обиды и ревности, но, благодаря стараниям гувернантки, мисс Роули, подобравшей для него парочку поучительных историй о детях, оставшихся сиротами и столкнувшихся с жестокостью чужих людей, мальчик начал осознавать, как ему повезло, что он – сын лорда Гренвилла. Да, он лишился матери, но у него есть любящий отец, милая тетя Эмили и множество других родственников, а у Люси Хаттон нет никого, кто любил бы ее и заботился о ней.

– И я не стану любить тебя меньше, дорогой, сколько бы детей у меня не появилось в будущем, – сказала ему накануне тетушка, целуя на ночь.

– Приедут и другие дети? – Лори изумленно приоткрыл рот, его сонные глаза вновь широко распахнулись.

– Думаю, пока нам достаточно одной Люси, – успокаивающе улыбнулась Эмили. – Но, кто знает, может быть, когда-нибудь у тебя появится сестра или брат... Ты бы хотел этого?

– Я не знаю, – честно ответил мальчик. – Мы могли бы играть вместе, это должно быть очень весело, но что, если кто-то из них ломает мои

игрушки или даже побьет меня? Джеймс и Перси Кастлтоны все время дерутся...

– Ты же будешь старшим и не допустишь никаких драк, – самым серьезным тоном ответила леди Гренвилл. – И не станешь обижаться на малышей, не так ли?

– Конечно! Они такие бестолковые! – Лоренс совершенно успокоился и снова откинулся на подушки, но тут же прибавил: – И я всегда могу попросить мисс Роули спрятать подальше мои самые любимые игрушки и книжки.

– Надеюсь, ты все же поделишься чем-нибудь с Люси, настоящий джентльмен должен быть щедрым, – Эмили не хотела давить на мальчика, но старалась искоренять проявления эгоизма, иначе из Лори может вырасти второй Ричард Соммерсвиль.

– Наверяд ли ей будет интересно собирать армию в поход, она ведь девочка!

– Мы пока не знаем наверняка, во что она любит играть. Из Торнвуда для нее прислали две куклы, но может оказаться и так, что они ей не понравятся. Маленькая Мэри Кастлтон ведь играет с братьями в солдатиков, когда они ей позволяют.

– Это потому, что миссис Кастлтон запрещает им прогонять ее. – Лоренс нечасто виделся с юными Кастлтонами, и сейчас Эмили удивилась его осведомленности.

– Пожалуй, через несколько дней я приглашу Кастлтонов с детьми. Мэри на два года старше Люси, они могут подружиться. А ты покажешь Джеймсу и Перси новобранцев своей армии. Теперь же, друг мой, тебе пора засыпать. Да и мне тоже, если мы хотим, чтобы поскорее настал новый день.

Лори поморщился, то ли пожалел солдатиков, то ли хотел еще поболтать, но этот тон тетушки он знал. Если начать спорить, можно поспориться, и тогда ему могут и вовсе не позволить взглянуть на Люси Хаттон.

Мальчик послушно закрыл глаза, и леди Гренвилл, прихрамывая, направилась в свою спальню.

Наутро Эмили пересказала тетушке разговор с Лори, и леди Боффарт удовлетворенно кивнула.

– Что ж, даже если он передумает дружить с Люси, когда поймет, что она задержится здесь надолго, это все же неплохое начало. Мальчик обещает вырасти настоящим джентльменом.

– Я делаю для этого все, что могу, и Уильям тоже. Чем старше становится Лоренс, тем больше времени с ним проводит отец. Они подолгу читают и разговаривают...

– Так и должно быть, дорогая, – тетушка Розалин удержалась от скептического хмыканья в адрес воспитательных методов лорда Гренвилла. – Я хорошо помню, как твой отец терпеливо выслушивал болтовню Реджи и пытался вложить в его бестолковую голову хотя бы немного здравого смысла.

– Мой брат вырос разумным человеком, – вступилась Эмили. – Даже наша мать признает, что его единственный недостаток состоит в нежелании жениться.

– Тебе нужно было придумать, как свести его с твоей Джейн. Из них получилась бы чудесная пара, и твоя мать не нашла бы, к чему придраться.

– Не считая отсутствия у Джейн приданого, – возразила тетке леди Гренвилл. – А уж теперь-то матушка ни за что не захотела бы породниться с Соммерсвилями.

Позапрошлой осенью Джейн узнала, что у ее матери был роман с давним поклонником, и отец Джейн вовсе не мистер Соммерсвилль. После мучительных раздумий девушка объяснилась со своим настоящим отцом, и мистер Несбитт без колебаний признал ее своей дочерью и готов был восполнить потерянные годы заботой и финансовой поддержкой, в которой очень и очень нуждались Соммерсвилли. А уж когда юная дочь Несбитта Флоренс погибла от руки психически больной женщины, и у него осталась только Джейн, поддержка потребовалась уже ему самому.

Не стоит и говорить, что репутация Соммерсвиллей пострадала из-за раскрытия тайны из разряда тех, о которых люди обычно молчат всю жизнь. Но сближение Несбитта и мисс Соммерсвилль неминуемо повлекло бы за собой сплетни и подозрения, так что, отец и дочь приняли решение не скрывать дальше суть своих отношений. Если бы некоторые уважаемые семейства вроде Гренвиллов и Говардов не продолжали открыто показывать

свою привязанность к Джейн, торнвудское общество отвергло бы ее, но Эмили и другие друзья Соммерсвилей были решительно настроены не допустить этого. Богатство мистера Несбитта сыграло здесь немаловажную роль, и кое-кто из юных леди, не обладавших достаточным приданым, тут же принялись завидовать Джейн. А остальные, кроме самых непримиримых старых сплетниц, вскоре вновь стали относиться к мисс Соммерсвилль по-прежнему, лишь изредка перешептываясь, когда поблизости не было леди Гренвилл или миссис Говард.

Со смерти Луизы и повторной женитьбы Уильяма и до нынешнего лета, когда в Гренвилл-парке произошло убийство тринадцатилетней Бет Флинн, Гренвиллы не представляли интереса для любительниц поболтать о своих знакомых. Теперь же они были вознаграждены, а какая радость ожидает их, если в Торнвуде распространятся слухи о романе лорда Гренвилла! Эмили могла это себе представить.

Рассеянно глядя на газетную страницу, она размышляла об этом, почти не вслушиваясь в болтовню тетки, когда Хетти заглянула в гостиную с известием о том, что карета лорда Гренвилла вернулась, и долгожданные гости через несколько минут появятся на пороге.

Леди Боффарт несколькими ловкими движениями собрала разложенные на столе карты, Эмили свернула газеты, и обе жадно уставились на двери в гостиную. Предусмотрительная Хетти распахнула обе створки, и миссис Хоуп вошла, держа за руку свою подопечную.

Миссис Хоуп сохранила стройность и красоту молодости, но рассмотреть гостью леди Гренвилл удалось позже, когда все четверо уселись за чайный стол, успокоить нервы и подкрепиться. Первые мгновения Эмили не отрывала взгляд от Люси.

Девочка вовсе не выглядела бледной измученной сироткой, о которых говорилось в книжках Лоренса. Темно-каштановые кудряшки обрамляли тугие розовые щечки, задорно приподнятый нос и большие карие глаза выглядели очень мило, хотя Люси и нельзя было назвать красивой девочкой. Но в будущем из нее могла вырасти весьма привлекательная юная леди из тех, чей здоровый и цветущий вид многим покажется привлекательнее бледной утонченности.

Леди Боффарт вскочила с места, чтобы обнять подругу и задать ей не меньше десятка вопросов о путешествии, а Эмили улыбнулась девочке и поманила ее к себе. Она пока не хотела пугать ребенка своей хромотой.

– Люси, я очень рада, что ты согласилась приехать и погостить у нас, – леди Гренвилл говорила искренне, еще помня из собственного детства, что ребенок быстро распознает фальшь. – Подойди и присядь вот сюда, на

диван. Миссис Хоуп, наверное, уже говорила тебе, что меня зовут леди Эмили Гренвилл.

– Да, миледи, – несмотря на свое смущение, Люси не опускала глаз, напротив, она, кажется, едва сдерживалась, чтобы не начать вертеть головой, рассматривая все вокруг – незнакомую комнату, нарядных леди, бурую осеннюю лужайку за высоким окном.

– Позже, когда ты немного отдохнешь, я познакомлю тебя со своим племянником, его зовут Лори, и лордом Гренвиллом. Моя тетушка леди Боффарт – давняя подруга миссис Хоуп, и они сейчас ничего не заметят, даже если мы с тобой примемся танцевать и прыгать по комнате.

Девочка хихикнула и покосилась на тетушку Розалин, которая уже перестала тормошить гостью и сейчас указывала ей на диван, где расположились рядышком Эмили и Люси.

Леди Гренвилл вынуждена была подняться и поприветствовать миссис Хоуп, пока леди Боффарт разглядывала маленькую гостью.

– Итак, Люси, расскажи мне, чем ты любишь заниматься больше всего, – тетушка Розалин постаралась смягчить свой решительный тон, но девочка все равно смутилась.

– Я люблю рисовать, миледи, и петь песенки своей кукле.

– Ты, должно быть, знаешь много песен? Может быть, ты споешь и нам тоже?

– Нет, миледи, не очень много, – робко созналась Люси.

– В твоей комнате тебя ждут две куклы, которые будут рады послушать, как ты поешь, – Эмили решила вмешаться, пока ее тетка совсем не запугала малышку. – И няня Пейшенс научит тебя новым песенкам.

Старая нянька лорда Гренвилла присматривала за Лори, пока он был мал и нуждался в ней, но последние два года почтенная женщина проживала в собственном коттедже в полутора милях от Гренвилл-парка. По просьбе жены лорд Гренвилл призвал няню Пейшенс обратно, и старушка, довольная оказанной ей честью, с нетерпением ждала знакомства с мисс Хаттон.

– Две куклы! – девочка едва не подпрыгнула от удивления. – И я смогу играть с ними?

– Конечно, дитя мое. Сейчас горничная принесет чай, а после того, как ты попробуешь лимонный торт, сможешь познакомиться с няней Пейшенс и увидеть своих кукол.

Люси трогательно сложила ладони перед грудью, не умея выразить благодарность этой милой леди. Миссис Хоуп говорила ей, что леди Гренвилл очень добра, но целых две куклы! Это было непомерно много для

малышки, так что девочка даже не обратила внимания на слова о том, что у нее будет собственная комната.

Эмили вопросительно взглянула на миссис Хоуп. Женщина сочувственно кивнула головой.

– У Люси всего лишь одна кукла, ее зовут Фиби. В доме ее тетушки были другие игрушки, но Люси не смогла взять их с собой, они нужны ее маленьким племянницам.

– Что ж, теперь у Фиби будет компания, – леди Боффарт оглядела голубое платье девочки, сшитое из тонкой шерсти. – Какое у тебя нарядное платье!

– Она выросла из своего траурного платьица, и мы с моей горничной перешли для нее старое платье моей Аннабель, – объяснила миссис Хоуп. – Я сочла, что Люси необязательно носить черное.

– Разумеется! – подхватила леди Боффарт, на которую всегда навел тоску вид одетых в черное детей.

Хетти принесла чай, за ней шла еще одна горничная с подносом, и обе девушки принялись расторопно накрывать на стол. Люси во все глаза смотрела на то, как на столе появляются чашки из тонкого фарфора и многочисленные блюда с булочками, пирожками и, конечно же, с обещанным лимонным тортом.

– Иди сюда, дорогая. – Леди Боффарт положила на стул подушку, чтобы девочке было удобно сидеть, а затем ловко подхватила Люси и усадила за стол. – Все маленькие девочки любят сладости, и ты одна из них, не так ли?

– У тети Джудит мне очень нравилось есть по утрам хлеб с джемом из смородины, мы собирали ее летом... – Люси расстроено наклонила голову, но не заплакала.

– Должно быть, ты захочешь написать своей тете, как прошло ваше путешествие, и о новых куклах ей надо обязательно рассказать, – Эмили испытывала радость от того, что малышка не выглядит забитой и несчастной, как можно было опасаться, зная о судьбе девочки. И Люси определенно не лишена была твердости духа – она не слишком сильно стеснялась, оказавшись в обществе незнакомых леди, и постаралась скрыть огорчение, вызванное воспоминанием о доме, который она покинула. Впрочем, это ведь был не ее родной дом, и миссис Хоуп еще только предстояло рассказать о том, что собой представляла эта тетя Джудит, захотевшая отдать девочку в приют. Может, о ней и тосковать не стоило.

– Я обещала написать ей, – Люси подняла голову и снова оживилась. – Только я не знаю, как пишутся некоторые слова. Мама занималась со мной,

а у тети Джудит не было времени, она должна была готовить и убирать, пока Сара, ее дочка, болела. Потом бог послал Саре деток, и они так кричали... Я не могла спать, и тетя Джудит тоже, она говорила, что от их крика у нее болит голова.

– У тети Джудит не было служанки? – Леди Боффарт сочувственно смотрела на девочку, но Эмили подозревала, что и эту историю тетушка Розалин рано или поздно перескажет в одном из своих новых романов.

– Была, но только одна, и она всегда говорила, что очень тяжело работает, поэтому тетя Джудит ей помогала, – на Люси явно произвели впечатление опрятные горничные леди Гренвилл.

– Нам очень интересно узнать побольше о тебе, Люси, поэтому мы будем еще много спрашивать тебя о твоей семье и о том, что тебе нравится, а сейчас будет лучше, если ты попробуешь торт, – леди Гренвилл решила прекратить расспросы и отвлечь девочку от переживаний о прошлом. – И ты можешь не огорчаться из-за того, что плохо умеешь писать. Гувернантка моего племянника, мисс Роули, поможет тебе и научит всему, что ты еще не знаешь.

Люси радостно кивнула, прядь ее неаккуратно причесанных кудрявых волос едва не оказалась в тарелке с тортом, и Эмили почувствовала, что готова принять Люси Хаттон в свое сердце. Лишь бы только девочка захотела увидеть в леди Гренвилл замену матери, которой так рано лишилась!

После чаепития, во время которого больше других говорила миссис Хоуп, рассказывавшая о поездке и об успехах своей дочери в пансионе, за Люси явилась няня Пейшенс. Эмили заметила одобрительный взгляд старой женщины – дородная нянька не любила хилых, болезненных детей, и под ее суровым взглядом бледная и худая леди Гренвилл порой ощущала себя ребенком, которому необходимо есть как можно больше каши за завтраком.

Люси вежливо приветствовала няню и охотно согласилась пойти вместе с ней в свою новую комнату. Видно было, что девочка устала, глаза ее смотрели сонно, но ожидание встречи с двумя куклами придавало ей сил. Няне Пейшенс было поручено уложить малышку в постель на час или два и разобрать ее немногочисленный багаж, а три леди, оставшись одни, могли теперь свободно поговорить обо всем, что их волновало.

– Она прелестна, я и не предполагала увидеть такую живость в ребенке со столь печальной судьбой! – немедленно заявила леди Боффарт.

– Как бы мне хотелось, чтоб все ее печали остались в прошлом... – вздохнула Эмили. – Я уверена, если она захочет остаться здесь, я полюблю

ее. Но что, если она не сможет найти в Гренвилл-парке настоящий дом?

– Еще рано говорить об этом, но, полагаю, сердце девочки открыто для привязанностей. Она наделена умением быть благодарной и охотно отвечает на доброе отношение, – заметила миссис Хоуп. – Счастье для нее, что после смерти матери она не превратилась в угрюмого, замкнутого ребенка, но это не означает, что малышка бессердечна и забывчива.

В ответ на расспросы Эмили и тетушки Розалин миссис Хоуп рассказала о семье Люси то, что ей самой было известно. Хаттоны проживали на той же улице, что и миссис Хоуп с дочерью, но прежде две семьи почти не общались друг с другом.

После того как мистер Хаттон, учитель рисования, умер от пневмонии, миссис Хаттон, милая, но совершенно непрактичная женщина, едва сводила концы с концами и пережила мужа лишь на несколько месяцев. Все наследство маленькой Люси состояло из нескольких картин ее отца, а маленький домик Хаттонов пришлось продать, чтобы уплатить долги. Девочку забрала старшая сестра миссис Хаттон, вдова, которая жила вместе дочерью и ее мужем, почтовым служащим.

О них миссис Хоуп почти ничего не могла рассказать, кроме того, что тетя Джудит громогласно сетовала, проклиная судьбу за свалившуюся на ее голову племянницу. Эти жалобы слышала вся улица, и миссис Хоуп вместе с другими соседями очень сочувствовала девочке.

Лишь спустя несколько месяцев миссис Хоуп случайно узнала, что Люси ждет сиротский приют, так как зять тети Джудит не желает, да и не способен прокормить маленькую кузину своей жены, так как супруга подарила ему сразу двоих дочерей. Больше о девочке некому было позаботиться, и миссис Хоуп без всякого сопротивления со стороны тетки забрала Люси к себе с намерением найти для малышки семью.

Девочка плакала, покидая негостеприимный дом своих родственников, но не просила позволения остаться у тети, так что миссис Хоуп уверилась в правильности своего поступка. А сейчас она не сомневалась, что отношения леди Гренвилл и Люси сложатся наилучшим образом.

– Если бы еще лорд Гренвилл был рад ее появлению... – Эмили горько вздохнула.

– Ну, он хотя бы согласился с ее приездом, – подбодрила племянницу леди Боффарт. – После обеда он увидит девочку и, возможно, ее непосредственность очарует его, как очаровала нас.

Если миссис Хоуп и догадалась, что отношения лорда и леди Гренвилл неидеальны, она никак этого не показала. Еще три четверти часа дамы говорили о Люси, недостатках ее гардероба и образования, а затем миссис

Хоуп также захотела немного отдохнуть до того, как придется переодеваться к обеду.

Леди Боффарт пошла проводить подругу в ее комнату, а Эмили, подумав немного, все же решила поговорить о маленькой гостье с Уильямом. Будет лучше, если лорд Гренвилл узнает о Люси и ее семье все то, что рассказала миссис Хоуп, до встречи с девочкой.

Леди Гренвилл медленно шла по коридору, когда услышала доносящийся из кабинета мужа резкий женский голос. Эмили замерла возле двери в библиотеку, неудобно поставив больную ногу и даже не заметив этого.

Неужели миссис Рэйвенси осмеливается посещать лорда Гренвилла в их доме? И Уильям не считает нужным скрывать свой роман от прислуги и даже от нее самой?! Пускай Эмили редко бродит по дому, но встретиться с его любовницей может тетушка Розалин, а уж эта дама не станет молчать об увиденном. Ошеломленная и рассерженная, молодая женщина даже забыла, зачем явилась сюда.

Через несколько мгновений к гневу прибавилось желание услышать, о чем говорят собеседники – более тихий голос лорда Гренвилла что-то отвечал женщине. Кажется, они ссорятся?

Эмили решила, что стоит подобраться поближе к двери в кабинет, которую, скорее всего, кто-то забыл прикрыть поплотнее, отчего голоса и слышались в коридоре. Но вместо этого она осторожно отворила двери в библиотеку и проскользнула внутрь. Ковры скрывали ее неловкую поступь, и леди Гренвилл почти бесшумно приблизилась к двери, соединявшей библиотеку и кабинет Уильяма. Поступить подобным образом ей помогло неожиданное воспоминание – два года назад ее легкомысленная подруга Даффи, переодевшаяся горничной, чтобы без помех встретиться со своим любовником, чуть ли не на этом самом месте пряталась от настоящей горничной. Тогда Дафне удалось подслушать часть разговора между леди и джентльменом, и разговор этот касался смерти владельца одного из соседних поместий – мистера Рассела. Это случайное обстоятельство помогло найти убийцу старого джентльмена через пять лет после его смерти.

Правда, Дафна в тот вечер находилась в кабинете, а беседующие об убийстве – в библиотеке, но это не имело значения, ведь дверь между библиотекой и кабинетом была притворена неплотно, и тот, кто был в одном из этих помещений, без труда мог расслышать людей, находившихся в другом.

Эмили быстро поняла, что собеседницей Уильяма не может быть Агнесс Рэйвенси. Голос принадлежал женщине постарше и, скорее всего, не очень хорошо образованной. Сквозь частое биение собственного сердца

леди Гренвилл слышала, как эта незнакомая женщина выговаривает ее мужу.

– По-вашему, я напрасно проделала долгий путь пешком по такой отвратительной дороге? Ну уж нет, я не уйду ни с чем! Даже если вам не жаль мою дочь, пожалейте хотя бы ее будущего ребенка!

– Я могу только повторить вам то, что уже говорил и даже писал ранее, – голос лорда Гренвилла звучал сухо и холодно. – Вы и ваша дочь уже получили достаточно для того, чтобы никогда не приближаться к Гренвилл-парку. Если вы неразумно распорядились средствами, это не моя вина. И лучше вам не пытаться воздействовать на меня с помощью этого ребенка. Тем более что я отнюдь не уверен в его существовании.

– Вы осмеливаетесь обвинять меня, говорите, будто я лгу? – женщина задыхнулась от возмущения, и Эмили перестала дышать вместе с ней.

«У Уильяма должен родиться ребенок? Выходит, до романа с Агнесс у него были и другие! А я-то все эти годы думала, что он проводит дни и ночи в тоске по Луизе!» – но больше, чем лживость и неверность супруга, леди Гренвилл поразила жестокость, с которой лорд Гренвилл отказывал матери его ребенка в помощи. Как он может так поступать и после этого называться джентльменом? О, конечно, Эмили было известно множество историй о соблазненных служанках, выброшенных за порог хозяевами дорогих особняков и вынужденных идти со своим ребенком в рабочий дом. Однако же ей и в голову прийти не могло, что подобная история произошла в Гренвилл-парке, причем совсем недавно, судя по тому, что ребенок еще не появился на свет.

Расстроенная и возмущенная, леди Гренвилл не расслышала, что ответил Уильям. Судя по словам женщины, он предложил ей покинуть Гренвилл-парк.

– Господь не простит вам вашего бессердечия, как не прощу и я! Что ж, я уйду, и пусть все наши несчастья окажутся сущим пустяком по сравнению с теми горестями, что ждут вас!

Ответа не последовало, и вскоре Эмили услышала, как хлопнула дверь. Видимо, женщина ушла, не дождавшись от лорда Гренвилла ни единого слова сочувствия.

Леди Гренвилл так быстро, как только могла, поспешила к двери и выскочила в коридор, но ей не под силу было догнать округлую фигуру в коричневом плаще, уже свернувшую из коридора в холл. Когда Эмили добралась до холла, там уже никого не было.

Кем же была эта женщина, мать любовницы лорда Гренвилла? Ни одна из служанок не покидала в последние месяцы Гренвилл-парк, так что,

скорее всего, Уильям вступил в связь с какой-то девушкой из Торнвуда, дочерью лавочницы или кухарки. Возможно ли, чтобы лорд Гренвилл так унизил себя?

Если бы Эмили сказала что-то подобное о Ричарде Соммерсвиле, ее соседи не были бы удивлены, но назови она имя своего мужа, ее подняли бы на смех. Лорд Гренвилл и простая девушка? Полно, леди Гренвилл, должно быть, лишилась рассудка!

Даже ближайшие подруги едва ли поверят ей. Но ведь разговор Уильяма и незнакомой женщины ей не приснился! Как не было сном и видение лорда Гренвилла и Агнесс, сжимающих друг друга в объятиях.

Что ей теперь думать о нем? И что делать с тем, что она только что узнала?

– Надо найти эту женщину. – Эмили направилась в свою маленькую гостиную, разговаривать с Уильямом сейчас она была попросту не способна. – Нельзя допустить, чтобы дитя лорда Гренвилла росло в нищете! Он должен признать этого ребенка и воспитать его в Гренвилл-парке! Подумать только, я так мечтала о сестре для Лоренса, и вот появляется Люси, и в тот же самый день я узнаю о другом ребенке, который еще не родился, но который будет Лори родным братом или сестрой!

В гостиной молодая женщина тяжело опустилась в кресло, погоня за незнакомкой утомила ее, но еще большую усталость она чувствовала от очередного потрясения. Снова Уильям поразил ее, снова причинил ей боль! И надо же этому было случиться в тот день, когда она надеялась переменить свою жизнь и судьбу маленькой сироты Люси Хаттон! День, который она в будущем могла считать семейным праздником!

– Ох, нет, я не должна плакать! Вечером Лоренс увидит Люси, и мне нужно быть рядом с ними спокойной и безмятежной! – уговаривала себя Эмили, но слезы уже бежали по ее щекам. – Ничего не должно иметь значения, кроме детей! Что бы ни делал Уильям, он остается моим другом, и другие женщины не изменят этого, вот о чем я буду думать отныне, чем утешаться!

С этим трудно было поспорить – лорд Гренвилл считался с мнением своей жены, старался ободрить и утешить ее летом, когда она переживала из-за трагедий в пансионе, не отказывался помочь в ее поисках убийц, хотя большинство джентльменов назвало бы ее предположения нездоровой фантазией. И всего этого ей должно быть достаточно, отныне и навсегда. Или принимать ситуацию, или разрешить ее, уехать и развестись с лордом Гренвиллом.

– Я не стану ничего решать до тех пор, пока не решится вопрос с

Люси, и пока я не выясню все о девушке, которая носит ребенка лорда Гренвилла, – почти два часа понадобилось Эмили, чтобы выплакать ненужные слезы и успокоиться. – Если эта девушка захочет отдать ребенка в какую-нибудь семью, я сама заберу его, что бы ни говорил мой муж! Если же мать не пожелает расстаться с малышом, я заставлю Уильяма обеспечить бедняжку должным образом. Я всегда думала – и как только все эти благородные лорды могут спать спокойно, зная, что где-то прозябают в нищете их отпрыски? Теперь у меня появится возможность спросить об этом одного такого лорда!

Воинственный настрой по отношению к супругу леди Гренвилл испытывала не впервые, но обычно привязанность к Уильяму рано или поздно охлаждала ее пыл. Сейчас, Эмили была в этом уверена, она не остынет от нескольких добрых слов. Лорд Гренвилл повел себя недостойно, непростительно, гадко.

И его верная супруга готова поучиться у него коварству! Его приторно-скорбный вид больше не обманет ее и не разжалобит! Тетушка Розалин сможет гордиться своей племянницей, вне всяких сомнений.

В столовую леди Гренвилл вошла с гордо поднятой головой, чувствуя себя закованной в сверкающие доспехи девой-воительницей, пусть ее изящное платье винного цвета и производило совсем иное впечатление. Припухшие глаза нельзя было скрыть, но миссис Хоуп и тетушка Розалин ничуть не удивились, когда Эмили сказала, что рассказ няни Пейшенс о том, как Люси благоговейно касалась пальчиками новых кукол, растрогал ее до слез. Обе дамы испытывали похожие чувства, и весь обед лорд Гренвилл вынужден был выслушивать рассуждения леди Боффарт о том, как прелестна маленькая мисс Хаттон, и сколько радости она может доставить людям, которые примут ее в свою семью. Эмили в это время тихо беседовала с миссис Хоуп о событиях прошлой зимы, гостья хотела узнать поподробнее, чем закончилась история с помолвкой мисс Шарлотты Феллоуз.

После обеда в гостиную позвали отдохнувшую Люси, и лорд Гренвилл мог воочию убедиться, что его маленькая гостья и в самом деле так очаровательна, как о ней говорят. Девочка смутилась при виде высокого темноволосого джентльмена, но на его любезные расспросы о путешествии отвечала с каждой минутой все более уверенно. Несмотря на то что Эмили не предупредила его, Уильям не спрашивал Люси о ее семье, и к тому моменту, когда мисс Роули привела Лоренса, она уже довольно свободно болтала с лордом Гренвиллом и улыбалась в ответ на ласковые улыбки леди Гренвилл.

Детей представили друг другу, как и полагалось, пусть Люси и не знала пока, как ей нужно себя вести, и стушевалась под серьезным взглядом мальчика. Лоренс рассматривал гостью с любопытством и некоторым недоумением – очевидно, он, как и его тетушка Эмили, ожидал увидеть бледную сиротку в порванном платье и дырявых ботинках.

По просьбе леди Гренвилл мисс Роули завладела вниманием девочки, начав рассказывать о своих занятиях с Лори. Люси охотно согласилась поучиться писать и считать, но больше всего ей хотелось рисовать. Тут Люси впервые заговорила о своем отце. Мистер Хаттон учил ее правильно держать карандаш и показывал красивые домики и речку, которые она потом старалась как можно лучше нарисовать в своем альбоме. К сожалению, альбом потерялся, когда Люси переехала к тете Джудит, и Эмили тут же пообещала девочке новый альбом, краски и все, что необходимо для занятий живописью.

Лори наскучило быть слушателем, и он вмешался в разговор. Все, о чем ему не могла вчера рассказать тетушка Эмили, мальчик пожелал узнать от самой Люси. Умеет ли она кататься на пони, любит ли играть в солдатиков, и множество других вопросов обрушилось на девочку.

Леди Гренвилл хотела остановить племянника, но тетя Розалин шепотом предложила ей не вмешиваться. Если детям предстоит расти вместе, им лучше начать привыкать друг к другу тотчас же, и Лори не должен чувствовать себя отодвинутым на второй план. Эмили и сама знала это, но ей было жаль девочку, сегодняшний день должен был показаться ей слишком длинным.

Люси, впрочем, отвечала довольно бойко и совершенно успокоила Лоренса, не выказав интереса к его игрушечной армии.

Когда детям настала пора отправляться в постель, леди Гренвилл пошла вместе с ними. Сперва она наблюдала, как няня Пейшенс помогает Люси переодеться в ночную рубашку и забраться на высокую кровать, затем присела рядом с постелью и спросила девочку, как ей понравилось в Гренвилл-парке.

– Дом такой большой... Тетушка Джудит ни за что не нашла бы меня, если бы я захотела спрятаться.

– Тетя обижала тебя? – осторожно спросила Эмили.

– Она сердилась, если я проливала молоко на платье, – девочка нахмурилась, вспоминая. – А мистер Баркетт, муж моей кузины, часто ворчал, что я мешаю ему думать. Наверное, так оно и было, ведь он так и не придумал, как починить крышу над кухней. Когда шел дождь, вода капала прямо на плиту...

– Что ж, у нас с крышей все в порядке. Завтра ты сможешь выйти погулять и увидишь, как выглядит дом снаружи, если, конечно, дождь прекратится. А к чаю придут две леди, мои подруги, они очень хотят с тобой познакомиться. Ты покажешь им своих кукол?

Люси ничего не имела против – она знала, что взрослые леди не играют в кукол, и никто не отберет у нее новых подружек.

– Пора тебе закрыть глазки и прочитать молитву, а затем постараться уснуть. – Леди Гренвилл наклонилась поцеловать девочку, и малышка на мгновение прижалась щекой к ее щеке. – Сладких снов, милая.

Растроганная, Эмили оставила девочку одну и направилась в комнату Лори. Мальчик ждал ее, сидя в кровати.

– Тебе понравилась наша гостья? – Леди Гренвилл с волнением смотрела на сосредоточенное выражение лица маленького лорда.

– Пожалуй... – медленно протянул он. – Она еще слишком мала, чтобы с ней было интересно разговаривать, но мисс Роули сказала, что через год или два Люси будет знать почти столько же, сколько и я. Она останется здесь так надолго?

– Тебе бы этого хотелось? – Эмили испытывала беспокойство – что, если Лоренс не сможет полюбить Люси?

– Я не знаю, – мальчик сказал то же самое, что и накануне, когда она спросила его о братьях или сестрах, и тетушка сочла вопрос преждевременным.

– Хорошо, я не стану пока спрашивать тебя об этом, ведь ты едва успел рассмотреть Люси и совсем не знаешь, каков ее характер. И мы все тоже не знаем, хотя она показалась мне милой девочкой.

– Она не плакала и не звала свою маму, как девочка из книжки, – казалось, Лори был разочарован несоответствием книжного образа и реальной Люси.

– Ее мама умерла несколько месяцев назад, и Люси уже успела понять, что матушка не вернется к ней. К тому же бедняжка жила у своей тети, которая, должно быть, ругала ее, если девочка плакала. Но это не означает, что Люси не скучает по своим родителям. Мне кажется, порой она чувствует себя одинокой и потерянной, и мне бы хотелось, чтобы в Гренвилл-парке она нашла настоящих друзей. Я очень надеюсь на твою помощь.

Лоренс нахмурился и тут же напомнил Эмили своего отца.

– Я буду стараться вести себя с ней как джентльмен, – после небольшого размышления уверенно произнес мальчик.

– Именно это я и ожидала от тебя услышать, дорогой. – Леди Гренвилл

с трудом сдержала вздох облегчения – если Лори даже и не понравится что-то в поведении или характере Люси, он отнесется к ней с тем снисхождением, которое свойственно истинным джентльменам. Но Эмили позволяла себе надеяться на большее, ей казалось, что Люси способна покорить любое сердце, если будет оставаться такой же приветливой и живой девочкой.

Следующие несколько недель позволили ей укрепиться в своих надеждах, хотя нельзя сказать, что с Люси вовсе не было никаких проблем. Порой девочка пряталась где-нибудь и плакала, вспоминая мать и отца, порой проявляла упрямство и непослушание во время занятий с мисс Роули, особенно на уроках рисования – Люси считала, что гувернантка учит ее неправильно, не так, как учил отец.

И все же три месяца до венчания Джейн и Эдмунда Стоунвилля Эмили позже вспоминала как беспокойное, но счастливое время. Ей удавалось почти не думать о тайнах, которые скрывал лорд Гренвилл, тем более что она так и не смогла придумать, как найти незнакомую женщину, упрекавшую Уильяма в жестокости. Осторожные расспросы прислуги ни к чему не привели, очевидно, незнакомку впустил в дом не дворецкий, а камердинер лорда Гренвилла, молчаливый человек, не склонный болтать о своем хозяине с кем бы то ни было. В Торнвуде не было слышно никаких пересудов о романе владельца Гренвилл-парка с какой-нибудь молоденькой жительницей городка, и сплетницы уже давно не шептались о новорожденных, появившихся на свет вне брака.

Леди Гренвилл понимала, что проще всего было бы прямо спросить Уильяма, но теперь она не была уверена, что он не солжет ей, и не хотела снова расстраиваться. У нее были Люси и Лори, а тетушка Розалин шесть недель прогостила у своих друзей, позволив обитателям Гренвилл-парка передохнуть от ее едких и порой до неприличия прямолинейных замечаний. Словом, Эмили решительно стремилась избавиться от всех чувств, которые могли причинить ей боль – разочарования, обиды, зависти. Она даже почти забросила свой дневник, в котором всегда находилось место ее переживаниям, и проводила время, примеряя куклам Люси новые туалеты или читая сказки, сидя в глубоком кресле с прижавшимися к ней с двух сторон детьми.

Последующие вскоре трагические и печальные события неопровержимо доказывали, насколько леди Гренвилл была права, наслаждаясь каждым безмятежным осенним днем после полного печалей и тревог лета и накапливая силы для борьбы с ударами безжалостной судьбы, пусть она и не подозревала о том, как скоро они на нее обрушатся.

Первый удар настиг Эмили в день венчания Джейн и Эдмунда Стоунвилля.

Еще на церковном дворе Сьюзен Говард успела шепотом сообщить подругам удивительную новость. Два дня назад миссис Рэйвенси пришла к викарию Каствлтону с просьбой уведомить попечительский совет о том, что она покидает торнвудский пансион и уезжает в Лондон.

– И что же она собирается там делать? – миссис Пейтон огляделась по сторонам, но дамы вокруг точно так же перешептывались в ожидании начала церемонии. Судя по их взволнованным лицам, они болтали о том же самом. Да и джентльмены, собравшиеся в дальнем углу двора, кажется, тоже переговаривались куда более оживленно, чем обычно.

– Мне утром рассказала об этом Джемайма, а ей – миссис Каствлтон. Наша благонравная директриса заявила викарию, что благодаря покровительству одного джентльмена у нее будет прекрасный дом в Лондоне, собственный экипаж и все, чего она только может пожелать! Викария едва не хватил удар, когда он понял, что миссис Рэйвенси вовсе не собирается замуж за этого джентльмена – сперва-то он подумал именно так!

– Поразительное бесстыдство! – ахнула Дафна, сама, впрочем, не считавшая обязательным хранить верность мужу.

– Она казалась такой доброй, так заботилась о своих ученицах... Что-то теперь будет с пансионом? – Сьюзен обескураженно покачала головой, завитые перья на ее серой шляпке мягко заколыхались.

Эмили до сих пор не могла произнести ни слова, а через несколько мгновений поняла, что перестала даже дышать. Надо сделать вдох. Надо заставить сердце биться ровнее. Подруги не должны заметить, насколько ее эмоции отличаются от простого удивления. Это не Уильям купил для Агнесс дом, нет-нет, это кто-то другой. Так будет думать леди Гренвилл, так она обязана думать. Иначе свадьба Джейн будет испорчена ее истерикой.

– Как мы могли предположить, что миссис Рэйвенси, с ее-то красотой, захочет провести всю жизнь в этом унылом городке? – фыркнула миссис Пейтон.

Дафна уже два месяца жила в Лондоне вместе со своим супругом и приезжала в Торнвуд всего три или четыре раза, навестить подруг и отдохнуть от общества мужа. Джордж Пейтон расстался почти со всем

своим состоянием и вынужден был принять помощь друзей, устроивших его в одну из колоний. На островах Джордж, неожиданно и запоздало, проявил таланты финансиста и так успешно управлял чужим капиталом, что по возвращении ему предложили место в Министерстве финансов. В будущем Пейтон надеялся стать помощником министра и никогда не слышать напоминаний о своем неумении вести собственные дела.

Если миссис Пейтон, привыкшая вести свободный образ жизни в отсутствие мужа, и была огорчена тем, что Джордж не собирается возвращаться в колонии, на долгое проявление недовольства у нее не хватило времени – другой повод для волнения занял все ее мысли. Весной на свет должен был появиться еще один Пейтон, и Дафна горько оплакивала утрату своей прелестной фигуры и невозможность появляться в свете теперь, когда она могла позволить себе новые туалеты.

Поместье Пейтонов и их лондонский дом все еще сдавались, благодаря чему Джордж выплатил почти все долги и мог смотреть в будущее с уверенностью обеспеченного человека. Пока супруги поселились в особняке старшей сестры миссис Пейтон и собирались провести там столько времени, сколько позволят мистер и миссис Хэмилтон. Неудивительно, что Торнвуд утратил всякую привлекательность для Дафны, и ее возмущение поведением миссис Рэйвензи объяснялось скорее завистью к дерзости этой женщины, нежели соображениями морали.

Гости наконец-то начали заходить в церковь, и Эмили поторопилась опередить подруг, насколько ей позволяла хромота, но все же услышала, как за ее спиной обмениваются последними репликами Даффи и Сьюзен.

– Бедняжке миссис Логан, должно быть, очень неловко, ведь это она представила вдову своего племянника местному обществу, – молодая миссис Говард, как и ее подруги, тепло относилась к добродушной пожилой даме, сохранявшей остроту ума и жизнелюбие.

– Удивительно, как это миссис Рэйвензи могла найти себе покровителя, ведь она почти не уезжала отсюда на протяжении последних двух лет! – недоумевала миссис Пейтон. – По соседству с Торнвудом нет ни одного джентльмена, способного приобрести особняк в Лондоне для своей любовницы!

– Только бы им не оказался Ричард! – пробормотала Сьюзен. Ричард Соммерсвиль был ее детской любовью, и одно время девушка даже ждала от него предложения руки и сердца, но потом, к радости друзей, сумела преодолеть свою влюбленность и отдала сердце куда более надежному человеку, добряку Генри Говарду.

На это Дафна ничего не ответила – и в ее жизни был период

влюбленности в Соммерсвиля, такого же легкомысленного, как она сама. Только Эмили и Джейн было известно об их романе, а также и о том, как тяжело переживала Даффи разрыв с Соммерсвилем.

«Они даже не подумали об Уильяме! – мрачно усмехнулась про себя Эмили, усаживаясь рядом с супругом. – Разве кто-то может заподозрить лорда Гренвилла в том, что он изменил памяти своей покойной жены? Как будто его нынешней жены не существует вовсе!»

Видение высокой светловолосой мисс Соммерсвиль, прелестной в свадебном туалете, заставило умолкнуть и гул голосов, и шепот мыслей всех собравшихся. Эмили охотно поддалась общему настрою и через несколько мгновений уже со слезами радости наблюдала за церемонией.

Мистер Несбитт выглядел по-настоящему гордым отцом, а Ричард Соммерсвиль улыбался и лукаво поглядывал на юных леди, явно завидовавших будущей миссис Стоунвилль. Излечил ли Ричард свое сердце, нет ли, сейчас он казался вполне довольным жизнью. Его сестра наконец-то выходит замуж, и ему не нужно заботиться о ее приданом и выслушивать упреки в том, что он проиграл родительское наследство. Обо всем позаботился мистер Несбитт, а дальше справляться с решительным характером Джейн придется ее мужу. Как тут не испытывать облегчение?

Мистер Эдмунд Стоунвилль казался более взволнованным, чем его невеста, но это-то как раз никого не удивило. Всем было известно, с каким самообладанием Джейн способна переносить самые тяжкие испытания, по сравнению с которыми венчание не представляло собой ничего из ряда вон выходящего.

При выходе из церкви Ричард пошутил, заявив, что его сестра могла бы открыть курсы для женихов по умению держаться перед алтарем, в то время как Эдмунду следует заняться невестами – ему хорошо известно, как надо краснеть и смущаться. В шутках в подобном стиле Соммерсвиль продолжал упражняться и дальше, во время праздника, за что Эмили была ему очень благодарна. Она была уверена, что на самом деле Ричарду, как и ей самой, будет не хватать общества Джейн, которая должна теперь посвящать большую часть времени своему мужу. Пусть даже брат и сестра часто ссорились в прошлом, эти ссоры стали частью их жизни, и эта часть теперь будет отнята у Ричарда.

Все время, пока продолжался праздник, Эмили старалась веселиться, и это ей вполне удалось. Она не отказывала себе в удовольствии съесть несколько кусочков свадебного торта, полюбовалась на танец новобрачных и сама протанцевала два танца – один с лордом Гренвиллом, другой со своим неизменным партнером, Генри Говардом. Генри был привязан к жене

своего кузена и испытывал глубокую к ней благодарность за помощь в сердечных делах.

Во время танца с Генри леди Гренвилл заметила в толпе танцующих незнакомца, чье стремление выглядеть элегантно показалось ей чрезмерным. Каштановые волосы молодого джентльмена были явно завиты, тонкие щегольские усики придавали его немного вытянутому лицу глуповатый вид, впрочем, вполне возможно, они лишь подчеркивали и без того очевидный факт. Джентльмен танцевал со Сьюзен, не переставая о чем-то говорить даже в те моменты, когда партнеры отдалялись друг от друга.

– Ты знаком с джентльменом, который танцует с твоей женой? – с удивлением спросила Эмили. – Этот синий цвет слишком яркий для Торнвуда! Еще ни один наш сосед не являлся на свадьбу в васильковом фраке!

– Его представили нам полчаса назад, и он сразу же наговорил Сьюзен десяток нелепых комплиментов, – улыбнулся Генри. – Его зовут Чарльз Риддл, и ему не посчастливилось оказаться племянником суперинтендента Миллза.

– Я бы, скорее, посочувствовала Миллзу, – возразила его собеседница. – Этот юноша ведет себя почти так же развязно, как покойный мистер Ходжкинс!

– Что ж, если он будет слишком долго любезничать с моей женой, его ждет та же участь, что и Ходжкинса! – с притворной свирепостью в голосе ответил Говард.

Эмили фыркнула, но продолжить разговор им не удалось – танец закончился. Позже, когда она сидела у чайного стола и старалась найти ободряющие слова для миссис Логан, искренне огорченной скандальным побегом Агнесс Рэйвензи, всезнающая миссис Блэквелл рассказала то, что ей было известно о мистере Ридdle.

– Как я слышала от самой миссис Миллз, этого беспутного юношу сослали в Торнвуд из-за его дурного поведения. Он едва не женился на какой-то актрисе или певичке, проиграл на скачках изумруды своей сестры и подрался с констеблем, который пытался урезонить его, когда мистер Риддл распевал непотребные куплеты под окном одной благонравной юной леди.

– Он явно понравится мистеру Соммерсвиллю, у них немало общего, – кисло заметила миссис Пауэлл. – Должно быть, репутация этой леди пострадала из-за бесчинств мистера Риддла.

Эмили удивилась – судя по виду и манерам юноши, его проступки

должны были быть куда более безобидными, а то, о чем рассказала миссис Блэквелл, требовало некоторой сообразительности.

Миссис Блэквелл не могла ничего добавить к своей истории, кроме того, что Чарльз Риддл пробудет в Торнвуде до тех пор, пока о его скандальных проступках не перестанут говорить в обществе, где вращались его родители, и перешла к обсуждению бесстыдного поведения директрисы пансиона для девушек.

Леди Гренвилл заметила, как вновь приуныла миссис Логан, и шепотом предложила старушке пойти посмотреть на выставленные в холле свадебные подарки Джейн и Эдмунда. Ей и самой невыносимо было выслушивать болтовню достойных леди, высказывавших предположения о том, кто же ждет миссис Рэйвенси в Лондоне.

– Я до сих пор не могу поверить, что Агнесс могла не только поступить подобным образом – тут-то я ее не осуждаю, – но зачем ей было насмеяться над чувствами викария? Миссис Логан продолжала свои сетования, пока леди Гренвилл делала вид, что разглядывает некрасивую китайскую вазу – подарок леди Уитмен. Мать Эмили не сочла возможным приехать на свадьбу Джейн после того, как мисс Соммерсвиль сперва запятнала свое имя признанием в незаконном происхождении, а затем вышла замуж за коммерсанта. Эмили задавалась вопросом – знает ли ее мать о том, что женихом Джейн стал давний поклонник Луизы, и не в этом ли кроется истинная причина отсутствия лорда и леди Уитмен? Так или иначе, это было к лучшему – решительная дама могла позволить себе какую-нибудь обидную реплику в адрес жениха или невесты.

– Как и вы, я не могу представить себе ее мотивы, – ответила, наконец, леди Гренвилл, понимая, что старушка ожидает ответа. – Возможно, ханжеские взгляды викария надоели ей, пока она занимала пост директрисы пансиона, и ее поступок можно рассматривать как маленькую месть за его придирки.

– Может быть и так, – миссис Логан тяжело вздохнула. – Миссис Пауэлл теперь очень холодна со мной, ведь через меня она тоже может считаться родственницей Агнесс.

Тетушка Розалин некогда тоже сбежала с любовником, но при этом она еще и была замужем, так что, Эмили могла себе представить недовольство миссис Логан, навряд ли оно было меньше гнева и возмущения леди Уитмен.

– Она как будто считает, что мне было известно о том, что затевает Агнесс! – продолжала жаловаться старая дама. – Хотя на самом деле мы почти не виделись с тех пор, как я поселилась вместе с мисс Соммерсвиль

в этом доме.

– Мы все полагали, что вы очень близки с миссис Рэйвенси, вы принимали такое участие в ее судьбе... – Эмили знала, почему продолжает обсуждать эту неприятную для нее тему – в глубине души она надеялась узнать у миссис Логан что-то, что оправдает в ее глазах лорда Гренвилла. Либо, наоборот, подтвердит его вину.

– Это так, дорогая, но мы не были закадычными подругами, – слабо улыбнулась миссис Логан. – Мы и встретились-то впервые незадолго до того, как миссис Пауэлл пригласила меня в Торнвуд, и я уговорила Агнесс поехать вместе со мной.

– В самом деле? – Эмили в который раз поразились тому, как легко эта милая старушка находит себе друзей среди людей намного моложе ее. – Я полагала, вы знали миссис Рэйвенси еще в те годы, когда она не была вдовой вашего племянника.

– Племянника моего мужа, – напомнила старушка. – Покойный мистер Логан не очень-то жаловал покойного мистера Рэйвенси, так что наши семьи не общались. Много позже я решила подбодрить бедняжку и не была разочарована – Агнесс показалась мне такой милой, я очень привязалась к ней...

– Как и многие в Торнвуде и соседних поместьях, – заметила леди Гренвилл.

Продолжить обсуждение проступка миссис Рэйвенси дамам не удалось – в холле откуда-то появился мистер Риддл.

– О, милые дамы, вы тоже упорхнули из этой адской суеты в тихое пристанище? – весело спросил молодой человек, бесцеремонно вмешиваясь в чужой разговор.

– Вы называете «адской суетой» свадебное торжество, сэр? – самым серьезным тоном уточнила Эмили.

– Нет-нет, вы меня не так поняли! – поспешил исправиться мистер Риддл. – Я имел в виду, в бальной зале слишком душно... и шумно... Все это очень утомительно для чувствительной натуры.

Видимо, под чувствительной натурой он подразумевал себя, и обе леди с трудом удержались, чтобы не рассмеяться.

– Полагаю, в таком случае вам лучше было бы воздержаться от посещения балов и других увеселений подобного рода, – миссис Логан с материнской заботой взирала на забавного джентльмена.

– Ох, я опять выразился неловко! – с сожалением в голосе воскликнул Риддл. – Бал очарователен, и здешнее общество вызывает у меня самое горячее желание задержаться в Торнвуде, но, понимаете ли... В какой-то

момент начинаешь уставать от музыки, смеха, мельтешения танцующих пар...

– В вашем возрасте, пожалуй, рановато уставать от танцев, мистер... – миссис Логан сделала многозначительную паузу.

– Прошу вас простить мне и этот промах! – опомнился молодой джентльмен. – Мы ведь не были представлены друг другу! Меня зовут Чарльз Риддл, я приехал погостить к своему дядюшке. Вы ведь знаете моего дядю, суперинтендента Миллза?

Обеим дамам ничего не оставалось, как назвать себя и сознаться, что суперинтендент Миллз им хорошо знаком.

Имя леди Гренвилл вызвало новый всплеск восторгов мистера Риддла.

– О, миледи! Я так много слышал о вас от своего дяди! В прошлом вы несколько раз очень помогли ему в раскрытии ужасных и необычных преступлений, и он просто в восхищении от вашего ума и наблюдательности!

«Что-то я в этом сомневаюсь, – усмехнулась про себя Эмили. – Миллз был больше возмущен моим вмешательством в его дела, нежели благодарен за помощь. Хотя, пожалуй, иногда он выражал свою признательность весьма недвусмысленно, особенно прошлым летом, когда нам удалось найти убийц бедняжек мисс Вернон и Бет Флинн».

– Мне очень лестно слышать это, мистер Риддл, – леди Гренвилл и не предполагала, что под конец праздника ее ожидает такое развлечение. – Ваш дядя так любезен!

– Кто бы ни был любезен на его месте, встретившись со столь редким сочетанием ума и очарования! – похоже, комплиментов у мистера Риддла хватило не только для Сьюзен и еще двоих или троих леди, с которыми он успел потанцевать.

– Поверьте, в нашем кругу это не такая уж и редкость, – миссис Логан веселилась не меньше, чем ее молодая подруга. – Вы еще слишком мало пробыли в Торнвуде, чтобы убедиться в этом.

– Вы бесконечно правы! И я надеюсь исправить это упущение, проведя в вашем милом городке не менее семи недель или даже полных два месяца!

– Что ж, тогда мы с вами вскоре увидимся вновь на зимнем балу у кого-нибудь из наших соседей. – Леди Гренвилл чувствовала, что должна поскорее отделаться от этого глупца, иначе расхохочется ему в лицо. – А теперь, с вашего позволения, мы вернемся в этот адский вертеп, или как вы там называли бальную залу?

– Искренне надеюсь на будущие встречи, миледи! Я наслышан о

красотах Гренвилл-парка и мечтал бы побывать там, если только мое искреннее желание обрести друзей в Торнвуде не кажется вам чрезмерной дерзостью! – напоследок изрек мистер Риддл.

На самом деле, именно так и казалось Эмили, но она тут же подумала о том, как раздосадован будет лорд Гренвилл, вынужденный принимать в своем доме подобную личность, и охотно пригласила мистера Риддла приезжать в любой день на чай запросто, как к старым друзьям.

Не слушая многословных благодарностей джентльмена, леди Гренвилл и миссис Логан прошли в бальную залу. К их радости, Риддл не пошел следом за ними, позволив дамам от души посмеяться над его напыщенными манерами и неуклюжими любезностями, когда они добрались до сидящих на диване возле окна Сьюзен и миссис Пейтон.

– Его можно принять за родного сына суперинтендента Миллза, – рассказывала Эмили. – Пожалуй, Миллз умнее, но его племянник, определенно, опережает его по части манер и умения одеваться.

– А мне он понравился, – неожиданно заявила Сьюзен. – Я пригласила его на чай во вторник. Уверена, у него в запасе множество историй о лондонских скандалах и его собственных приключениях.

Одним из несомненных достоинств замужества миссис Говард почитала тот факт, что почтенные матроны больше не пытались уберечь ее от обсуждения пикантных и скандальных историй.

– Мне он тоже показался весьма милым и галантным юношей, – прибавила Дафна. – Как жаль, что придется вернуться в Лондон с Джорджем!

Миссис Пейтон в ее особенном состоянии уже и вовсе не полагалось появляться на людях, но не могла же она пропустить венчание Джейн! К тому же среди гостей было не так уж много чужаков, а ближайшие соседи и друзья привыкли к легкомыслию Даффи.

– Я тоже пригласила его, – вынуждена была сознаться Эмили. – Сама не знаю почему.

– Потому, что мы всегда стремимся к новым знакомствам, даже если они нас разочаровывают, – улыбнулась миссис Логан. – В таком небольшом обществе, как это, не стоит пренебрегать возможностью расширить привычный круг.

Сьюзен и Дафна закивали, соглашаясь с мудростью старой дамы, а Эмили подумала, что ее помыслы более корыстны – ей хотелось раздосадовать Уильяма и повеселить тетушку Розалин, которая непременно вставит мистера Риддла в какой-нибудь из своих романов. Кстати, леди Боффарт уже начала скучать – торнвудское общество перестало поставлять

ей сюжеты для новых книг, да и от английской зимы она успела отвыкнуть за долгие годы, проведенные под южным небом. Ее племянница чувствовала, что тетюшка только и ждет свадьбы Джейн, чтобы задать леди Гренвилл вопрос относительно ее будущего. А это значит, что уже завтра или послезавтра тетка вновь заведет разговор об отъезде из Гренвилл-парка вместе с Эмили и маленькой Люси.

«Если бы я могла знать наверняка, что это не Уильям перевез в Лондон Агнесс Рэйвенси! – думала молодая женщина, пока Джейн и Эдмунд провожали гостей – самые близкие подруги новобрачной собирались уехать в последнюю очередь. – Но ведь остается еще та женщина с ребенком! Скажет ли он правду, если я просто спрошу его?»

Наконец, подруги расцеловали миссис Стоунвилль, не скрывавшую уже своей усталости, потребовали у мистера Стоунвилля обещания не прятать жену от друзей и заняли места в своих экипажах.

Леди Боффарт, кажется, задремала или же утомилась настолько, что у нее не было сил на болтовню. Неторопливое обсуждение с племянницей гостей, их туалетов, танцев и шуток можно отложить и на завтра. Лорд Гренвилл был, по обыкновению, молчалив, и Эмили некоторое время просто прислушивалась к его размеренному дыханию. До Гренвилл-парка оставалось не более мили, когда она не выдержала:

– Уильям, ты слышал о том, что Агнесс бросила пансион и уехала в Лондон?

– Разумеется, слышал. С самого утра все только и твердили об этом, как будто отъезд миссис Рэйвенси более значимое событие, нежели сегодняшнее венчание. На месте молодоженов я был бы задет.

И вопрос, и ответ прозвучали нарочито небрежно, остаток пути леди Гренвилл думала о том, насколько искренен был Уильям, и знает ли он о делах миссис Рэйвенси больше, чем кто-либо другой.

Эмили так и не решила, как ей подобраться к мужу с этим вопросом, когда ответ на него пришел извне. Привезла его миссис Говард через три дня после венчания Джейн и Эдмунда.

Лорд Гренвилл еще утром поехал с Ричардом Соммерсвилем в Эппинг, скорее всего, без всякой цели. Джейн и ее муж уехали на несколько дней в Лондон, свадебное путешествие они решили отложить до наступления весны. К тому же мистер Стоунвилль с отцом Джейн собирались вложить деньги в какое-то новое дело, и уезжать в такое время Эдмунд считал неверным шагом. Миссис Стоунвилль, как верная супруга коммерсанта, без сожалений согласилась подождать. Ее только радовала возможность провести Рождество в кругу друзей, да и оставлять Ричарда надолго без присмотра тоже не хотелось. Леди Боффарт у себя в комнате составляла план романа, в котором собиралась заинтриговать читателей историей об убийствах в торнвудском пансионе. Лоренса забрала к себе погостить леди Уитмен, а Люси занималась с мисс Роули, так что у Эмили появилось немного времени, чтобы сделать запись в своем дневнике.

Она как раз описывала комичную внешность мистера Риддла, с которым должна была встретиться завтра на чаепитии у Сьюзен, когда на пороге ее гостиной появилась сама Сьюзен, бледная и расстроенная.

Первой мыслью леди Гренвилл было спросить, не получила ли ее подруга каких-нибудь неблагоприятных известий о своем здоровье. Со времени венчания Сьюзен и Генри прошло уже почти два года, а Говарды все еще не обрадовали друзей сообщением о будущих счастливых переменах в их семействе.

Прежде чем говорить о вещах, могущих взволновать обеих леди, Эмили попросила Хетти принести незаменимый в таких случаях чай, и опытная горничная почти сразу вернулась с подносом.

Сьюзен очень быстро отmelda подозрения подруги, но ее вид оставался все таким же несчастным.

– Ты расскажешь мне, что случилось, или я должна догадаться? – шутливо спросила леди Гренвилл, но ее тон не скрывал тревогу.

Миссис Говард шумно вздохнула.

– Ох, Эмили! Я было надеялась, что кто-нибудь тебе уже рассказал! Но лучше будет, если это сделаю я, а не миссис Блэквелл или миссис Пауэлл!

– Это касается... лорда Гренвилла, не так ли? – почти спокойно

спросила Эмили.

Сьюзен виновато кивнула, необходимость быть печальным вестником расстраивала ее даже сильнее, чем неизбежные страдания подруги.

– Я не представляю, с чего это началось, но в Торнвуде и на двадцать миль вокруг только и говорят о том, что это Уильям купил дом для Агнесс! И зачем только мы все уговаривали ее остаться и открыть пансион! – Сьюзен горько вздохнула и приготовилась поплакать вместе с Эмили – разве это не лучший способ выразить сочувствие?

Но леди Гренвилл не спешила отдавать должное слезам. Она как будто даже испытывала облегчение, узнав истину. Впрочем, истину ли?

– Ты говоришь, все сплетничают о нем и миссис Рэйвенси... – протянула Эмили задумчиво, прислушиваясь одновременно к себе – заболит ли сердце, станет ли ей так же трудно дышать, как тем утром, когда она впервые услышала об отъезде Агнесс. Пожалуй, нет. Она не ощущала душевного спокойствия, но оно и без того редко бывало с ней в последние несколько лет. Скорее, ее мучило болезненное любопытство.

– И миссис Блэквелл, и миссис Пауэлл, и все семейство викария, и даже супруга суперинтендента Миллза – все, кого бы я ни встретила, возмущены лицемерным поведением лорда Гренвилла и сочувствуют тебе! – подтвердила миссис Говард.

– Сочувствуют мне... – словно бы в рассеянности повторила Эмили. – И где же было их сочувствие в предыдущие шесть лет? Всем нашим соседям прекрасно известно, что лорд Гренвилл только и делал все эти годы, что упивался горем из-за смерти своей первой жены! Тогда эти почтенные дамы мне не сочувствовали! Так что же изменилось, когда Уильям выбрался из своего склепа? Неужели то, что я фактически была вдовой при живом муже, делало меня менее несчастной, чем теперь, когда я стала всего лишь обманутой женой?

С каждым словом темп ее речи нарастал, по щекам разбегался нездоровый румянец. Сьюзен, почти не вслушивавшаяся в ее слова, с тревогой наблюдала за этими изменениями и сожалела, что поблизости нет леди Боффарт или Джейн. Обе эти дамы с легкостью нашли бы, что сказать, как успокоить зарождающуюся внутри Эмили истерику.

– Давай выпьем чаю, – робко предложила миссис Говард. – Я понимаю, как тебе неприятно это слышать, но я должна была рассказать...

– Разумеется, должна была! – подруга резко отодвинула стул и уселась, не заботясь о своем платье. – Я не могу представить, что сделала бы, явись ко мне с этой новостью миссис Кастлтон или суперинтендент Миллз! Вот уж кто не упустит случая позлорадствовать!

– Успокойся, прошу тебя! – взмолилась напуганная Сьюзен. И почему она не захватила с собой своего дядюшку, доктора Вуда? Или хотя бы не взяла у него каких-нибудь капель!

– Ты правда веришь, что я могу так просто взять и успокоиться? Забыть о своих словах? Видеться с Уильямом как ни в чем не бывало? – Серые глаза Эмили потемнели, подобно камню, на который упали первые капли дождя, но она все еще не плакала.

– Я не знаю! – в отчаянии воскликнула Сьюзен. – Я и вообразить не могу, что стало бы со мной, если б мне рассказали что-то подобное о Генри! Мне так жаль, Эмили, так жаль, но я не знаю!

Леди Гренвилл до скрипа стиснула пальцы. И правда, что с ней такое? Минуту назад она была почти спокойна, а сейчас чувствует, как ее вот-вот настигнет и собьет с ног волна какого-то пугающего по своей силе чувства. Ярости, обиды, Эмили и сама не понимала, чего именно. Но поддаваться этой волне у нее нет никакой возможности, иначе она уже не сможет подняться, задохнется под тяжестью воспоминаний о каждом одиноком дне в этом доме, о каждом равнодушном взгляде, о каждом угасшем луче надежды...

– Позвони, пожалуйста, пусть Хетти сходит за леди Боффарт, – выдавила Эмили после мучительной паузы. – Тетушка сумеет убедить меня в том, что я должна радоваться такому окончанию моего брака.

– Ты... уйдешь от Уильяма? – Сьюзен округлила глаза.

– Позвони, прошу тебя, – с нажимом ответила ей подруга, и на этот раз миссис Говард послушалась.

До появления леди Боффарт обе молчали. Эмили все также стискивала ладони, а Сьюзен опасно косилась на нее и несколько раз подносила к губам чашку, чтобы хоть чем-то занять себя.

Леди Боффарт появилась очень быстро, но ласковые слова приветствия превратились в скомканное восклицание, когда она увидела лица обеих подруг.

– Я полагаю, случилось что-то крайне неприятное, – встревоженный тон тетушки Розалин был в то же время и деловитым – она словно чувствовала, что нужна ее помощь. – Если вы решили сообщить мне, что опять кого-то убили в Торнвуде или поблизости, то лучше не тянуть с этим, я хочу немедленно узнать все!

– Еще нет, но все может произойти, – зловещим тоном отозвалась леди Гренвилл.

– Ах, боже мой, Эмили, не пугай меня так! – взмолилась Сьюзен.

– Если вы сейчас же не объясните мне... – начала леди Боффарт

угрожающе.

– Сьюзен приехала рассказать мне, что в Торнвуде все встало с ног на голову из-за потрясающего известия, – ядовито улыбнулась леди Гренвилл. – Любовник Агнесс Рэйвенси, благодаря которому она упорхнула в Лондон, оказывается, мой муж!

– Что? Уильям? И кто же это измыслил подобную чушь, миссис Кастлтон, должно быть? – тетушка Розалин недоверчиво фыркнула, но тут же поняла, что обе молодые женщины восприняли новость вполне серьезно. – Полно, дорогие, не могли же вы поверить этой сплетне?

– Вы думаете, это неправда? – с надеждой спросила Сьюзен.

– Конечно же, ваша директриса всех заинтриговала этим таинственным отъездом и к тому же разозлила викария своей неподобающей дерзостью, так что нечего и удивляться тому, что в Торнвуде строят предположения о личности ее любовника. И миссис Паэулл, и миссис Блэквелл, да и другие дамы тоже не хотели бы видеть в этой роли собственного супруга, к тому же в душе они понимают, что Агнесс ни за что не одарила бы своей благосклонностью никого из этих тучных стареющих мужчин. Так кто же остается? Конечно, Уильям!

Рассудительные речи леди Боффарт произвели впечатление на миссис Говард. Молодая женщина приободрилась и даже пожалела, что сперва не переговорила с тетушкой Розалин. Именно так и следовало поступить, а уж потом преподнести Эмили эту новость как досадную сплетню, не более того.

– В самом деле, Эмили, твоя тетя совершенно права! Наши соседки не нашли никого лучше, чем лорд Гренвилл, чтобы приписать ему роман с миссис Рэйвенси. Даже если бы Уильям и Агнесс... они бы никогда не позволили кому-то узнать об этом! – затараторила Сьюзен, желая как можно скорее увидеть прежнюю Эмили. – Пройдет какое-то время, и эти разговоры утихнут, едва лишь случится что-то...

– Я видела их, – перебила ее леди Гренвилл.

– Что? Ты... видела? Что видела? – Сьюзен растерянно переглянулась с леди Боффарт, выглядевшей столь же удивленной.

– Уильяма и Агнесс. Он обнимал ее, – произнести это вслух после долгих месяцев молчания было, пожалуй, даже приятно.

– Где? Когда? Почему ты ничего нам не говорила? – обе дамы задавали вопросы одновременно.

– Здесь, в Гренвилл-парке, в аллее. В тот день, когда Джейн приехала сообщить о своей помолвке, – коротко, сухо отвечала Эмили. – Агнесс появилась чуть раньше и пошла в парк, будто бы поискать Уильяма. Позже

я взглянула в окно и увидела их...

– Я помню тот день, – пробормотала леди Боффарт. – И все дни после него, когда я считала, что ты расстраиваешься из-за будущего замужества мисс Соммерсвиль, а ты позволяла мне так думать. Как же ты, должно быть, страдала! Бедное дитя!

– Не надо меня жалеть! – вскинулась Эмили. – Лучше помогите мне собраться с силами и уехать отсюда! Навсегда!

– Если ты знала об их романе еще в сентябре, почему мы до сих пор здесь? – возмутилась тетушка.

– Я хотела дожидаться свадьбы Джейн. К тому же, если бы мы уехали раньше, в моей жизни не появилась бы Люси!

– Миссис Хоуп просто привезла бы ее туда, где находимся мы, – возразила леди Боффарт и деловито прибавила: – Что ж, тогда, я думаю, самым лучшим решением будет немедленно начать собирать вещи. Дадим Торнвуду еще один повод перевернуться с ног на голову!

– И ты даже не поговоришь с Уильямом? Не спросишь его, почему он так поступил с тобой? – Сьюзен все еще не могла поверить в то, что брак Гренвиллов вот-вот закончится, что Эмили уедет, и кто знает, когда она вновь встретится со своими подругами?

– О чем тут говорить? – Леди Гренвилл потерла пальцами виски – кажется, начинается головная боль. – Еще когда он делал мне предложение, предупредил, что намерен жить, как ему будет угодно, и я вольна делать то же самое. Лишь бы со стороны все выглядело благопристойно!

– Боже, он так сказал? В день помолвки? – Много лет Сьюзен, Дафна и Джейн переживали за брак Эмили и Уильяма и надеялись на лучшее, но теперь было понятно, что этим надеждам не суждено исполниться.

– Каков негодяй! – возмутилась леди Боффарт. – А твоя мать, конечно же, была рада устроить вашу свадьбу, даже не задумываясь о том, насколько ты будешь несчастна с человеком, который не собирается хранить тебе верность!

– Оставьте, тетя, все это вот-вот станет печальным прошлым, – леди Гренвилл уже пожалела о своей откровенности. Она была искренней со своими друзьями, но некоторыми переживаниями так и не поделилась, предоставив подругам самим догадываться, как складываются ее отношения с мужем. Джейн знала чуть больше других, но сейчас ее не было рядом, чтобы разумными доводами заставить отступить душевные терзания. – На месте Уильяма кто бы не потерял голову при виде Агнесс, ее красоты и ума достаточно, чтобы очаровать любого мужчину!

– Но Генри не потерял голову! А Ричард и вовсе предпочел ей

Шарлотту Феллоуз... ну, ту девушку, – возразила миссис Говард, не понимая, что ее слова должны еще сильнее расстроить Эмили.

– Генри любит тебя, а Ричард... это Ричард, – пожала плечами ее подруга. – Уильям же никогда меня не любил. А страдать по умершей жене всю жизнь может не каждый. Горе медленно, но все же растаяло, он почувствовал себя одиноким и, должно быть, не стал сопротивляться новому чувству...

– Пожалуй, для него и правда настала пора выпутаться из сетей своих страданий, – согласилась леди Боффарт, ради племянницы пытавшаяся сдержать гнев и не высказать все, что она сейчас думала о лорде Гренвилле. – Его затянувшееся затворничество вызывало у меня опасения насчет его душевного здоровья, теперь же я могу успокоиться. Он ничем не лучше и ничем не хуже других мужчин.

– Но ведь не все женатые мужчины поддаются влечению и заводят романы! – не унималась Сьюзен. – Даже если он влюбился в миссис Рэйвенси, он должен был помнить о том, что женат на прекрасной, милой, доброй Эмили! Мне кажется, я его просто ненавижу!

– Полно, миссис Говард, вы еще слишком молоды, чтобы понимать, как мало мужчин отказываются потакать своим прихотям! – Тетушка Розалин могла опереться на собственный опыт и на истории из своих романов, основанные на реальных событиях, поэтому говорила с полной убежденностью в собственной правоте.

– Таких мужчин нельзя считать благородными людьми! – миссис Говард заплакала, чувствуя себя несправедливо обиженной, как ребенок, который рано или поздно должен усвоить горький урок: окружающий мир существует не только для того, чтобы доставлять ему удовольствие.

– Давайте прекратим этот спор. – Леди Гренвилл отпила остывшего чая и поморщилась. – Каждая из нас может иметь собственное мнение о благородстве, верности и любви, но, скорее всего, оно окажется бесполезным, когда случится что-то подобное тому, что происходит в Гренвилл-парке. Я знаю, что буду очень долго и тяжело переживать расставание с Уильямом, но, как и он, я рано или поздно утешусь, обещаю вам! Разумеется, я извещу его о своем отъезде, но сделаю это, когда надену шляпку, перчатки и приготовлюсь сесть в карету. Я не допущу скандала и прошу вас не устраивать его вместо меня.

Сьюзен послушно кивнула, но на лице леди Боффарт отразилось недовольство. С каким пылом она готова была обвинять лорда Гренвилла, не для того, чтобы заставить его полюбить Эмили, но чтоб хотя бы отвести душу! А ее племянница хочет уехать тихонько, сбежать, как будто это она в

чем-то виновата!

– Сколько времени тебе нужно, чтобы подготовиться к отъезду? – спросила тетушка Розалин, решив пока не спорить с Эмили, а в будущем поступить так, как ей покажется более правильным.

– Я бы не хотела портить Рождество Лоренсу, – без раздумий ответила леди Гренвилл. – Мы можем не увидаться с ним очень, очень долго, так пускай мы оба запоем наше последнее Рождество вместе. А еще до наступления нового года я покину Гренвилл-парк с вами и Люси.

– Что ж, это звучит разумно, – согласилась леди Боффарт. – Надеюсь только, до этого момента слухи не дойдут до твоей матери. Иначе она появится здесь, и ее ты не сможешь уговорить не вмешиваться!

– А ведь есть еще леди Пламсбери! – Сьюзен содрогнулась, представив себе бабушку лорда Гренвилла в ярости. – Если бы ее здоровье не пошатнулось, она бы непременно попыталась образумить Уильяма и заставить тебя остаться!

Эмили тяжело вздохнула. Своим ударом леди Пламсбери была обязана именно ей. И это знание будет отягощать ее совесть всю ее дальнейшую жизнь. Бабушка лорда Гренвилла обладала умением вести дела, которого хватило бы на десяток джентльменов вроде Джорджа Пейтона. Ни при жизни лорда Пламсбери, ни после его смерти почтенная леди не отказывалась от своей страсти – приобретения все новых и новых земельных угодий. В этом году ее интересовал лес, в следующем она уже посылала своего поверенного к владельцу приглянувшейся фермы, а лучшим подарком на Рождество старуха считала приобретение еще нескольких акров вдоль берега реки. Деньги и настойчивость помогали леди Пламсбери в исполнении ее намерений, даже если прежние хозяева угодий поначалу не хотели с ними расставаться.

Все, кто знал старую даму, считали именно так, и лишь вторая жена ее внука недавно с ужасом убедилась, что, если названных средств было недостаточно, леди Пламсбери не гнушалась прибегнуть к более весомым доводам.

Веселый толстяк и обжора мистер Рассел был отравлен собственным сыном, чтобы его наследник мог выгодно продать леди Пламсбери участок с мельницей. Участие старухи в этом преступном замысле открылось случайно^[4], когда леди Гренвилл при помощи своих друзей сумела найти убийц двух молодых девушек – учительницы и воспитанницы пансиона миссис Рэйвенси. Тогда Эмили поступила вопреки своему стремлению к справедливости и скрыла тайну леди Пламсбери, пожертвовав спокойным сном ради любви к лорду Гренвиллу – Уильям был бы совершенно разбит,

узнай он, на что способна его бабка ради увеличения своих владений, наследником которых он должен был стать. Но и оставить все так, как есть, Эмили не могла. После тягостного объяснения со старухой леди Гренвилл предложила ей окончить свою жизнь прежде, чем господь призовет ее к ответу, в обмен на обещание сохранить секрет. Леди Пламсбери, кажется, приняла свое поражение и согласилась с условиями Эмили, от которой ей никогда бы не пришло в голову ожидать подобной дерзости, но удар настиг старуху раньше, чем она приняла лекарство, долженствующее увести ее в мир иной.

Смерть не совладала со старой упрямецой, но леди Пламсбери едва могла ходить и не владела левой рукой. Как иногда с удивляющей ее самой жестокостью думала Эмили, это наказание было не таким уж тяжким за смерть бедного ни в чем не повинного мистера Рассела. Не говоря уж о том, что он мог быть не единственной жертвой амбиций старухи. И все же леди Гренвилл не могла не думать о том, что взяла на себя смелость стать рукой провидения, одновременно взяв и тяжесть последствий сделанного.

За прошедшие месяцы они с Уильямом несколько раз навещали его бабушку, и старуха всегда одаривала ее злобными и вызывающими взглядами, но о случившемся не было сказано ни единого слова. Вместе со здоровьем леди Пламсбери не утратила ни одного из своих устремлений и все так же пыталась навязывать внуку свои взгляды относительно семейной жизни, вложения средств и всего, что считала важным. Неудивительно, что Сьюзен ужаснулась при мысли о том, что, будь старая леди по-прежнему бодрой и крепкой, она настигла бы Эмили где угодно и приказала немедленно возвратиться в Гренвилл-парк и не позорить род Гренвиллов своими безобразными выходками.

Что же до леди Боффарт, то она бесстрашно отмахнулась от этой угрозы.

– Пусть негодует, сколько ей угодно! Я не позволю своей племяннице и дальше быть несчастной из-за бессердечия ее внука! Вот уж, поистине, достойный наследник своей бабушки!

– Леди Пламсбери не смогла бы удержать меня, ни ее гнев, ни увещевания матушки не заставят меня изменить свое решение, – решительно ответила Эмили. – Будь я совсем одна, мне было бы тяжелее, но я все равно исполнила бы это намерение, но с вами, милая тетя, и с Люси я справлюсь и с этим испытанием.

– Вот и прекрасно, моя дорогая! – леди Боффарт, похоже, была довольна силой духа племянницы. – Думаю, нам надо отпраздновать начало твоей новой жизни, пусть оно и откладывается до Рождества.

Попроси Хетти принести свежего чая и поставить на поднос графинчик шерри. Как я помню из твоих рассказов, это проверенное средство помогает леди справиться с любым потрясением.

Эмили впервые с начала этого безрадостного разговора улыбнулась и сделала Сьюзен знак дотянуться до звонка. Миссис Говард подумала, что пора сменить тему, и поинтересовалась:

– Вы приедете к нам завтра на чай? Дядя и Генри будут очень рады, и Джейн обещала быть. Мне так любопытно послушать, что она расскажет о первых днях своего брака!

– Зная мисс Соммерсвиль, вернее, миссис Стоунвилль, я бы сказала, что ее рассказ будет весьма лаконичен, – усмехнулась леди Боффарт.

– Даже если и так, мы увидим по ее лицу, как она счастлива со своим Эдмундом, – Эмили сказала это без горечи, и тетушка Розалин пристально на нее посмотрела и одобрительно кивнула.

– А еще у нас будет мистер Риддл, – напомнила Сьюзен, неспособная скрывать свою радость от того, что беседа перешла в более привычное ей русло.

– Его болтовня – лучшее лекарство от хандры, – фыркнула леди Гренвилл. – Твоему дяде следует прописывать ее всякому, кто вздумал погрузиться.

– Только доза должна быть тщательно отмерена, иначе веселье уступит место раздражению, – прибавила леди Боффарт. – Я еще не встречала в Торнвуде никого со столь занятным сочетанием напыщенности и глупости. Даже не верится, что он совершил то, что ему приписывают.

– Я думала о том же самом, – согласилась Эмили. – Может быть, он сам сочинил все эти подвиги, чтобы произвести впечатление на провинциальное общество.

– Вполне может быть, что так оно и есть. Мы постараемся расспросить его обо всех этих проделках и поймать на лжи.

– Не будьте с ним жестоки, – вступилась за своего гостя Сьюзен. – В Торнвуде в последнее время довольно скучно, незамужним леди просто не о ком мечтать!

– Вот уж не подумала бы, что кто-то может мечтать о мистере Ридdle. Он чем-то напоминает мне покойного Ходжкинса, хотя, несомненно, Риддл лучше образован. – Леди Гренвилл ненадолго нахмурилась, вспоминая события прошлой зимы. – Надеюсь, он так и останется в нашей памяти безобидным болтуном, в отличие от Ходжкинса.

У этого пожелания, как и у многих других надежд Эмили, не было ни единого шанса осуществиться.

Оставшиеся до Рождества дни леди Гренвилл изматывала себя поездками на зимние балы и обеды. Она не отклонила ни одного приглашения и к тому же каждый день после завтрака выходила на прогулку с Лоренсом и Люси, чего бы это ни стоило ее больной ноге.

Леди Боффарт, замечавшая, как все более бледной и уставшей кажется Эмили, с нетерпением ждала Рождества. На следующий же день она заставит племянницу уложить багаж, только самое необходимое, и Гренвилл-парк наконец-то останется позади вместе со своим неверным хозяином.

Подруги переживали за Эмили, но если Сьюзен сомневалась в правильности ее намерений, то Джейн целиком и полностью их одобряла. Как и ее брат, бывший самым верным другом леди Гренвилл.

Как только до Ричарда дошли сплетни, он явился к Эмили, вне себя от праведного гнева. Соммерсвиль был намерен «как следует встряхнуть этого болвана», как выразился он об Уильяме, и молодой женщине стоило немалого труда уговорить Ричарда оставить все, как есть.

Лорд Гренвилл как раз уехал на несколько дней в Лондон, навестить Джорджа Пейтона по какому-то делу и купить подарки на Рождество, но, скорее всего, чтобы повидать свою любовницу. Ему очень повезло, что Соммерсвиль не застал его, иначе между друзьями неминуемо случилась бы ссора, навсегда разрушившая их дружбу.

– Я надеялся, что рано или поздно он оценит сокровище, которое ему послала судьба, – ворчал Ричард, не успокоившийся даже после двух чашек чая.

– Как и я, – Эмили улыбнулась про себя – друзья приезжали утешить ее, а на самом деле это ей приходится успокаивать их, убеждать, что она будет счастлива и без Уильяма. – И он не виноват, что влюбился в миссис Рэйвенси, ты должен это понимать.

– Я и понимаю, – Соммерсвиль слегка покраснел, вспомнив, очевидно, свои настойчивые ухаживания за миссис Рэйвенси. – Но он не должен был давать волю этому чувству. Никогда бы не подумал, что он способен на такое лицемерие! А ведь я знаю его с самого детства!

– Он способен на большее, поверь мне, – леди Гренвилл вспомнила о загадочной женщине, требовавшей от Уильяма позаботиться о своей дочери и ее ребенке. Этот секрет лорда Гренвилла так и оставался

нераскрытым, и Эмили не представляла, как подступиться к нему, не спрашивая Уильяма прямо о том, кто была та женщина.

– Эмили, послушай... – Ричард нервно улыбнулся, огляделся по сторонам, словно в поисках поддержки, но, так и не найдя, за что зацепиться взглядом, снова повернулся к собеседнице. – Я говорил тебе однажды, что буду рад обвенчаться с тобой, когда тебе надоест терпеть отвратительное поведение Уильяма...

– Да, что-то подобное ты действительно говорил, – она в притворном удивлении подняла брови. – И что же, ты полагаешь, это время настало?

– А почему бы и нет? – насмешливый тон Эмили неожиданно задел джентльмена. – Твое сердце разбито, мое тоже, но мы, как это ни странно, хорошо понимаем друг друга. Почему бы нам не избавиться от одиночества вместе? Я обещаю, что тебе не будет скучно! Только представь, как мы повеселимся, когда увидим лица наших соседей!

– Еще бы! – подхватила Эмили. – Леди Гренвилл сбегает от мужа с его лучшим другом, игроком, чьим состоянием, вернее, тем, что от него осталось, управляет отец его сестры! Ах, Ричард, ты развеселил меня сейчас, и давай остановимся на этом.

– Весь последний год я почти не играл, – насупился Соммерсвиль. – И мистер Несбитт настолько хорошо управляет моими деньгами, что скоро я, пожалуй, смогу содержать жену. Джейн и Эдмунд будут счастливы, если ты поселишься вместе с нами. И твоя прелестная воспитанница тоже, конечно.

– Хватит, Ричард, ты не можешь говорить об этом всерьез, – затянувшаяся шутка обычно вызывает раздражение, так случилось и на этот раз. – Я не собираюсь снова выходить замуж, нет уж, лучше быть свободной, как тетушка Розалин.

– Но, Эмили...

– Довольно! Рано или поздно ты позабудешь мисс Феллоуз и встретишь другую девушку, которую полюбишь так же сильно. И не сможешь жениться на ней, потому что у тебя уже будет жена, с которой тебе всего лишь «весело»! Что тогда? Еще один развод? Ты и без того не считаешься завидным женихом, а в этом случае ни один отец не согласится выдать за тебя свою дочь!

– Ну, хорошо, я сдаюсь, – проворчал Соммерсвиль. – Хоть ты меня и не убедила.

– Пройдет время, и ты поймешь, что твой благородный порыв мог сослужить тебе дурную службу, если ты, конечно, не подшучиваешь надо мной. – Ричард протестующе замотал головой, и Эмили вдруг представила выражение лица лорда Гренвилла, если бы он узнал о браке своей жены и

друга детства. На мгновение ей захотелось сыграть этот спектакль. Соммерсвиль уловил, как изменился ее взгляд, из раздраженного превратившись в лукавый, и тут же воспользовался переменой ее настроения.

– Я говорил искренне, дорогая, мне кажется, мы могли бы быть счастливы, на свой лад. Но я понимаю твое нежелание вступать во второй брак, в котором нет любви. Однако же мы можем подшутить над твоим неверным мужем. Уильям заслуживает наказания!

– Прежде я не думала о мести, но, пожалуй, ты прав, – задумчиво протянула леди. – Предлагаешь устроить напоследок розыгрыш для соседей и сочинить сплетню о нашем романе?

– Не о романе, а о будущем браке, – решительно возразил Ричард. – Твоя репутация не должна пострадать.

– Какое мне дело до нее, если я все равно уеду из Торнвуда, да и из Англии? – Эмили чувствовала, что эта идея невольно захватывает ее.

– Тогда нам надо все продумать! – оживился Соммерсвиль. – Уверен, Джейн нам поможет. Она чертовски зла на Уильяма!

– Что касается твоей сестры... – леди Гренвилл нахмурилась. – Как ты думаешь, она счастлива в браке?

Лицо Ричарда вытянулось, он неопределенно пожал плечами.

– Надеюсь, что так.

– Джейн не выглядит такой счастливой, какой была Сьюзен в первые дни замужества, да и потом тоже. Ты живешь с ними в одном доме и должен все замечать, скажи, Эдмунд не обижает ее?

– Я бы этого не допустил! Но я не видел, чтобы они хоть раз поссорились или даже повысили голос друг на друга. Может быть, Джейн трудно привыкнуть к тому, что она теперь не свободна? Она привыкла все решать сама за себя, да и за меня. А ее муж – человек совсем другого склада. И потом, Эдмунд проводит намного больше времени в Лондоне, нежели здесь.

– Не в этом ли причина? Они только что поженились, а супруг уже оставляет ее одну.

– Джейн знала, что выходит замуж за дельца, и что он не станет сидеть рядом с ней и читать вслух. Мне казалось, она нашла именно такого мужа, какого искала.

Эмили была озадачена поведением подруги. Миссис Стоунвилль не жаловалась, на вопросы и поддразнивания подруг отвечала своим обычным, ровным, тоном, но глаза ее не светились от счастья.

– Что, если она разочарована в своем браке? – Леди Гренвилл

надеялась, что брат Джейн рассеет ее беспокойство, но Соммерсвиль, похоже, тоже чувствовал, что его сестра что-то скрывает или же что-то гнетет ее.

– Еще слишком рано говорить это, – Ричард не выглядел уверенным в своих словах. – За три недели они, наверное, не успели привыкнуть друг к другу, понять и принять чужие привычки и взгляды. Должно быть, это очень непросто для них обоих, но со временем, надеюсь, моя сестра научится соглашаться с мнением супруга, даже если считает его неправым, а Эдмунд поймет, что она намного умнее, чем мужчины привыкли думать о слабом поле.

– Хорошо бы это было именно так! – несмотря на то, что Эдмунда Стоунвилля когда-то полюбила ее старшая сестра, Эмили не находила его неотразимым. Как будто пережитые горести оставили морщинки не только на его лбу, но и на его душе. Лучше бы Джейн было влюбиться в кого-то с более легким нравом! Но после того как Ричард спустил за карточным столом ее приданое, у его сестры возникло отвращение к молодым джентльменам подобного склада, и ее никак нельзя было за это винить.

– Моя сестра ни с кем не откровенна так, как с тобой. Если с ней что-то происходит, рано или поздно она поделится с тобой своими тревогами, а до тех пор не стоит расстраиваться из-за Джейн, когда ты сама стоишь на пороге необходимых, но тяжелых перемен, – иногда Соммерсвиль удивлял друзей неожиданно глубокими для него суждениями. – На следующий день после того, как вы с леди Боффарт и прелестной мисс Хаттон уедете из Торнвуда, я шепну Риддлу, что собираюсь сделать тебе предложение, как только ты получишь развод. Или пусть это сделает Джейн.

– Почему Риддлу? – неожиданный выбор наперсника очень удивил Эмили. – Он уже успел прослыть неисправимым болтуном, думаешь, кто-то поверит ему?

– Наши соседи поверят чему угодно, лишь бы у них появилась новая тема для разговоров зимними вечерами. Тем более ты ведь на самом деле уедешь, – возразил Соммерсвиль. – Нам поможет и то, что Риддл – чужой в Торнвуде, рано или поздно он вернется в Лондон. Я скажу ему, что не собираюсь раскрывать наш с тобой секрет торнвудским знакомым, и попрошу быть шафером на свадьбе, ведь у меня в Лондоне нет близких друзей.

– О, я понимаю, – кивнула леди. – Миссис Блэквелл и все остальные сочтут эту историю правдоподобной. Риддл проболтается об отведенной ему роли, и ни у кого не возникнет сомнений, почему ты выбрал его, Торнвуд снова превратится в гудящий улей!

– Ты не находишь, что в последние два года жизнь в городке стала намного более увлекательной, и кое-кто из нашей компании имеет к этому самое непосредственное отношение, – усмехнулся Ричард. – Убийства, кражи, шантаж... Когда Риддл услышал о трагедиях в пансионе, а затем еще и о преступлениях Кэтрин Рис-Джонс, он ушам своим не мог поверить! В его понимании, в маленьких городках никогда ничего не происходит.

– Да уж, он проявил непростительную наивность, – усмехнулась Эмили. – Однако же неужели его дядя, суперинтендент, ничего не рассказывал Риддлу и его родителям обо всех этих происшествиях и преступлениях?

– Полагаю, Миллз очень мало говорил о тех случаях, когда ему не удалось блеснуть своими способностями и найти преступников раньше тебя, – откровенно рассмеялся Соммерсвиль.

– Не будем забывать, что это ты помог сбежать мнимой Шарлотте Феллоуз, а в разоблачении Кэтрин Рис-Джонс принимали участие и Джейн, и Уильям, и ты. Но ты прав насчет Миллза, – леди Гренвилл вспомнила недовольное лицо суперинтендента. – Значит, его племянник находит свой визит в Торнвуд достаточно занимательным...

– Он очень живо интересуется всем, что происходило в городе и соседних поместьях, – подтвердил Ричард. – Даже больше, чем здешними молодыми леди. Впрочем, у каждого свои интересы.

– Возможно, он опасается вновь попасть в неприятную историю вроде той, из-за которой ему пришлось уехать, – ответила Эмили, добавив про себя: «Или он тоже пишет романы, как моя тетушка Розалин. Вот только для этого занятия Риддл чересчур глуп. Но он навряд ли оценивает себя подобным образом, так что все возможно».

Друзья еще немного поговорили, и Соммерсвиль собрался уезжать, перед этим повидавшись с Люси и Лори. Не без труда, но Эмили все-таки удалось заставить Ричарда дать ей слово не устраивать никаких объяснений с лордом Гренвиллом, ради нее. Пускай скандал разразится, когда ее уже не будет в Торнвуде.

Соммерсвиль неохотно дал это обещание, но был решительно настроен вычеркнуть Уильяма из числа своих близких друзей. И утешался планом возмездия, детали которого собирался обсудить с сестрой.

К сожалению или к счастью, этот план не был исполнен, так как леди Гренвилл не удалось покинуть Торнвуд вместе с леди Боффарт и Люси.

На следующий день после Рождества Эмили сидела в своей гостиной. На столике перед ней высилась извлеченная из запертого шкафчика стопка толстых тетрадей в синих и коричневых переплетах – ее дневники, вся ее жизнь с ранней юности и до сегодняшнего хмурого зимнего утра.

Наполненные ее мыслями и догадками, переживаниями и радостями, страницы потяжелели не только от нанесенных на них чернил. Их вес сейчас казался молодой женщине непомерной ношей, которую не стоит брать с собой, когда она уедет из Гренвилл-парка. Каждый последующий за отъездом день станет новой страницей, а сама она превратится в перо, уверенными штрихами вычерчивающее собственную судьбу вместо того, чтоб каждое утро безвольно записывать события минувшего дня.

Что же делать? Сжечь – казалось самым правильным решением. В этих тетрадях слишком много ее боли, слишком много Уильяма и бесполезных надежд. Вот только, не придется ли ей горько пожалеть об утрате? Моменты радости не столь уж редко встречались среди перечисления ее неудач, но не эти страницы она перечитывала, возвращаясь снова и снова к одним и тем же записям.

Все загадочное, необъяснимое и пугающее, с чем ей приходилось сталкиваться, было тщательно описано, подвергнуто анализу, на какой только оказался способен ее женский ум, и дополнено фантазиями, порой нелепыми, а порой превращавшимися в догадки, благодаря которым несколько тайн оказалось раскрыто, а те, кто приносил с собой зло, понесли наказание. Не пригодятся ли эти записи еще кому-нибудь?

– Пожалуй, все-таки придется упаковать их и увезти с собой, – в конце концов, у нее еще слишком много дел, чтобы тратить едва ли не целый час на размышления о нескольких лишних фунтах багажа. Вот-вот в комнату ворвется тетушка Розалин и потребует, чтобы племянница была готова к отъезду на следующее же утро. Леди Боффарт собиралась отправиться в путешествие в нанятом в Лондоне экипаже, не желая зависеть от лорда Гренвилла, и Эмили горячо одобрила это намерение. Как же нелепо она будет выглядеть, если потребует у мужа карету, в которой собралась покинуть его! Достаточно и того, что она заберет свои туалеты и драгоценности, а лорду Гренвиллу останется только гарнитур из бриллиантов, таких же фальшивых, как его натура.

Эмили решила, что лучше сразу же положить дневники на дно

дорожного саквояжа, который всегда брала с собой в Лондон и собирала сама. Даже Хетти ни к чему знать, что именно увозит ее госпожа из этого дома.

Через четверть часа она вернулась в гостиную и, прихрамывая больше обычного – долгая череда празднеств тяжело сказалась на ее больной ноге, – подошла к окну и уставилась на бурую лужайку за окном и начинающуюся за ней аллею. Сколько лет она день за днем наблюдала этот незатейливый пейзаж, и он никогда не надоедал ей!

На лужайке часто играл Лори, а из аллеи в любой момент мог появиться прогуливающийся в одиночестве Уильям и войти через высокое французское окно в ее гостиную. Вот только делал он это нечасто... А последний раз, когда она увидела его в аллее, развеял по осенним полям остатки ее надежды на семейное счастье.

Леди Гренвилл отвернулась от окна и подошла к своему любимому креслу. Неловко забравшись в него, она оглядела уютную комнату в кремовых тонах, ковер персикового цвета, задержалась взглядом на двери.

Где-нибудь, в своем новом доме, она обустроит себе подобную гостиную, но даже призрак лорда Гренвилла не потревожит ее, не заставит тратить время на обдумывание каждой его фразы в поисках скрытого смысла, намека, может быть, признания...

– Только тетушка Розалин, Люси и я. И письма Лори, если ему позволят писать мне. И друзья, которые не отвернутся от меня из-за того, что я собираюсь сделать, – сказала Эмили вслух и улыбнулась, вспомнив вчерашнее семейное празднество.

Как была счастлива Люси, рассматривая свой подарок – кукольный домик не меньше трех футов высотой! Даже Лоренс, немедленно принявшийся наводить в домике порядок на свой лад, не смог расстроить девочку. Эмили и Сьюзен с удивлением наблюдали, как маленькая мисс Хаттон с улыбкой, наполненной воистину женской мудростью, позволяет Лори нагромождать крошечные стульчики один на другой и заталкивать миниатюрные книги в камин, как будто в домике живет дурной мальчишка.

Разочарованному отсутствием возражений Лори скоро надоело это развлечение, и он вернулся к своим новым книжкам, а Люси спокойно принялась устранять последствия разгрома, устроенного юным лордом.

Рождественский бал Гренвиллы устроили еще неделю назад, а сам праздник прошел тихо, в семейном кругу. Леди Боффарт и Эмили смеялись и пели с детьми и слугами, и даже лорд Гренвилл на некоторое время присоединился к веселью перед тем, как удалиться в свои покои.

Лорд и леди Уитмен не приехали на Рождество в Гренвилл-парк. Мать

Эмили по-прежнему не могла смириться с затянувшимся визитом своей кузины, а теперь еще, Эмили это чувствовала, леди Уитмен не одобряет присутствие Люси Хаттон. Что ж, пусть так.

Лорд Уитмен заезжал накануне праздника и привез подарки всем, включая «милую маленькую леди, свою новую внучку», как он назвал Люси. И леди Гренвилл благодарила отца со слезами, не в силах признаться, что не знает, когда они встретятся вновь.

В коридоре послышались быстрые шаги, слишком тяжелые для леди Боффарт. «Ричард!» – с невольной досадой подумала Эмили. Соммерсвилль не нашел у Джейн поддержки своему безрассудному плану, но не собирался отказываться от него и, должно быть, явился обсудить с леди Гренвилл еще какие-то нелепые и все же такие привлекательные детали мистификации. Эмили едва успела выпрямиться в кресле, как дверь распахнулась, но на пороге стоял вовсе не Соммерсвилль.

– Реджи! – встревоженная, молодая женщина поднялась на ноги и замерла, вглядываясь в лицо брата.

Она помнила это выражение, когда черты округлого лица, казалось, приобрели острые углы. Такой помертвевший, безучастный вид был у Реджинальда еще долго после смерти Луизы.

Будущий лорд Уитмен застыл, словно не зная, что ему делать дальше. Он хотел подойти к сестре и не мог, пока не будут произнесены те слова.

– Что-то с отцом? Матушка? – ну конечно, ей первой приходится нарушить молчание, когда в горле словно перемешались осколки слов, не желая складываться в цельные фразы.

– Кэрлайн! – выдохнул Реджи и тяжело привалился к косяку. – И Филипп... Они погибли!

– Невозможно! – вскрикнула Эмили прежде, чем успела подумать хоть что-нибудь.

– Отец получил телеграмму от управляющего гостиницей, где они остановились, – необходимость объяснений стала благом для обоих – Реджинальд мог на несколько мгновений выбраться из-под тяжести горя, давящего на него в тишине кареты всю дорогу до Гренвилл-парка, а его сестра успела сосредоточиться, чтобы понять, что произошло. – Ужасный несчастный случай – их коляска не удержалась на дороге и упала в каньон. Больше я пока ничего не могу тебе сообщить.

«Почему я не плачу? – подумалось Эмили, пока она продолжала стоять, молча глядя на брата. – Не кричу, не затыкаю руками уши, как сделали бы Сьюзен или Даффи? Я же понимаю, что говорит Реджи, но слова не доходят до моего сердца, как будто оно оглохло. Кэрлайн умерла?»

И Филипп? Это не может быть правдой!»

Реджинальд ждал, он должен был дать ей время осмыслить ужасную новость. За пониманием придет боль, неприятие, ярость – так уже было с уходом Луизы, и Уитмен даже помыслить не мог, что все это повторится так скоро.

– Реджи! – появление леди Боффарт прервало гнетущее молчание. – Что это вы оба застыли, будто пораженные громом?

Тетушке Розалин хватило двух взглядов на такие похожие в эту минуту лица племянников, чтобы догадаться – Реджинальд явился вестником беды. Она обогнула молодого джентльмена, так и не вошедшего в комнату, и поспешила к племяннице.

– Эмили, скажи что-нибудь, ты пугаешь меня, дорогая. – Теплые объятия тетки вызвали у Эмили дрожь, как будто она заснула в неудобной позе и внезапно проснулась, чувствуя холод и онемение во всем теле.

– Я приехал сообщить, что Кэролайн и Филипп погибли, разбились в горах.

Одновременно со вскриком леди Боффарт за спиной Уитмена раздался еще один ошеломленный возглас – Хетти пришла спросить, не нужно ли подать гостю чай. Брат миледи слишком уж стремительно направился в ее гостиную, и горничная почувствовала, что что-то не так.

Обернувшись к ней, Реджинальд отрывисто приказал:

– Позовите лорда Гренвилла, немедленно! И скажите ему то, что только что услышали.

Утешать двух несчастных женщин сразу показалось Уитмену непосильной задачей, тем более что по лицу леди Боффарт уже текли слезы, а Эмили все еще выглядела пугающе безучастной.

Расстроенная Хетти поспешила исполнить приказ, а Реджинальд, наконец, вошел в комнату. Тетушка Розалин подтолкнула Эмили к дивану, и молодая женщина позволила усадить себя. После этого леди Боффарт повернулась, чтобы обнять племянника.

– Господи, Реджи, неужели это правда? Нет никакой надежды, что произошла ошибка? Их свадебное путешествие... – отчего-то мысль о том, что Кэролайн и Филипп лишились жизни именно в свадебной поездке, причинила леди Боффарт особенную боль.

– Отец пытается выяснить что-нибудь еще, но на это уйдет время. Вероятно, кому-то придется отправиться туда, – Реджинальд посмотрел на сестру, не уверенный, что она его слышит, погруженная куда-то в глубь своих мыслей, – Эмили, тебе надо поехать к матери, она сразу же слегла, доктор опасается удара.

– Она не будет рада меня видеть, – ответила Эмили, и оказалась права.

Ее сухой, безжизненный голос заставил Реджи болезненно поморщиться, а леди Боффарт испуганно прижать к груди руку с зажатым в ней платком, который она успела достать. Теперь у нее осталась только одна племянница, не хватало еще, чтобы от горя Эмили потеряла рассудок.

Конечно, всех их с детства учили, как вести себя во время встречи со смертью, и леди Гренвилл усвоила эту науку, как и ее сестры. Жестко определенные правила помогали собраться и сохранять достоинство в самые тяжкие мгновения, принимать соблезнования знакомых с подобающим видом, не давая воле чувствам, но в уединении спален и маленьких гостиных боль, истерика, а порой и безумие подстерегали всех, даже самых сильных. Умершим уже не помочь, их остается только оплакивать и следить за тем, чтобы живые не погрузились в свое горе слишком глубоко и безвозвратно.

Лорд Гренвилл, мрачный и обеспокоенный теми же самыми мыслями, что занимали в этот момент леди Боффарт, застал всю троицу сидящими на диване. Реджинальд обнимал обеих женщин, и при виде Уильяма на лице его промелькнуло облегчение. Хотя, если вспомнить, как сам лорд Гренвилл проводил первые месяцы своего вдовства, надеяться на его поддержку и утешение было несколько самонадеянно.

Если до Уитменов и дошли слухи об отношениях лорда Гренвилла и миссис Рэйвенси, потрясшие Торнвуд, никто из них ни слова не сказал Эмили, чему она не была удивлена. Ее отношения с матерью охладели, Реджи был занят поисками невесты, которая устроила бы леди Уитмен и была привлекательна для него самого, а лорд Уитмен, скорее всего, слишком сильно любил дочь, чтобы огорчать ее этими новостями. Пусть уж лучше пребывает в блаженном неведении, ведь ничего уж нельзя изменить, – так, скорее всего, рассуждал добродушный лорд Уитмен.

Эмили не поднялась навстречу мужу, и он сам присел рядом и обнял ее. Этот естественный и все же неожиданный для нее жест словно разрезал тугие нити оцепенения, удушающим корсетом обхватывавшие ее последнюю четверть часа. Уткнувшись лицом в плечо Уильяма, она разрыдалась. Он был рядом, и никакая миссис Рэйвенси сейчас не могла этого изменить. Да Эмили и не думала об этой женщине ни сейчас, ни потом, во все эти наполненные печалью дни, которые ожидали ее и ее семью.

Последующие три недели Эмили проводила большую часть времени у постели леди Уитмен и навсегда запомнила то выражение тяжелого недоумения, что застыло на лице матери, не пропуская слезы. Почему у нее

забрали здоровых дочерей и оставили калеку? Оплакивать Эмили леди Уитмен было бы намного легче – она уже похоронила дочь, когда услышала окончательный вердикт – девочка навсегда останется хромоножкой.

Но дело было не только в этом. Мать не могла простить того, что, если бы не старания Эмили, леди Уитмен никогда не позволила бы Кэролайн выйти замуж за Филиппа Рис-Джонса, чья репутация была погублена обвинениями в двух убийствах и одном покушении. Пусть Филипп оказался невиновен, но убийцей оказалась его младшая сестра, в своем непонятном безумии возненавидевшая брата, и леди Уитмен пришлось принять этого мужчину в свою семью!

А теперь он погубил ее дочь, еще такую юную, не успевшую дожить даже до двадцати лет! Упрекать Рис-Джонса можно было сколько угодно, но он уже не услышит этих упреков, а Эмили сидела рядом, и леди Уитмен, слишком ослабевшая, чтобы выплеснуть свой гнев, подолгу не сводила с дочери взглядов, наполненных бессильной яростью.

Реджинальд и леди Боффарт не без труда уговорили лорда Уитмена остаться дома, сопровождать Реджи в Лозанну вызвался лорд Гренвилл. Оттуда джентльмены собирались начать поиски живописной деревушки, возле которой случилась трагедия. В полученной лордом Уитменом телеграмме упоминалось лишь название отеля, где молодожены провели свои последние дни.

Тетушка Розалин не стала спрашивать у кузины позволения нанести визит, чтобы выразить свое сочувствие. Она приехала вместе с Эмили и взяла в свои руки управление домом, находя это меньшим, что могла бы сделать для семьи. Леди Уитмен была не в состоянии думать о жалованье для прислуги, обедах и ужинах, и леди Боффарт составляла компанию лорду Уитмену, пока Эмили переживала мучительные часы рядом с матерью.

Друзья и родственники Уитменов приезжали поочередно, и, когда кто-нибудь из соседок или кузин появлялся на пороге, леди Гренвилл с облегчением освобождала им место, благодарная за эти краткие минуты, что могла провести одна в своей комнате.

Лоренс и Люси остались на попечении мисс Роули, и Эмили отчаянно скучала по обоим детям. Ни леди Боффарт, ни она сама не заговаривали об отъезде, и втайне тетушка Розалин была уверена, что случившееся с Кэролайн навсегда привязало ее племянницу к Гренвилл-парку. Теперь, когда две дочери Уитменов мертвы, Эмили не сможет окончательно разрушить семью, прибавить к горю родителей еще и стыд, вызванный ее скандальным побегом. Что ж, значит, останется и леди Боффарт. Она не

позволит бедняжке одной справляться со всем, что выпало на ее долю.

Через неделю навестить Эмили приехала Джейн. Миссис Стоунвилль казалась такой же бледной и измученной, как и ее подруга, и некоторое время подруги просто плакали в объятиях друг друга.

– Как самочувствие леди Уитмен? И где ты находишь силы, чтобы утешать ее? – наконец, спросила Джейн.

– Дальше становится только хуже, – призналась Эмили. – Мы все более и более отчетливо понимаем, что Кэрлайн никогда не вернется к нам, как и Филипп, и я даже представить не могу, что когда-нибудь наступит облегчение.

– Оно всегда приходит, ты ведь знаешь это, – мягко ответила Джейн, больше она ничем не могла успокоить подругу. – Если ты перестанешь верить в это, ты погибнешь.

– Я знаю, знаю, – леди Гренвилл всхлипнула и снова вытерла глаза. – Когда умерла Луиза, я страдала, но не так, как сейчас. Эта боль острее, она не дает мне спать, есть, думать...

– Ты просто забыла, как это происходило, дорогая, – миссис Стоунвилль знала, о чем говорила, через ее жизнь уже прошла не одна смерть. – Тогда ты была совсем юной, и горе выглядело для тебя по-другому. Ты лишилась старшей сестры, успевшей выйти замуж и отдалиться от семьи, теперь же ты потеряла младшую сестру, с которой, напротив, сблизилась в последний год, когда она выросла, к которой относилась едва ли не с материнской заботой. Это совсем, совсем другое. И лучше тебе не сравнивать свои ощущения, не примешивать к новой боли еще и старую.

– Ты права, как и положено быть, – с грустью в голосе ответила Эмили. – Хоть что-то в моем мире остается прежним – моя милая, рассудительная Джейн.

Подруга улыбнулась, но ее бледная улыбка показалась леди Гренвилл какой-то особенной, наполненной затаенной горечью. Эмили вдруг вспомнила разговор с Ричардом Соммерсвилем, случившийся, кажется, много лет назад, хотя прошло всего лишь несколько недель.

– Расскажи мне о своей новой жизни, – попросила она. – Я хочу хотя бы ненадолго отвлечься от мыслей о том, что случилось с моей семьей.

Джейн пожала плечами.

– Признаться, я думала, что перемены окажутся куда как более глубокими, – нехотя ответила она. – Но я по-прежнему провожу большую часть времени в своем доме, и компанию мне чаще всего составляет мой брат.

– Ричарду кажется, что ты несчастлива в браке, – осмелилась произнести Эмили, раз уж Джейн сама заговорила о Соммерсвиле.

– Ничего подобного, он ошибается! – горячность молодой леди подсказала ее подруге, что нужно продолжать расспросы.

– Ты знаешь, как я люблю тебя, дорогая, и как хочу видеть тебя счастливой, – с неподдельной искренностью произнесла леди Гренвилл. – Что бы это ни было, позволь мне помочь тебе, если только это возможно!

– Я не обманываю тебя! – покраснела миссис Стоунвилль. – Просто... все получается не совсем так, как я себе вообразила.

– Расскажи мне, – попросила Эмили. Не надо бы ей сейчас принимать на свое сердце еще и эту ношу, но Джейн она могла еще чем-то помочь. – Эдмунд обижает тебя? Что тебе кажется неправильным?

– Наверное, мужчины так устроены, они никогда не смогут признать нас равными себе, – Джейн досадливо поморщилась и расправила на коленях мокрый платочек. – Сначала отец, теперь Эдмунд... Каждый из них говорил мне, какая я разумная и здравомыслящая леди, как отличаюсь от многих других девушек, у которых все мысли вертятся вокруг платьев и поклонников. И я вообразила, будто мое мнение может быть важным для них...

– А оказалось, что это не так? – миссис Стоунвилль умолкла, и подруга осторожно подтолкнула ее к продолжению.

– Когда умерла Флоренс... – Джейн запнулась, и Эмили ободряюще кивнула. – Отец признал меня своей дочерью, он был горд тем, как я справлялась с делами все эти годы, почти не имея средств, и я подумала, что могла бы помогать ему, не просто когда-нибудь унаследовать его деньги, но стать помощницей, компаньонкой. Я хорошо умею считать, быстро запоминаю цифры, я не склонна доверять первому встречному... Думаю, у меня получилось бы вести не только домашнюю бухгалтерию, а делать нечто большее... Увы, такая возможность даже не пришла ему в голову, он принялся немедленно искать мне женихов, как будто я такая же пустоголовая, как все те девушки...

– Понимаю твое огорчение, но я не удивлена, – скорее, Эмили удивилась тому, как могла ее рассудительная подруга оказаться такой наивной! Неужели она всерьез решила, что мистер Несбитт позволит ей вести дела в конторе? Из всех известных ей женщин только леди Пламсбери действительно управляла своим капиталом, но это стало возможным только после того, как она овдовела и перестала зависеть от воли мужчины. К тому же ей хватало силы духа противостоять своему поверенному и настаивать на своем, если ее желания шли вразрез с его

мнением. Не каждая женщина на это способна! Хотя, Джейн, пожалуй, справилась бы.

– Я смирилась, в конце концов, отец уже стар и рассуждает так, как положено человеку его поколения. Но Эдмунд! Когда он ухаживал за мной, я поверила, что смогу стать его помощницей, что он прислушается к моим советам и позволит мне хотя бы иметь представление о том, как он ведет дела! И он бы не пожалел об этом! А он даже не желает, чтобы я переехала вместе с ним в Лондон!

– Может быть, он просто еще не понял, какое сокровище ему досталось? – именно это в поведении Стоунвилля и казалось Эмили странным – как может молодой мужчина, влюбленный в свою жену, подолгу оставлять ее одну в первые же недели после свадьбы? – Ты предлагала ему свою помощь?

– Разумеется! – В серых глазах Джейн грозovým оттенком мелькнула досада. – Он каждый раз с улыбкой благодарит меня за сочувствие к его нелегкой доле и заявляет, что не станет обременять меня проблемами вроде недобросовестного клерка или нашествия мышей, уничтоживших склад зерна!

– Даже если он чересчур самолюбив и ограничен, чтобы позволить жене разбираться в делах, почему он не заберет тебя в Лондон? – Леди Гренвилл знала, что подруга не обидится, если она выскажется прямо. – Ты говорила, что мистер Несбитт не раз предлагал вам поселиться в его доме.

– Я тоже не понимаю этого, – созналась Джейн. – Его нежелание тратиться на покупку дома или поместья я всегда поддерживала, Эдмунд вложил все деньги в свое дело, и, пока Ричард неженат, в нашем доме хватит места для нас троих. Но мы могли бы поселиться в Лондоне вдвоем, как и полагается молодоженам! Отец там редко бывает, и дом пустует с тех пор, как не стало Флоренс. И все-таки Эдмунд не хочет жить там со мной! Его утверждения, что мне лучше не покидать круг друзей, оставаться в привычной обстановке, кажутся мне неубедительными. Возможно, он просто не любит меня...

Леди Гренвилл охотно разубедила бы подругу, если б только могла. После того что они обе узнали о тайной жизни лорда Гренвилла, такое поведение Эдмунда не могло не вызывать подозрений.

– Ты же не думаешь, что он женился на тебе ради денег твоего отца? – как можно мягче спросила Эмили, понимая, что это может оказаться правдой. – Ведь Стоунвилль теперь богат...

– Для некоторых людей богатства никогда не бывает много, – усмешка Джейн стала еще более мрачной. – Ричард в прошлом мог проиграть

любую сумму, попади она в его руки! Так почему Эдмунд не может быть игроком? О его жизни я знаю только то, что он сам рассказывал, не считая того, что мне известно со слов твоей тетушки о его ухаживаниях за Луизой.

– Он собирался принять сан, – напомнила Эмили, хотя уже произнося это, почувствовала слабость своего аргумента.

– А еще он известил знакомых о своей смерти! И я совершенно не знаю, что мне думать о нем теперь!

– Ты не хочешь обратиться к отцу? Пусть наведет справки...

– Я уверена, отец узнал об Эдмунде все, что только возможно, еще до того, как он начал проявлять ко мне особенный интерес! – горько усмехнулась Джейн. – И не нашел ничего подозрительного, иначе сказал бы мне, посоветовал не выказывать симпатию к мистеру Стоунвиллю.

– Ты права, мистер Несбитт не позволил бы тебе выйти замуж за мошенника или обманщика, – вынуждена была согласиться Эмили. – Тогда в чем же дело? Может быть, стоит прямо спросить его?

– Гордость не позволяет мне задать ему самый главный вопрос – любит ли он меня на самом деле, – призналась Джейн. – Или это страх услышать горькую правду. Или опасение, что я почувствую ложь...

– Но так не может продолжаться! С каждой нашей встречей ты кажешься мне все печальнее. Ты не заслужила такой судьбы, твой муж должен боготворить тебя, а не запирает в старом доме!

– Ты думаешь, мне пора устроить бунт? – оживилась Джейн. – Ричард уже не раз намекал, что мистеру Стоунвиллю придется очень пожалеть, если он хоть чем-то обидит меня. Я могу в присутствии брата заявить мужу, что собираюсь переехать в Лондон, и посмотрю, как Эдмунд отреагирует.

– Тебе давно следовало так поступить! – впервые за последние дни Эмили немного оживилась. Эдмунд Стоунвилль еще не знает, какой силой духа обладают его жена и ее лучшая подруга! Этим леди удалось одолеть суперинтендента Миллза и его констеблей, справятся они и с коммерсантом, каким бы изворотливым тот ни был! – Сколько можно скучать в Торнвуде, когда ты можешь жить в Лондоне, ходить в театры и галереи, обзавестись новыми знакомствами! Сейчас, когда Сьюзен гостит у Говардов, а Дафна сидит в лондонском доме и ждет появления на свет маленького Пейтона, тебе, должно быть, невыносимо скучно!

– Меня развлекает мистер Риддл, – неожиданное заявление Джейн заставило ее подругу удивленно прищурить опухшие после недавних слез глаза.

– К тебе приезжает Риддл? Этот чудак?

– Знаешь, он довольно забавен, – Джейн словно бы смутилась, но продолжала прямо смотреть в глаза Эмили. – Они с Ричардом сдружились в последнее время, и Риддл часто обедает у нас, а потом остается на весь вечер.

– Надеюсь, он не вытягивает деньги у твоего брата, – обеспокоилась леди Гренвилл. – Риддл не играет в карты? Вспомни, что о нем говорила миссис Пауэлл – он проиграл на скачках изумрудный гарнитур своей сестры!

– Насколько мне известно, они с Ричардом не играют, когда уходят в его кабинет после обеда, – успокоила подругу миссис Стоунвилль. – Он много болтает, но мне теперь кажется, что он не столь уж глуп, как можно подумать, поговорив с ним пять или десять минут. Порой его замечания удивительно точны, а шутки остроумны.

– Возможно, это просто случайность. – Эмили никак не могла представить этого джентльмена интересным собеседником. – О чем вы беседуете?

– Его очень интересует все, что происходит в Торнвуде. По его собственным словам, он и помыслить не мог, что такой маленький городок может похвастаться таким количеством преступлений и коварных замыслов, осуществленных в столь краткий период. Он помнит историю о твоих бриллиантах, о ней писали в газетах, и поражен тем, что ему посчастливилось свести знакомство с героиней этой истории!

– Кроме этого столько всего произошло! – Эмили поморщилась – любопытство молодого джентльмена казалось ей признаком дурного воспитания. – По сравнению с тем, что бриллианты оказались фальшивыми, убийства кажутся ему несущественными происшествиями?

– Вовсе нет, мистер Риддл много расспрашивал меня и Ричарда обо всем, что случилось с нами за эти три года, он не оставил вниманием даже трагедии с нашими горничными, все эти случаи заинтересовали его, несмотря на то, что большинство происшествий были просто трагическими случайностями.

– Его интерес кажется мне нездоровым. – Джейн явно симпатизировала новому знакомому, но ее подруга не могла побороть возрастающую неприязнь к нему. – Неужели он хочет таким образом обрести популярность в своем кружке, когда вернется в Лондон? Пересказывать подробности наших несчастий каким-нибудь беззаботным юным леди, которые будут замирать от ужаса и восхищаться его талантом рассказчика?

– Мне кажется, он мечтает о писательском поприще, – миссис

Стоунвилль невольно улыбнулась, вспомнив недавнее чаепитие в обществе Ричарда, миссис Логан и мистера Риддла.

«Только этого и не хватало! – подумала Эмили. – Как будто нам недостаточно тетушки Розалин! Если мистер Риддл попытается написать что-либо подобное, наши соседи сразу догадаются, что речь идет о Торнвуде! Кое-кто уже говорил, что последний роман мистера Мартинса описывает события, весьма схожие с преступлениями Кэтрин Рис-Джонс. Впрочем, почему я должна переживать из-за этого? Никто не знает, что моя тетя и мистер Мартинс – одно и то же лицо. А если Риддл не догадается придумать себе другое имя, все негодование тех, кто окажется участником его историй, достанется ему!»

– Что ж, пусть попробует, – заявила леди Гренвилл. – Не думаю, что у него получится что-нибудь настолько хорошее, чтобы это согласились издать.

– Это лишь мои предположения, – сухо ответила Джейн. Кажется, слова подруги задела ее. С чего бы это? Неужели она настолько одинока, что готова назвать своим другом даже несуразного мистера Риддла? Не будь Эмили подавлена своим горем, она задумалась бы о том, как развлечь Джейн, но сейчас ей не пришло бы в голову думать о развлечениях.

Появилась леди Боффарт, обрадованная визитом миссис Стоунвилль. По мнению тетушки Розалин, Эмили полезно было проводить как можно больше времени подальше от матери, как бы жестоко это ни звучало. Джейн задала вопрос, который не успела задать прежде, – какие известия поступают от лорда Гренвилла и Реджи.

– Ничего утешительного мы пока не узнали, из их телеграмм следует, что они все еще разыскивают эту злосчастную деревушку! – Леди Боффарт всей душой ненавидела место, где оборвалась жизнь Кэролайн и Филиппа, пусть и не имела представления о его местонахождении. – Они обратились к нашему посланнику, и он помог привлечь к поискам других людей, но пока безрезультатно. Я не удивлюсь, если окажется, что нашу бедную девочку и Филиппа ограбили и убили, а теперь местные жители хотят скрыть свое преступление!

Джейн охнула – подобное предположение не было таким уж невероятным, но делало судьбу ее сестры и Филиппа еще трагичнее.

– Я надеюсь, скоро мы услышим хоть что-нибудь, пребывать в этой неизвестности с каждым днем становится все более невыносимо! – Эмили снова заплакала, и Джейн пришлось приложить усилия, чтобы найти слова, которые могли бы успокоить подругу, но ее старания ни к чему не привели. Что бы она ни сказала, ни леди Боффарт, ни ее племяннице не стало бы

легче.

Миссис Стоунвилль перевела разговор на незначительные новости из Торнвуда, а через несколько минут предложила Эмили проводить ее, выйти ненадолго из натопленной комнаты и подышать свежим воздухом. Тетушка Розалин горячо поддержала эту идею – леди Уитмен приняла успокоительную микстуру и заснула, так что у Эмили есть не меньше двух часов, которые она может потратить на себя.

Леди Гренвилл согласилась, и вскоре подруги уже спускались по обледеневшим ступеням в сад лорда Уитмена.

– Ты должна съесть что-нибудь, дорогая, – леди Боффарт неодобрительно посмотрела на тарелку племянницы, на которой лежал одинокий кусочек ветчины. – Своей матери ты нужна здоровой.

«Я вовсе не нужна своей матери, ни больной, ни здоровой, – Эмили едва не произнесла это вслух, но опомнилась, взглянув на поникшие плечи отца. – Ей нужна Кэролайн!»

Молодая женщина была несправедлива и знала это, но выносить молчаливый укор в глазах матери ей с каждым днем становилось все тяжелее. Конечно, леди Уитмен любила свою среднюю дочь, но все же не так сильно, как Луизу или Кэролайн. А теперь единственным утешением матери должна была стать именно Эмили!

Леди Уитмен разом состарилась на добрых два десятка лет, и доктор утверждал, что, если даже она и оправится со временем, никогда уже не станет прежней. Даже бабушку Уильяма, леди Пламсбери, приближавшуюся к восьмидесятилетию, сейчас могли бы счесть моложе леди Уитмен.

Лорд Уитмен тоже постарел и выглядел совершенно больным в сером утреннем свете. Как и все остальные в доме, он проводил день за днем в ожидании известий от сына и зятя, надеясь хотя бы, что ему доведется помолиться на могиле младшей дочери. Ужасное несчастье – хоронить свое дитя, но еще тяжелее каждую ночь видеть во сне дно неизвестного ущелья, где покоится исковерканное тело Кэролайн! Измученный отсутствием новостей, лорд Уитмен приказал немедленно доставлять ему любую корреспонденцию, в какое бы время суток она ни прибыла. Чаще всего приходили письма с соболезнованиями, и читала их, как правило, леди Боффарт.

Поэтому ни Эмили, ни ее тетушка не удивились, когда дворецкий явился в столовую с очередным письмом. На конверте не было траурной каймы, и обе леди тут же перестали делать вид, что завтракают. Что, если в письме тяжелые, но ожидаемые вести?

Лорд Уитмен взглянул на подпись и вдруг глухо застонал. Его дочь и леди Боффарт взволнованно переглянулись.

– Что там такое? – первой успела спросить тетушка Розалин.

– Это письмо... от Кэролайн... – несчастный отец уронил конверт на стол и закрыл лицо руками.

Эмили охнула и судорожно сжала пальцами салфетку. Она знала, что так бывает – почта где-то задержалась, и письмо запаздывает, вернее сказать, приходит слишком, слишком поздно!

– Бедная моя девочка, – глухо проговорил лорд Уитмен, не отнимая от лица ладоней. – Прочтите письмо, Розалин, ее прощальное послание...

– Вы уверены, что выдержите это, мой друг? – леди Боффарт и сама сомневалась, что у нее хватит присутствия духа читать письмо мертвой племянницы.

– Читайте! – только и проронил лорд Уитмен.

Тетя Розалин взяла лежащий перед ним конверт, пальцы ее подрагивали. Эмили так хотелось обнять отца, погладить его по редющим волосам на макушке, но она не осмелилась. Лорд Уитмен изо всех сил старался вести себя, не показывая слабости, как подобает джентльмену и главе семьи, и любое проявление жалости могло лишить его опоры.

Леди Боффарт неловко вытащила письмо из конверта, развернула первый из двух тонких листков и принялась читать. Голос ее звучал неровно, но никто из слушателей не собирался пенять ей на это.

– «Дорогая матушка, отец и Реджи, если он, конечно, дома, а не где-нибудь в гостях увивается за очередной хорошенькой наследницей! Знаю, я обещала писать через день, но так устала с этими переездами, что едва могла держать в руке чайную ложку, не говоря уж о том, чтобы взять перо и написать хотя бы десять строчек. Сейчас я уже хорошенько отдохнула и готова рассказать обо всем, что видела и делала в последнюю неделю. Начало нового года мы с Филиппом встретили во Флоренции...»

Тетушка Розалин осеклась. Лорд Уитмен опустил руки и потрясенно уставился на леди Боффарт.

– Нового года? – растерянно переспросила Эмили. – Но... как же...

– Я ничего не понимаю! – Ее тетка снова нашла глазами строки, которые только что читала, а затем быстро схватила второй листок и посмотрела на дату в конце письма. – Господь милостивый! Письмо подписано третьим января!

– К этому времени мы уже целую неделю считали Кэролайн погибшей. – Эмили напряженно хмурилась, пытаясь сопоставить услышанное только что с тем, к чему она так мучительно пыталась привыкнуть.

– Неужели мы можем надеяться на чудо? – По лицу лорда Уитмена было ясно, как ему хочется поверить в невозможное.

Леди Боффарт торопливо просмотрела письмо, потом протянула его лорду Уитмену. Ее лицо сияло, по щекам потекли слезы.

– Так и есть, друг мой, господь вернул нам нашу дорогую девочку! Если она написала нам третьего января, она никак не могла погибнуть в горах в декабре!

– О чем еще говорится в письме? Может быть, их экипаж перевернулся, но они спаслись, однако же были ранены?

– Ничего подобного! – тетушка Розалин недоуменно пожалала плечами. – Кэролайн пишет о красотах Флоренции, о новых знакомствах... Все то, что обычно описывают путешественники в письмах к родным. Ни о каком трагическом происшествии нет ни слова!

– Должно быть, это ужасная ошибка! – встрепенулся лорд Уитмен. – Какая-то другая несчастная молодая пара разбилась, а кто-то из служащих гостиницы перепутал фамилии и сообщил нам.

– Это и вправду ужасно, но сейчас я не могу сожалеть о том, что произошла ошибка! – воскликнула леди Боффарт. – Эмили, нужно немедленно сообщить твоей матери! Только сделать это очень осторожно, а то как бы она не умерла от радости после того, как едва пережила известие о гибели Кэролайн!

– Кэролайн написала, в какой гостинице они остановились? – Леди Гренвилл, забыв о подходящих манерах, вытирала слезы салфеткой, ей казалось, что она не способна будет связно выразить свои мысли в этот момент, но тревога подталкивала ее выяснить все до конца.

Тетя Розалин вернулась к началу листка и кивнула.

– Я сейчас же пошлю Сайласа отправить телеграмму в этот отель. Мы должны убедиться, что все поняли правильно! – лорд Уитмен догадался, что хотела сказать его дочь. Невозможно, невысказанно для них всех ошибиться еще раз и принять за чудо стечение обстоятельств, которое впоследствии может объясниться совсем не так, как им бы хотелось. – Нет, лучше я сам поеду с ним и дождусь ответа! А затем, если все подтвердится, телеграфируем Уильяму и Реджи.

Былая живость возвращалась к лорду Уитмену, но уже не исчезнут ни новые морщины, ни седина. Пусть так, лишь бы Кэролайн и Филипп оказались живы, Эмили сама охотно отдала бы за это все свои локоны!

– Тогда лучше пока не сообщать ничего матушке, – сказала она. – Два или три часа ничего не изменят, но, если наши надежды окажутся напрасными, она этого не перенесет!

Леди Боффарт согласно кивнула и повернулась к лорду Уитмену.

– Поезжайте скорей! Мы здесь сойдем с ума от нетерпения, если вы немедленно не отправитесь в путь! Может быть, нам тоже поехать? Кузина Дженнис посидит с леди Уитмен.

– Да-да, мы отправимся все вместе! – Лорд Уитмен вскочил на ноги, чуть не опрокинув стул. В компании дочери и леди Боффарт ему будет не так страшно ожидать ответа из Флоренции.

– Едем немедленно! – Тетушка Розалин так же поспешно встала из-за стола, и Эмили последовала ее примеру.

Вероятность того, что младшая сестра жива и здорова, продолжает свадебное путешествие, дала леди Гренвилл сил почти бегом спуститься по лестнице, леди Боффарт не отставала от нее, высоко подобрав юбки. Изумленные слуги провожали глазами обеих леди, и даже невозмутимость дворецкого пошла трещинами – он-то видел почерк на конверте и начал догадываться, что происходит.

Вечером Эмили никак не могла заснуть, несмотря на щедрую порцию успокоительного питья, которым доктор леди Уитмен наделил всех, чьи нервы вызывали у него беспокойство, даже наиболее впечатлительных горничных.

Счастливым смех матери все еще звучал в ушах, как и отзвуки недавних рыданий, и молодая женщина села на кровати, обхватив тонкими руками колени. Чего ей сейчас не хватало, так это дневника, страницы которого могли бы принять часть ее сложных, противоречивых эмоций, облегчив ее душевное состояние.

Наверное, она никогда еще не чувствовала себя настолько счастливой и в то же время опустошенной. Чувство напоминало ту смесь облегчения, восторга и тревоги, которую она испытывала, когда Лори поправлялся после тяжелой простуды, только было еще острее и глубже.

– Кэролайн здорова, и в начале февраля они с Филиппом вернутся домой, – вслух произнесла Эмили, чтобы снова насладиться звучанием этих простых слов, поверить в их реальность.

Дня, подобного этому, не мог припомнить никто из домочадцев лорда Уитмена. После того как выяснилось, что мистер и миссис Рис-Джонс благополучно отдыхают во Флоренции, последовал обмен телеграфными сообщениями, и Кэролайн и ее супруг узнали, в каком кошмаре провели последние недели их родные.

Молодожены захотели немедленно направиться в обратный путь, но лорд Уитмен тут же потребовал у них обещания оставаться на месте – пожилого джентльмена ужаснула мысль, что его только что воскресшая из мертвых дочь вновь будет подвергать себя опасности, путешествуя зимой по неизвестным дорогам.

Рис-Джонсы пообещали задержаться во Флоренции и подождать лорда Гренвилла и Реджинальда, которые в свой черед получили поразительное

известие и приняли решение отправиться во Флоренцию, повидать Кэролайн и Филиппа, а уже затем вместе или порознь направиться в родные края.

Сообщить невероятную новость леди Уитмен оказалось нелегким делом, и ее супругу и дочери пришлось дожидаться визита доктора, чтобы он мог оказать бедной женщине необходимую помощь, если радость окажется чрезмерной для ее измученного организма.

Подкрепившись бренди, лорд Уитмен взял на себя объяснения с супругой, и последовавшую душераздирающую сцену даже леди Боффарт с ее писательской смелостью никогда бы не решилась описать ни в одном из своих романов. До позднего вечера леди Уитмен поочередно плакала и смеялась, молилась и проклинала судьбу, так жестоко подшутившую над ними. Ненавистный Филипп Рис-Джонс немедленно превратился в любимого зятя, Эмили – в самую нежную и заботливую дочь, проявившую столько терпения к бедной матери, сраженной горем, и даже к своей кузине Розалин леди Уитмен обращалась так, будто между ними никогда не было никаких ссор.

После слез и объятий наступило время взять в руки перо и бумагу и написать несколько десятков записок. Вместе с Уитменами порадоваться «воскрешению» Кэролайн и Филиппа должны были их друзья и родственники. Эмили написала Джейн и Сьюзен и пообещала через три-четыре дня вернуться в Гренвилл-парк вместе с тетужкой Розалин и устроить праздничный обед. Дафне о несчастье с сестрой леди Гренвилл подруги ничего не сказали из боязни навредить ее здоровью. Затем последовала очередь тетужки Филиппа Рис-Джонса, миссис Меллот, а также Блэквеллов и Пауэллов, которые должны были разнести новость по всему Торнвуду и далеко за ее пределами.

– Когда я вернусь домой, все уже будут знать о том, что произошло, – Эмили представила, как в будущее воскресенье викарий Каствлтон призывает свою паству верить в милосердие господне, явленное им к семье Кэролайн Рис-Джонс. Миссис Каствлтон станет милостиво кивать в такт его словам, а добросердечная миссис Логан прольет немало слез. – Как же я хочу снова оказаться в Гренвилл-парке! Даже если бы на меня так не давила боль от потери сестры, мне все равно не хотелось бы надолго оставаться в отцовском доме. Я задержусь ровно настолько, чтобы убедиться, что матушка и отец оправились от потрясения и их здоровье не ухудшится. Не зря говорят, что счастливая весть порой убивает так же, как и горестная!

Молодая женщина и сама чувствовала себя нездоровой. Казалось бы,

она должна летать, а непослушные ноги еле донесли ее до спальни. Как бы ей хотелось, чтобы этих трех недель вовсе не было! И злосчастная телеграмма никогда не попала в руки лорда Уитмена! Теперь же забыть о случившемся не удастся до конца дней, и еще очень долго каждое новое письмо или телеграфное сообщение будет вызывать дрожь в пальцах и капельки пота на лбу – а что, если послание несет в себе трагедию?

Настойка доктора, наконец, дала о себе знать, и Эмили вновь устроилась в постели поудобнее. Веки ее отяжелели, в голове за клубился тягучий туман и, уже засыпая, она вдруг вспомнила – если бы ничего не случилось, она сама уже стала бы причиной огорчения и болезней своих родителей. Сможет ли она покинуть их теперь, когда их силы на исходе, выпитые сперва печалью, потом радостью? И отпустит ли ее Гренвилл-парк?

Горничная осторожно вкатила в гостиную кресло на колесиках. Сидящая в нем старая леди, закутанная в бордовую шаль, с насмешкой посмотрела на расстроенное лицо джентльмена.

– Все никак не можете привыкнуть, что я предстаю перед вами в таком виде? – Ее голос звучал бы властно, если бы не хриловатое дребезжание и некоторая невнятность речи – последствия перенесенного удара.

– Увы, мой друг, – джентльмен наклонился поцеловать высунувшуюся из складок шали руку, покрытую буроватыми старческими пятнами. На скрюченном пальце сверкнул большой квадратный рубин. – Это не должно было случиться с вами. С кем угодно, только не с вами!

– Кому, как не вам, знать, что рано или поздно это обязательно случится? Вы просто еще слишком молоды, чтобы думать, что такая участь может постигнуть и вас. – Старуха раздраженно затрясла головой, когда горничная попыталась придвинуть кресло ближе к камину. – Хватит, оставь нас и проследи, чтобы обед был подан через полчаса!

Немолодая женщина с испуганным лицом молча кивнула и поспешила удалиться. Кто бы стал спорить со старой ведьмой?

Мужчина уселся в кресло напротив. Как только горничная вышла, его лицо из приветливого стало озабоченным.

– Я приехал не просто осведомиться о вашем самочувствии, – начал он. – Признаюсь, ваш план сильно меня беспокоит.

– Разве не вы уверяли меня, что все обстоит именно так, как говорит посредник? Вам стали известны какие-то новые обстоятельства? – быстро, насколько позволяло ее нынешнее состояние, спросила старуха.

– Нет-нет, никаких новых подробностей проекта до меня не доходило, – джентльмен покачал головой. – Разумеется, я навел все необходимые справки, но меня все еще тревожит ваше намерение расстаться с большей частью своих владений. После стольких лет и затраченных усилий вы готовы продать эти прекрасные земли, приносящие хороший доход!

– Любой, кто взглянет на меня, поймет – мне недолго осталось, – с безупречным самообладанием заявила почтенная леди.

– Удар не убил вас, а, значит, вы можете прожить еще лет десять, – возразил ее собеседник. – Не рановато ли вы стремитесь избавиться от того, что вам так дорого?

– Если даже я не умру от сердечного приступа или повторного удара, я могу в любой момент утратить разум, превратиться в беспомощное дитя и лишиться возможности поступать по собственной воле. Мне нужно подумать о том, что и кому я оставляю в наследство, и как можно скорее.

– Чем же вам внезапно не угодили все эти леса, поля и фермы?

– Земля перестала быть для нашего сословия опорой, она уже не приносит тех денег, что может дать умело вложенный капитал. К тому же вам известно, что мой внук не одобряет мое стремление расширять свои владения, – медленно ответила леди Пламсбери. – После моей смерти он все равно обратит их в деньги или, того хуже, позволит фермерам выкупить все за гроши, так лучше уж я сделаю все сама, чем буду вертеться в гробу, представляя, как он едва ли не даром раздает луга и фермы, на покупку которых я потратила половину своей жизни!

– Тогда почему бы просто не продать их и не приобрести взамен ценные бумаги? Ваш банкир и поверенный без труда посоветовали бы, куда лучше вкладывать средства в наше время! – джентльмен явно близко к сердцу принимал заботы своей приятельницы. – Зачем покупать эти болотистые, скудные земли, которые не вызвали бы никакого интереса у инвесторов, не будь этого проекта?

– Вы сами ответили на свой вопрос, – старая леди дернула левым плечом, которое на добрых два дюйма возвышалось над правым. – Если бы не строительство железной дороги и фабрики, которое увеличит стоимость этих владений в три, а то и в четыре раза, я бы и не подумала о том, чтобы приобрести их!

– Вижу, мне вас не переубедить, – мужчина покачал головой. – А что думает о вашем плане лорд Гренвилл? Он не пытался остановить вас, как это делаю я?

– Уильяму ни к чему знать о моих делах, – отмахнулась здоровой рукой леди Пламсбери. – Сейчас он озабочен проблемами в семье своей жены.

– Но вы ведь уже знаете, что злополучная телеграмма была ошибкой, и миссис и мистер Рис-Джонс живы и невредимы. Значит, ваш внук скоро вернется домой.

– К его возвращению все необходимые бумаги будут уже оформлены. Строительство фабрики начнется в июне, а до этого времени им придется построить железную дорогу, чтобы подвозить все, что потребуется, – удовлетворение в голосе старой дамы заставило ее собеседника слабо улыбнуться.

– Право же, вы неисправимы, друг мой. Что бы ни случилось, вы

всегда выходите победительницей.

Леди Пламсбери не мгновение помрачнела. Неприятные воспоминания о разговоре с леди Гренвилл отравили не только ее душевное здоровье, но и привели к удару, от последствий которого она никогда не оправится. Вот только ее верному другу ни к чему знать об этом, иначе ее внук может стать вдовцом еще до того, как возвратится из своего путешествия. После долгих раздумий старуха вынуждена была признать, что недооценила Эмили. Что бы ни произошло между обеими леди, сейчас бабушка лорда Гренвилла была уверена: Эмили – именно та, кто ему нужна. Она может быть опасной и хитрой и защитит Уильяма и Лори, если понадобится.

– Надеюсь, так будет и впредь, и это сражение я выиграю, – усмешка старой леди выглядела перекошенной и от того казалась жутковатой. – Чтобы у моей могилы вы могли сказать: «Она проиграла единственный поединок – со смертью». Это будет лучшей эпитафией для меня.

– Обещаю, я так и сделаю, и надеюсь, это случится еще очень и очень не скоро. А пока давайте не будем поддаваться печали.

– Полно, это может произойти сегодня или завтра, так лучше быть готовым заранее, – решительно возразила леди Пламсбери. – Если бы я получила известие, подобное тому, что принесли Уитменам, я бы не дожидаясь и до утра! Тому, кто послал эту телеграмму, стоило бы отрубить обе руки в назидание!

– И в самом деле, чья-то ошибка принесла родителям леди Гренвилл и ей самой тяжкие страдания, – согласился джентльмен. – И я искренне рад, что мистера Рис-Джонса и его очаровательную супругу миновала эта ужасная участь!

– Надо же! – почтенная дама шутливо погрозила пальцем. – Я бы и не подумала, что вас порадуют эти новости так же, как остальных друзей Гренвиллов!

– Отчего же? – Мужчина выглядел неприятно удивленным. – Я всегда симпатизировал юной Кэролайн и ничего не имел против Рис-Джонса.

– А не вы ли настроили его сестру против Филиппа, внушили ей ненависть к брату, которая вложила ей в руки кинжал?

– Не буду отрицать мое скромное участие в превращении унылой тихони-пансионерки в жаждущую мести фурию, – согласился джентльмен. – Но это не имеет никакого отношения к Рис-Джонсу и уж тем более к младшей дочери лорда Уитмена. Я помог мисс Рис-Джонс осознать свою выгоду от избавления от опеки брата, только и всего. И сделал я это лишь ради того, чтобы обеспечить состоятельной невестой вашего протеже

Ченнинга. Кстати, что он теперь подделывает?

– После того как его обвинили в ваших грехах, он не показывается в здешних краях, – старуху это обстоятельство совершенно не огорчало.

Отец Николаса Ченнинга унаследовал титул лорда Пламсбери и небольшое поместье и был этим вполне удовлетворен. В отличие от своего сына, ожидавшего заполучить и все остальные владения. Как же он был зол и разочарован, когда узнал, что они остаются в распоряжении леди Пламсбери, получившей в наследство от своих предков неподобающую леди хватку.

Проницательная старуха выделяла Ника среди других своих родственников, предпочитая держать его возле себя и задабривать мелкими подарками и намеками на будущие блага. Судебные разбирательства из-за претензий Ченнинга на наследство – последнее, чем хотела бы озаботиться леди Пламсбери. Удачно женить Николаса показалось ей достойной идеей, а поддающаяся внушению, неуравновешенная Кэтрин Рис-Джонс – идеальной кандидатурой, если бы девушка заполучила все родительское состояние. А для этого нужно было избавиться от ее брата, Филиппа...

Мисс Рис-Джонс почти справилась с этой задачей, но неожиданно вмешались друзья Филиппа, что привело к разоблачению плана и самоубийству Кэтрин. Николаса Ченнинга называли вдохновителем и едва ли не пособником своей невесты, и будущий лорд Пламсбери счел за лучшее уехать подальше и не приближаться к Торнвуду и его окрестностям до тех пор, пока разговоры не стихнут. С тех пор прошло уже без малого два года, и в графстве произошло немало пугающих и удивительных происшествий, но преступления несчастной безумной Кэтрин Рис-Джонс неизменно приходили на ум, когда надо было развлечь заезжих гостей какой-нибудь леденящей кровь историей и показать, что и в провинции хватает страстей и всяческих ужасов.

– Что ж, надеюсь, мистер Ченнинг больше не доставит вам неприятностей.

– Самая большая неприятность, какой можно ожидать, это если после моей кончины Уильям пожелает восстановить справедливость и передать Нику все, что унаследует от меня, – видно было, что старую леди всерьез беспокоит такая возможность.

– Насколько я знаю своего друга, лорд Гренвилл отнесется к вашей последней воле со всем уважением, – без промедления отозвался ее собеседник. – К тому же у Уильяма достаточно здравого смысла, чтобы не расставаться с большим состоянием только из-за того, что титул его деда должен перейти к мистеру Ченнингу. Забудьте об этом, ни к чему

тревожиться по пустякам!

– Вы опять правы, друг мой! И как это наши знакомые не замечают под вашим благодушием этой бесконечной прозорливости? – леди Пламсбери одобрительно улыбнулась своему гостю и тут же, взглянув на часы, стоявшие на камине под портретом покойного лорда Пламсбери, переменяла тему. – Пожалуй, пора обедать. Везите меня в столовую. Отменная кухня – то немногое, чем я еще способна наслаждаться.

– Охотно разделю с вами это удовольствие, – усмехнулся джентльмен и обошел кресло старухи, чтобы взяться за ручки.

– Я и представить себе не могу, как ты была несчастна, и как должна быть счастлива теперь! – восклицала Сьюзен. Пожалуй, мнимая гибель и чудесное воскрешение Кэролайн и Филиппа было самым удивительным из всего, о чем довелось слышать или читать молоденькой миссис Говард. Она уже сталкивалась с убийствами и даже имела несчастье быть знакомой с несколькими убийцами, но возвращение из мертвых – это, нельзя с этим не согласиться, куда более редкое событие.

– Боюсь, дорогая, я не смогу этого описать, – вымученно улыбнулась леди Гренвилл.

Вчера она возвратилась в дом своего мужа, который привыкла считать своим, а сегодня обе подруги уже приехали навестить ее, чтобы ободрить и еще раз выслушать рассказ о том, как лорд и леди Уитмен снова обрели свою младшую дочь.

– Я тоже не смогу выразить словами, как рада за всех вас. – Джейн сперва показалась Эмили еще более растерянной, чем во время их прошлой встречи, но сейчас она выглядела растроганной и сочувствующей. – Позже приедут Ричард и мистер Риддл, им тоже не терпится навестить тебя. Мой брат очень беспокоился о тебе все это время.

– Мистер Риддл? Да он ведь даже не знаком с Кэролайн и Филиппом, – леди Гренвилл даже не пыталась скрыть недоумение.

– Он стал нашим хорошим другом, – вместо слегка смутившейся Джейн ответила Сьюзен. – Несмотря на то что он не может похвастаться обширными познаниями в истории или политике и до недавнего времени думал, что война во Франции все еще не закончилась, он добросердечен и забавен, и у него всегда наготове какая-нибудь милая история.

Под «милой историей» Сьюзен, должно быть, подразумевала очередную лондонскую сплетню, в большей или меньшей степени непристойную, и Эмили осуждающе покачала головой. Но пенять миссис Говард на слабость к скандальным новостям было бессмысленно – какой провинциальный городок ни возьми, большинство его жительниц проводят немало часов, обсуждая подробности жизни совершенно незнакомых им людей. Другое дело Джейн – щеки подруги прежде никогда не розовели при упоминании какого-либо джентльмена, какими бы немислимыми достоинствами он ни обладал. А мистер Риддл, по мнению Эмили, способен был либо насмешить, либо рассердить даму своими ужимками и

бестолковыми комплиментами. Не говоря уж о том, что теперь Джейн была замужем, и ей вовсе не полагалось думать о джентльменах иначе как о добрых соседях или друзьях ее мужа. «Не могла же она влюбиться в этого лондонского хлыща самого дурного пошиба? – размышляла леди Гренвилл, пока Сьюзен ерзала на стуле, а миссис Стоунвилль многозначительно улыбалась. – Она всегда утверждала, что ни у нее, ни у Ричарда нет сердца, но Соммерсвилль опроверг это утверждение, когда полюбил фальшивую мисс Феллоуз. Почему бы и Джейн не испытать это чувство? Но, боже мой, как не вовремя!»

Эмили от души радовалась, видя подругу счастливой невестой, но сама Джейн, похоже, больше радовалась тому, что ее мечта выйти замуж за состоятельного мужчину вот-вот исполнится, и отнюдь не производила впечатления трепещущей от сердечного пламени невесты. И все же мисс Соммерсвилль не отдала бы свою руку человеку, который ей неприятен. «Если бы Эдмунд не разочаровал ее так скоро после свадьбы, она привязалась бы к нему и уважала и почитала, как подобает верной супруге. Как он может вести себя с таким бессердечием? Страшно даже подумать, что их брак – ошибка Джейн, которую ей придется исправлять бог знает какой ценой», – Эмили, наконец, заметила, что в своих мыслях отдалилась от беседы подруг, а ведь им обеим есть что сказать, судя по тому, как они переглядываются.

– Похоже, я что-то пропустила, пока была в доме родителей, – сказала она. – Ожидается чья-то помолвка? Викарий Кастлтон забыл текст проповеди? Или случилось что-то еще, о чем мне нужно знать?

Миссис Говард хихикнула, но смешок ее был скорее нервным, чем веселым, зато Джейн тепло улыбнулась и кивнула.

– У Сьюзен есть для тебя новость, которой она хочет поделиться, но отчего-то все никак этого не делает.

– Так новость касается миссис Говард? – понимание забрезжило перед глазами Эмили, но она уже столько раз ошибалась, что теперь хотела знать все наверняка. – А мистера Генри Говарда?

– И его тоже! – Сьюзен, не выдержав, вскочила со стула и бросилась обнимать подругу. – Ах, Эмили, наконец-то! Дядюшка сказал, что нет никаких сомнений! В августе мы с Генри станем родителями!

– Так ведь с этого надо было начать! Как вам обеим не стыдно, держать меня в неведении столько времени! – леди Гренвилл укоризненно взглянула на Джейн поверх плеча прижимавшейся к ней Сьюзен. – Почему мне не написали раньше?

– Мы много говорили об этом, – миссис Стоунвилль виновато

улыбнулась подруге. – И решили, что ты слишком расстроена, чтобы порадоваться этой новости так, как могла бы. Конечно, ты узнала бы первой после Генри, Даффи и меня, но после того, как немного оправилась бы от своей утраты. А когда все разрешилось таким чудесным образом, Сьюзен захотела дождаться твоего возвращения и рассказать тебе при встрече.

Следующие полчаса дамы вели себя именно так, как и полагается после получения такого известия. Была призвана отдыхающая в своей комнате леди Боффарт, и все четверо смеялись, ахали и то и дело бросались обнимать друг друга. Эмили казалось, будто после долгой болезни, которую она переживала, лежа в комнате с опущенными шторами, доктор позволил раскрыть окна и впустить в спальню солнечный свет, а вместе с ним радость и здоровье.

Позже, пока леди Боффарт расспрашивала Сьюзен о том, какие предписания дал ей ее дядюшка, доктор, чтобы этот особенный период протекал как можно лучше и для матери, и для ребенка, Джейн вполголоса спросила Эмили:

– А что с твоими планами? Когда вы с тетушкой и Люси намерены уехать?

Молодая женщина помрачнела и опустила взгляд.

– Я еще не успела подумать об этом, ситуация изменилась так стремительно... Но когда я сидела у постели матери, я была уверена, что останусь в Гренвилл-парке навсегда. Этот удар был бы последним для отца и матери, как я смогла бы нанести его?

– Разумеется, с твоей преданностью семье иначе и быть не могло, – согласилась миссис Стоунвилль. – Но теперь все по-другому. Кэролайн счастлива и здорова, и тебе снова надо подумать о своем будущем. Леди Боффарт еще не заговаривала с тобой об отъезде?

– Мы только вчера вернулись, – Эмили покосилась на бледное, усталое лицо тетки. – Тетушка Розалин взяла на себя все заботы, пока отец рассылал бесконечные телеграммы и пытался как-то помочь Уильяму и Реджи в их поисках, а я сидела у постели матушки и плакала. Думаю, нам обеим нужно отдохнуть и прийти в себя, а на это понадобится много времени.

Джейн понимающе кивнула. Ни один человек не сможет преодолеть подобное испытание судьбы без потерь для телесного и душевного здоровья, но каждому нужно что-то свое, чтобы вернуть себя. Эмили пойдет на пользу пребывание в Гренвилл-парке с детьми, и миссис Стоунвилль находила отсутствие в этот момент лорда Гренвилла очень

удачным. К тому времени, когда Уильям вернется домой – через две или три недели, – его супруга уже способна будет решать, что ей делать дальше.

Джейн ввиду обстоятельств своей семейной жизни все чаще думала, как поступила бы сама – сделала бы вид, что ничего не происходит, и жила бы своими собственными интересами, как она, по сути, сейчас и делает? Или же одним поступком изменила бы все, на радость или на горе себе, – не так уж и важно. Она хотела задать Эмили вопрос – известно ли лорду и леди Уитмен о том, что их зять завел себе содержанку, но не успела. В гостиной появился улыбающийся Ричард Сомерсвилль, а из-за его плеча выглядывал безупречно одетый и причесанный мистер Риддл.

Сомерсвилль без всякого стеснения обнял леди Гренвилл, и Эмили в который раз с удивлением подумала о том, как близки они стали с Ричардом за последние пару лет. Все-таки женщине необходимо порой опереться на крепкое плечо, даже если это не плечо ее мужа. Легкомысленный самовлюбленный Ричард стал именно таким другом для леди Гренвилл, каким она надеялась увидеть лорда Гренвилла.

Леди Боффарт тихонько хмыкнула, Сьюзен Говард ревниво прищурилась, а мистер Риддл преспокойно уселся возле Джейн и принялся витиевато выражать свою радость, вызванную благополучным избавлением мистера и миссис Рис-Джонс от ужасной гибели.

Ричард, наконец, разжал руки и подвинул Эмили стул, сам же сел рядом.

С появлением джентльменов разговор вновь вернулся к недавним событиям в доме лорда Уитмена. Сомерсвилль не переставал возмущаться небрежением, допущенным персоналом гостиницы при отправке телеграммы.

– Как можно было посылать такое скорбное известие, не проверив все как следует? А родственники тех, других, погибших англичан, что должны чувствовать они? Знают ли они уже о случившейся беде?

– Ни Реджис с Уильямом, ни тем, кто помогал им в поисках, так и не удалось разыскать это место, – пояснила Эмили. – После того как с Кэролайн и Филиппом все выяснилось, поиски было решено прекратить. Я тоже часто думаю о той погибшей паре, но что мы можем сделать? Может быть, они, в отличие от моей сестры и ее мужа, взяли с собой слуг.

– Если они вообще когда-либо существовали, – неожиданное замечание мистера Риддла прозвучало еле слышно, но взгляды всех присутствующих немедленно устремились на него.

– Что вы хотите сказать, друг мой? – Ричард озадаченно взлохматил рукой светлые волосы. – Что это сообщение – чья-то отвратительная

шутка?

– Или месть, – последовал невозмутимый ответ.

Эмили посмотрела на Джейн и увидела на лице подруги то же недоумение. До сих пор ни им самим, ни лорду Уитмену не приходило в голову заподозрить в случившемся чью-то недобрую волю. И менее всего Эмили надеялась услышать о такой возможности из уст джентльмена, которого она при знакомстве не сочла умным и проницательным. Впрочем, тот же Ричард Соммерсвиль уже не раз удивлял друзей неожиданной глубиной суждений, в которой его нельзя было заподозрить, учитывая его характер и образ жизни.

– Кто же мог захотеть отомстить так жестоко? – писательская сторона натуры леди Боффарт, до поры запертая в чулане со стенами из печальных мыслей, выглянула сквозь замочную скважину. Шутка ли – какой сюжет для романа! Молодые супруги и их семья становятся жертвой старого врага или нового завистника, но потом все счастливо проясняется, а виновник должен быть непременно найден и подвергнут суровому наказанию! Вот только, в романе ни слова не будет о том, что мать молодой леди превратилась в тяжело больную старуху, а отец едва не помешался от горя.

– Кто-то, кому не по душе брак Кэролайн и Рис-Джонса, – Ричарда тоже явно захватила эта идея, и он повернулся к Эмили, ища поддержку. – Что подельывает ваш унылый кузен, Николас? Сколько я помню, он метил в женихи Кэтрин Рис-Джонс, но вместо этого должен был бежать за пределы графства после смерти этой дьяволицы из опасения услышать обвинения в пособничестве.

– С тех самых пор мы ничего не слышали о нем, – леди Гренвилл поморщилась, живописания Ричарда ей не очень-то понравились, но что толку оспаривать истину? – Я даже не уверена, что он поддерживает отношения с леди Пламсбери.

– Если он затаил злобу, почему ждал так долго? – Джейн припомнила бледно-голубые глаза Ченнинга и неприятно сжатые тонкие губы. – Кэролайн и Филипп путешествуют уже несколько месяцев.

– Возможно, он случайно узнал об их местонахождении и решил воспользоваться шансом доставить неприятности вашей семье, – леди Боффарт была слегка разочарована, она бы предпочла увидеть в образе злодея кого-то более внушительного.

– Что ж, похоже, нам не узнать всей правды. – Эмили чувствовала, что должна упрятать нарождающийся гнев поглубже, иначе она день и ночь будет строить догадки относительно личности злоумышленника. – Вероятнее всего, это чья-то ошибка, мне трудно представить, что кто-то

намеренно захотел причинить такую боль всем нам. Впрочем, у Филиппа могли быть враги, о которых нам ничего не известно, ведь он такой сдержанный...

С этим согласились все, кто был знаком с Рис-Джонсом, но некоторое время то один, то другой участник компании пытался припомнить кого-то, кто мог так сильно не любить Рис-Джонса или его молодую супругу, или же их родственников, чтобы совершить этот ужасный поступок. Не выдержав, Сьюзен попросила друзей поговорить о чем-нибудь более приятном, и дамы, памятуя о нынешнем положении миссис Говард, охотно заговорили о празднестве, который устроят Гренвиллы, когда Кэролайн с Филиппом благополучно вернутся домой. Против этой темы Сьюзен ничего не имела, как и оба джентльмена, пожелавшие танцевать с каждой из прелестных дам, что особенно понравилось леди Боффарт.

Еще одна встреча с друзьями, еще одно чаепитие у леди Гренвилл... И каждому хочется верить, что их неприятности всякий раз будут рассеиваться таким же чудесным образом, как едва не случившаяся недавно трагедия. Если бы это было так...

Эмили возвращалась из библиотеки с книгой о бабочках для Люси. Девочка обладала способностями к рисованию, но гувернантка пока не могла сказать, подлинное это дарование или лишь унаследованная от отца-учителя твердая рука. Большие ясные иллюстрации должны были понравиться маленькой художнице, и леди Гренвилл не поленилась сама добраться до библиотеки, чтобы взять книгу, а заодно размяться после долгого сидения в кресле у горящего камина. Февральские ветры приносили дождь пополам со снегом, и о прогулке не могло быть и речи. Мисс Роули, как могла, занимала детей, но от долгого сидения взаперти они становились все более капризными и раздражительными. В наказание за последнюю выходку, закончившуюся опрокинутым ведром с углем и испугом младшей горничной, Эмили заставила Лоренса написать отцу пространное письмо о своем поведении, а Люси она собиралась предложить заняться рисованием бабочек. Они напомнят девочке о будущем лете, обещающем маленькой мисс Хаттон невиданные ею прежде развлечения, а сложность рисунка потребует сосредоточенности и спокойствия.

В холле распахнулась парадная дверь – Эмили почувствовала, как по ногам скользнул холодный ветер. Кто-то, должно быть, пренебрег отвратительной погодой и приехал навестить ее. Она ускорила шаг, но не успела еще выйти из коридора в холл, когда услышала сухой голос дворецкого:

– Лорд Гренвилл уехал за границу, миссис Бренсвик.

– И когда же он соизволит вернуться? – этот прозвучавший в ответ женский голос заставил леди Гренвилл замереть, прижав к груди толстенный том.

– Через неделю или две, я не могу ответить вам точнее, – неодобрение дворецкого волнами расходилось по холлу, но на его собеседницу оно явно не произвело никакого впечатления.

– Что ж, передайте ему, что моя дочь умерла во время родов, оставив мне свое дитя. Я назвала девочку Эйприл, хотя до апреля еще довольно далеко!

Похоже, на это заявление не нашел, что ответить, даже образец невозмутимости, коим являлся дворецкий Гренвилл-парка. Эмили не услышала его сдавленного вздоха, а вот звук захлопнувшейся двери

донесся до нее вполне отчетливо. Она тотчас пожалела, что застыла соляным столбом вместо того, чтобы выйти и заговорить с женщиной, таинственные взаимоотношения которой с лордом Гренвиллом не давали ей покоя не один месяц. Теперь ей уже не догнать незваную гостью, но дворецкий-то остается на своем месте. И он явно знает эту женщину. Насколько могла быстро, Эмили вышла в холл.

Дворецкий, на длинном лице которого все еще сохранялось выражение глубокого неодобрения с оттенком растерянности, уже почти пересек холл и вот-вот должен был исчезнуть в глубине дома, когда леди Гренвилл окликнула его.

– Задержитесь ненадолго, Спаркс.

– К вашим услугам, миледи, – высокий костистый дворецкий величественно развернулся и уставился на молодую женщину, старательно делая вид, что не смотрит на нее сверху вниз.

– Женщина, которая только что была здесь, кто она такая?

– Миссис Бренсвик, миледи. Она спрашивала лорда Гренвилла.

– Я слышала, но не успела подойти ближе прежде, чем она ушла, – Эмили не собиралась делать вид, что не знает, о чем говорили Спаркс и неизвестная посетительница. – Я хочу знать, кто она такая.

– Прежде, очень давно, она работала в Гренвилл-парке, – вот и все, что мог или хотел сообщить миледи дворецкий.

– Я знаю, что она появляется здесь не в первый раз. Какое дело у нее к лорду Гренвиллу? Возможно, я бы могла помочь, – она чувствовала некоторое раздражение от того, что дворецкий не предложил этой миссис Бренсвик обратиться к миледи. Как будто леди Гренвилл – не хозяйка этого дома!

– Боюсь, я не могу вам ничего сообщить, миледи, – теперь Спаркс смотрел чуть в сторону, сохраняя почтительный вид и при этом явно давая понять, что дальнейшие расспросы бесполезны.

– Что ж, благодарю вас, Спаркс, – все еще прижимая к себе книгу о бабочках, Эмили захромала в сторону своей гостиной. Она знала, кому задаст все свои вопросы.

Как только Люси вернулась в комнату для занятий, получив свою книгу и поцелуй, леди Гренвилл попросила Хетти позвать экономку.

Миссис Даррем появилась на пороге с легкой тенью тревоги на лице – в прошлом ей пришлось помогать госпоже разоблачать юных преступниц, гостящих в их доме, и кто знает, какой неожиданной идеей удивит ее леди Гренвилл на сей раз.

– Миссис Даррем, – начала Эмили после того, как предложила

почтенной женщине присесть. – Вы знакомы с миссис Бренсвик?

– Нет, миледи, – без колебаний отвечала экономка.

– Насколько мне известно, прежде она работала в Гренвилл-парке, – на этот раз леди Гренвилл не намерена была отступить так легко. Если дворецкий прежде всего блюдет интересы хозяина, то экономка должна быть целиком и полностью предана своей госпоже.

– Я не знакома с ней, но знаю, кто такая эта женщина. Она была помощницей кухарки, – пояснила миссис Даррем. – Но ее уволили еще до того, как я сама пришла работать в этот дом. Это было почти тридцать лет назад.

– За что ее уволили? – такого ответа Эмили не ожидала.

– Она... повела себя неподобающим образом, миледи, – после небольшой заминки ответила экономка.

Что ж, леди Гренвилл понимала, что имеет в виду миссис Даррем. Очевидно, что эта миссис Бренсвик, должно быть, еще очень молодая в те дни, завела себе нежелательного поклонника.

– И чем она занялась после того, как покинула Гренвилл-парк?

– Слуги говорили, что она вернулась на ферму, которую после смерти отца унаследовал ее брат. Вероятно, она все эти годы так и жила там.

«Так вот почему в Торнвуде ничего не болтали о незаконнорожденном ребенке какой-нибудь лавочницы! – поняла Эмили. – Уильям, должно быть, навещал ферму своего арендатора и познакомился с ее дочерью. Навряд ли он мог помнить ее мать, когда миссис Бренсвик прогнали из этого дома, он был еще слишком мал».

– Сегодня эта женщина приходила к лорду Гренвиллу, но не застала его. И я знаю, что это не первый ее визит, – пора было переходить к главному вопросу. – Вам известно, зачем она приходила?

– Вероятно, чтобы попросить денег, – без раздумий сказала пожилая женщина.

– Вот как! – леди Гренвилл помедлила, она не была удивлена, так как слышала часть разговора, но ее поразила уверенность экономки. – В прошлый раз она говорила о своей дочери... Она уже уходила, когда я услышала часть ее разговора со своим мужем. Я хотела догнать ее, но мне это не под силу.

– Понимаю, миледи, – миссис Даррем говорила без особой охоты, но лгать хозяйке было не в ее привычках. Тем более ради женщины, которую не считала достойной уважения. – У миссис Бренсвик действительно есть дочь.

– Была, – поправила ее Эмили. – Сегодня она сообщила Спарксу, что

ее дочь умерла во время родов.

– О, как печально! – экономка сочувственно покачала головой.

– Так почему все же миссис Бренсвик явилась требовать денег у моего супруга? – Леди Гренвилл не собиралась отходить в сторону от того, что интересовало ее больше всего. – Ее дочь была любовницей Уильяма?

– Конечно, нет, миледи! – миссис Даррем изумленно взмахнула руками. – Сестрой!

– Сестрой? – Эмили почувствовала, что совсем запуталась. – Как это возможно?

– Я же говорила вам, миледи, что миссис Бренсвик, ну, тогда она звалась по-другому, уволили за недостойное поведение. Старый лорд Гренвилл, отец вашего супруга... – почтенная женщина сделала паузу.

– Так вот в чем дело! Признаться, я не поняла, что вы имели в виду, – от удивления молодая женщина даже не почувствовала облегчения, которое должна была испытывать, узнав, что ее муж хотя бы не замешан еще в одной любовной истории. Вернее сказать, замешан, но не так, как она предполагала.

– Леди Гренвилл, матушка милорда прогнала оступившуюся служанку, но ее супруг, как говорили, не оставлял мать и дитя своими заботами, – рассказывала экономка неохотно, история казалась ей неподходящей для обсуждения с леди Гренвилл, но ясно было, что молодая хозяйка не отпустит ее, пока не узнает все до конца. – Как я слышала, он не посмел включить этого ребенка в свое завещание, тем более что к тому времени эта женщина уже вышла замуж за какого-то Бренсвика, но попросил сына позаботиться о девочке.

– И Уильям так и сделал, – теперь Эмили понимала, что имел в виду ее муж, когда говорил, что миссис Бренсвик и ее дочь получили достаточно денег.

– Должно быть, так, миледи. Вы же понимаете, все это меня не касается, но слугам попросту невозможно запретить болтать...

– Понимаю и не виню вас, ни в коем случае, – экономке надо было показать, что хозяйка вовсе не считает ее старой сплетницей. – Так что они болтают еще? Что произошло с дочерью этой женщины?

– Дурная кровь матери со временем дала о себе знать, – миссис Даррем поджала губы. – Эта девушка выросла на ферме, но ей не нравилась тяжелая работа. Должно быть, из-за пятна на ее происхождении ее так и не взяли замуж, и она позволила соблазнить себя заезжему торговцу всякой утварью для фермеров – надеялась, должно быть, что он увезет ее куда-нибудь подальше от этих мест. Увы, она уже немолода и не

подходила на роль чьей-либо невесты. Так что она осталась на ферме и зачала ребенка, но, судя по тому, что вы сами мне сказали, родов она не пережила.

– Выходит, у Уильяма есть маленькая племянница... И она осталась круглой сиротой, – жалость к несчастной малютке отодвинула другие чувства.

– Это не совсем так. У нее есть бабушка и множество другой родни, у брата миссис Бренсвик было несколько детей, и все они стали фермерами. Больше из этой семьи никто не пытался пойти в услужение в приличный дом, да их и не взяли бы.

– А мистер Бренсвик?

– Он давно умер, больше я ничего не смогу о нем сказать, миледи. У них с миссис Бренсвик не было детей.

– Спасибо вам, миссис Даррем, я очень рада, что все прояснилось. Я попрошу вас еще только об одном – разузнать, где находится эта ферма.

– Вы же не поедете туда, миледи? – занервничала экономка. – Не лучше ли дождаться возвращения милорда и поговорить с ним?

– Разумеется, я поеду! – Эмили не могла представить себе, что она сидит и дожидается Уильяма, уже отказавшего один раз в помощи своей родной сестре! – Племянница моего супруга – моя племянница, и я должна убедиться, что о девочке хорошо заботятся. Если же миссис Бренсвик находится в стесненных условиях, я заберу ребенка в Гренвилл-парк. Учитывая, сколько огорчений принесла своей семье когда-то миссис Бренсвик, незаконный ребенок ее дочери может оказаться не ко двору на этой ферме.

Миссис Даррем не стала спорить, зная, что леди Гренвилл не отступится от своего плана, сколько ее ни уговаривай. Оставалось лишь надеяться, что лорд Гренвилл по возвращении не сильно разозлится, увидев свою жену с ребенком на руках. Но, даже если и так, милорд не станет выражать свое недовольство экономке.

Поэтому почтенная женщина без суеты поднялась со стула и направилась на кухню, чтобы исполнить поручение миледи и предоставить дальнейшим событиям развиваться так, как им будет угодно.

– Ты знала, что у Уильяма есть сестра?

Спустя два дня, как только непогоду сменило пасмурное унылое затишье, Эмили и ее верная подруга Джейн замерзая в экипаже, добрались на ферму старого Колтона.

Леди Гренвилл не раз видела этого человека, низкорослого крепкого старика, не позволявшего ни одному из своих взрослых сыновей и шагу ступить без его одобрения. Среди арендаторов лорда Гренвилла старик Колтон был одним из самых трудолюбивых, оттого ему и сопутствовала удача – его урожай редко поражали болезни, а овцы выглядели пушистыми, как грязноватые серые облака.

То, что Колтон был братом миссис Бренсвик, выяснилось, когда экономка выполнила поручение миледи и разузнала, где живет эта женщина со своей крохотной внучкой.

И теперь леди Гренвилл и миссис Стоунвилль намеревались нанести визит Колтону и его семейству, прекрасно понимая, что их на ферме никто не ждет. Эмили послала за Джейн экипаж, как только сочла погоду подходящей для поездки. Кучер привез с собой записку с просьбой приехать и помочь в одном важном деле, и миссис Стоунвилль была обеспокоена этим срочным приглашением. Как оказалось, ненапрасно.

Новость о существовании у лорда Гренвилла незаконнорожденной сестры удивила Джейн, но не так уж сильно. В конце концов, разве сама она не была дочерью мистера Несбитта, хотя всю жизнь до замужества носила фамилию Соммерсвилль? Куда больше Джейн волновалась из-за того, что собирается делать Эмили. На месте подруги она бы все хорошенько обдумала, но леди Гренвилл больше не желала медлить ни одного дня, хотя в Гренвилл-парке со дня на день ожидали возвращения хозяина.

– Мне ничего не известно об этом, – покачала головой Джейн, когда Эмили рассказала ей все, что узнала от экономки, а потом задала свой вопрос. – Должно быть, матушка Уильяма и леди Пламсбери приложили немало усилий, чтобы замять эту историю. Если кто и может что-нибудь знать, так это миссис Блэквелл и ее глухая свекровь. Нас с Ричардом еще на свете не было, когда это произошло.

– Это очень старая история, но слуги по-прежнему не перестают болтать, сперва о матери, потом о дочери. Уверена, миссис Даррем

рассказала мне только часть того, что известно ей самой. В Торнвуде должны были узнать о скандальной связи покойного лорда Гренвилла и помощницы кухарки!

– Слуги в Гренвилл-парке считаются неболтливými, – возразила Джейн. – Скорее всего, их пересуды редко выходят за пределы поместья. Если бы отец Уильяма завел роман с горничной, это не вызвало бы особого удивления, но помощница кухарки – это чересчур! Миссис Бренсвик должна была быть необыкновенной красавицей в молодости, чтобы увлечь хозяина дома. Тем более что матушка Уильяма, насколько я ее помню, была очень хороша собой.

Эмили была согласна с подругой, поэтому ей так хотелось взглянуть на миссис Бренсвик. Старик Колтон и в молодости был кряжистым, круглолицым и краснощеким. Если они с сестрой похожи, увлечение старого лорда Гренвилла и вовсе можно назвать необъяснимым.

– Ты на самом деле хочешь забрать ребенка? – Джейн не пыталась разубедить подругу, как и миссис Даррем, но боялась, что это решение обернется против Эмили. – Кажется, ты вообразила, что несчастной сиротке нужна помощь, но ведь у нее есть родные, и они, скорее всего, не захотят отдать девочку.

– Что ж, мне достаточно будет убедиться, что за ней не только хорошо присматривают, но и любят малышку. Вспомни историю нашей Люси – у нее есть какие-то родственники, но в их доме ей было плохо.

– Надеюсь, эти люди не станут вымогать у тебя деньги, – у миссис Стоунвилль были собственные причины не любить шантажистов.

– Если миссис Бренсвик достаточно умна, она поймет, что мы с Уильямом сможем обеспечить Эйприл лучшее будущее, нежели участь жены фермера. Если ее позовут замуж, конечно. Миссис Даррем говорила, что ее мать так и не смогла найти себе мужа.

– Я ее понимаю, – усмехнулась Джейн. Еще совсем недавно половина знакомых отвернулась от нее, когда выяснилось, что мистер Соммерсвилль – не отец Джейн. И это при том, что ее настоящий отец оказался богат и открыто признал ее своей дочерью.

– Я знаю, дорогая, поэтому и позвала тебя с собой. Если понадобится, ты сможешь объяснить миссис Бренсвик, почему будет лучше, если мы с Уильямом удочерим малышку.

– Меня удивляет твоя уверенность, что он этого захочет.

– Он ведь принял Люси! А внучка миссис Бренсвик – его племянница, родная по крови! – Эмили помолчала и вдруг добавила: – К тому же не в его положении спорить со мной!

– Что ты хочешь этим сказать? – Джейн приподнялась на подушках.

– Ты спрашивала меня недавно, что я намерена делать дальше, оставить Уильяма и уехать или же остаться. И я сказала, что не могу теперь даже думать об отъезде, из-за родителей. Но моему супругу незачем об этом знать. Если он не захочет поступить так, как желаю я, мне придется пригрозить ему разрывом. Навряд ли ему нужен скандал, если только он не воспользуется шансом избавиться от меня и жениться на миссис Рэйвенси!

Впервые за долгое время леди Гренвилл упомянула любовницу своего мужа, и ее подруга сердито отбросила муфту на сиденье. Прежде, когда Джейн злилась, могли пострадать вазочки и мелкие безделушки, так что их почти не осталось в ее комнатах. Сейчас под рукой была лишь муфта.

– Неужели он захочет жениться на женщине, которая не только согласилась стать его любовницей, но покинула место, где к ней были так добры, со скандалом?

– Да, если он любит ее. – Эмили была бы рада и впредь не думать о вероломстве Агнесс, но у нее ничего не получалось. Даже леди Боффарт не приставала к племяннице с разговорами об отъезде, прекрасно понимая, какой услышит ответ, но молодая женщина не могла избавиться от мыслей, что не к ней стремится Уильям из дальних краев.

– Что ж, тогда это способ разорвать твои путы, – Джейн попыталась найти в этой ситуации что-то хорошее. – Тебе давно следовало поговорить с ним, и ни маленькая Эйприл, ни Люси, ни кто-то еще не должны быть поводом к откровенной беседе двух умных людей.

– А ты поговорила с Эдмундом о странностях в его поведении? – вопросом на вопрос ответила Эмили, и ее подруга надолго замолчала.

Каждая думала о своих невзгодах, ежась от холода и обвиняя себя в нерешительности, когда карета, наконец, остановилась у низкой ограды из старого камня. Пока дамы не без труда выбирались из кареты, путаясь в складках пальто, на крыльцо приземистого длинного строения вышел сам хозяин, старик Колтон. Должно быть, он узнал экипаж лорда Гренвилла и полагал увидеть милорда, заехавшего по какому-нибудь делу, однако вид двух леди, одна из которых хромала, а другая поддерживала подругу за локоть и морщилась при виде замерзшей грязи, удивил фермера настолько, что он даже забыл захлопнуть дверь, чтобы не пускать в дом холод.

Кучер распахнул перед дамами выкрашенную в зеленый цвет калитку, и они осторожно двинулись к дому. Фермерский дом не был ни новым, ни чрезмерно старым, и ничем не отличался бы от десятков домов других арендаторов лорда Гренвилла, если бы не пристроенный сбоку флигель. Он был намного моложе основной части здания, выглядел добротным и

просторным, в особенности благодаря трем большим окнам. Как будто широко распахнутые очи юной красавицы взирают с удивлением на прищуренные старческие глаза с набрякшими веками – их напоминали окошки, расположенные слева и справа от двери большого дома.

«Вот куда, должно быть, ушли деньги старого лорда, – подумала Эмили, оглядывая обе постройки. – Миссис Бренсвик устроила для себя и дочери собственное пристанище, откуда брат не смог бы ее выгнать и где его жена не стала бы донимать ее попреками».

Из-за неровной походки Эмили подруги шли медленно, и Колтон, не выдержав напора любопытства, спустился с крыльца им навстречу.

– Что вас привело в наши места, миледи? Уж простите мне мою грубость, – он узнал леди Гренвилл и обращался к ней. – Лошадь захромала, или вы намерзлись в пути и хотите выпить по кружке посета у огня?

– Мы не откажемся от горячего питья, мистер Колтон, – приветливо ответила Эмили. – Но мы не случайно проезжали мимо вашего дома, а приехали повидаться с миссис Бренсвик.

– Вот уж не знал, что вы водите знакомство с моей сестрицей, – на лице фермера не отразилось тревоги или хотя бы беспокойства. То ли он не знал о визитах сестры в Гренвилл-парк, то ли считал это исключительно ее делом. – Добро пожаловать в дом, леди, моя сестра как раз вынимала пирог из печи, когда я увидел вашу карету и вышел приветствовать гостей. Я слышал, какое несчастье едва не приключилось с вашей семьей, и вместе с домочадцами мы не могли нарадоваться, что все обошлось благополучно.

Леди Гренвилл как раз успела выразить свою признательность, когда все трое подошли к крыльцу. Джейн молчала, ее мысли были сосредоточены вокруг теплого очага и выпечки миссис Бренсвик.

Колтон не позволил гостям заглянуть в кухню и сразу провел их в парадную комнату, где, к счастью, тоже горел в широком камине уголь. Лучшее кресло у очага было предложено леди Гренвилл, для ее подруги Колтон придвинул тяжелый старинный стул, не забыв положить на жесткое сиденье подушку с довольно изящной вышивкой. Может быть, сестра Уильяма вышивала ее, когда была молода и грезила о другой жизни...

– Сейчас я схожу за сестрой и велю Мег, это моя внучка, принести вам посета и приготовить все для чая.

– Спасибо вам, мистер Колтон, – Эмили ласково улыбнулась старику, так тщательно скрывавшему любопытство, что оно почти не было заметно. Скорее всего, Колтон будет подслушивать разговор с миссис Бренсвик за дверью или пошлет вместо себя кого-нибудь из внуков, но леди Гренвилл

не считала необходимым что-то скрывать. Этой семье пришлось немало пережить из-за ошибок сперва миссис Бренсвик, а потом ее дочери, и вряд ли Эмили сможет расстроить их еще сильнее.

Невысокая полноватая женщина в черном платье появилась на пороге почти сразу после того, как ушел Колтон. Отчего-то Эмили ожидала увидеть у нее на руках ребенка, но миссис Бренсвик вошла одна.

– Брат сказал, вы хотели повидать меня, – сказала она после того, как ловко присела и поприветствовала незваных гостей.

Обе молодые леди рассматривали ее с интересом, и она не проявила нетерпения, требуя немедленного ответа на незаданный вопрос. Однако же в слегка поджатых губах пряталось напряжение.

Безусловно, в молодости миссис Бренсвик была стройнее, но навряд ли выше, а ее покрасневшее от всех ветров лицо казалось приятным, но не более. Что увидел в ней старый лорд Гренвилл, так и осталось загадкой для Эмили и Джейн. Загадкой из тех, ответ на которые не столько важен, сколько является фундаментом для последующих вопросов.

– Так и есть, миссис Бренсвик, – Эмили волновалась и не пыталась скрыть свое волнение. – Несколько дней назад я узнала, что ваша дочь была сестрой Уильяма, моего мужа...

Лицо женщины омрачилось, она как будто хотела перебить миледи, но передумала.

– Я знаю также, что вы недавно были в Гренвилл-парке и не застали лорда Гренвилла дома. И что ваша дочь умерла во время родов и оставила вам свое дитя, – леди Гренвилл не могла понять, пугает ее молчание старой женщины или подбадривает к продолжению. – И я приехала сказать, что готова оказать вам любую помощь, на какую способна.

– Помощь в чем, миледи? – миссис Бренсвик медленно качнула головой. – Вы не сможете вернуть мне мою дочь, а все остальное я осилю и сама.

– Но вы же зачем-то приходили к моему мужу, – возразила Эмили, довольная уже тем, что эта женщина не просит ее уйти. – Разве вам не нужны деньги?

В незакрытую дверь проскользнула девочка лет тринадцати с маленьким подносом, над которым шел пар из двух кружек. Джейн с благодарностью приняла свою кружку, а леди Гренвилл лишь рассеянно кивнула, сосредоточенная на разговоре с миссис Бренсвик.

– И правда, я приходила, чтобы попросить у него денег! – неожиданно вызывающе заявила пожилая женщина. – Только не для себя, а для Эйприл! У меня много забот, ходить за ребенком времени нет! На эти деньги я

наняла бы настоящую няньку для малышки, какие бывают у богатых детишек! Вы-то, конечно, назовете меня наглой и бесчестной попрошайкой, а я считаю это справедливым. В Эйприл тоже есть кровь Гренвиллов, как и в моей бедной Молли, и она имеет право на все, что было у вашего мужа, а теперь есть у его сына!

Миссис Бренсвик явно ожидала отпора, ее локти чуть дрогнули, словно она хотела воинственно упереть ладони в бока, но все же сдержалась.

– Я думаю точно так же, миссис Бренсвик, – ровный тон леди Гренвилл и сами слова поразили женщину, и она несколько мгновений недоверчиво смотрела на Эмили, не произнося ни слова.

Джейн сдержала улыбку. Несмотря на драматизм ситуации, ей было любопытно, как будет выкручиваться эта фермерша. Миссис Бренсвик приготовилась к войне, но противник ошеломил ее с первой секунды, и теперь необходимо было менять тактику, чтобы если не выиграть, то хотя бы сохранить лицо.

– Ну хорошо... – почтенная женщина бросила резкий взгляд на внучку, задержавшуюся у двери, чтоб послушать. Когда за девочкой закрылась дверь, миссис Бренсвик снова повернулась к жене своего лорда. – Может, вы и вправду так считаете, про вас говорят, что вы добрая, взяли в дом сиротку, но ваш муж с вами не согласится. Так что проку от вашего сочувствия?

– Вы напрасно думаете, что мое мнение ничего не значит, – Эмили устало откинулась на спинку кресла, не подумав о приличиях. – К тому же у меня есть собственные деньги.

– Я не стала бы брать деньги у вас, миледи! – Щеки миссис Бренсвик стали еще более красными. – Позаботиться о своей племяннице надлежит вашему супругу, раз уж он не захотел помочь сестре!

– Ваша дочь умерла от того, что у вас не хватило средств пригласить доктора? – Леди Гренвилл подумала об этом и ужаснулась – неужели смерть мисс Бренсвик на совести Уильяма, ее родного брата?

– Нет, я уж не настолько нищая, чтоб не позвать к дочери доктора! – несчастная мать тяжело вздохнула, но тут же продолжила: – Молли была уже старовата, чтобы рожать, и худая слишком, так он сказал... Так что об этом вам волноваться не следует.

– Хорошо, – леди Гренвилл тоже вздохнула, хотя бы за это ей можно не переживать. – Дело ведь не только в деньгах, миссис Бренсвик. Племянница моего мужа – моя племянница, и я готова взять на себя всю заботу о ней, дать ей то будущее, которого вы хотели для дочери.

Эмили повторила то, что уже говорила миссис Даррем. Миссис Бренсвик помолчала, покосилась на подругу миледи, мелкими глотками отпивавшую из кружки, потом прямо взглянула на леди Гренвилл.

– То есть вы думаете, что я отдам вам мою внучку, вы вырастите из нее настоящую леди, и она никогда не вспомнит, что ее мать родилась на ферме Колтона? И что вся ее родня живет здесь?

– Вам стоило бы определиться, чего вы на самом деле хотите для девочки, – не выдержала миссис Стоунвилль. – Лорд Гренвилл – ее родной дядя, так что не вся ее семья живет на этой ферме! И вы приходите искать у него справедливости, но тут же высказываете недовольство, когда вам предлагается помощь! Быть одновременно леди и фермерской голоногой девочкой ваша внучка не сможет. Придется вам выбрать, хотите вы того или нет!

– Легко вам говорить все это, когда вам неизвестно, что значит идти на поле, чтобы прокормить своего ребенка, когда он просит не оставлять его одного в пустом доме! Ваше богатство досталось вам от рождения, и, если бы моя Молли получила все то, что ей причиталось по праву, она тоже могла бы стать спесивой леди вроде вас! Но я уж не дала бы забыть о том, кто ее мать!

– Вам бы не следовало забывать, что никакого права у вашей дочери не было! – возмутилась Джейн, которой в словах миссис Бренсвик послышался намек на ее собственное незаконное происхождение. – Отец Молли был женат, и вы не могли не знать, что поступаете дурно, вступая с ним в связь, что ваш роман огорчит его супругу и отразится на его репутации! Лорд Гренвилл поступил очень благородно, когда попросил сына помочь вам, но как вы могли рассчитывать на большее?

Миссис Бренсвик была не из тех женщин, кто способен потерять дар речи, услышав что-то неприятное или же неожиданное, но сейчас она застыла на месте, не спуская с миссис Стоунвилль яростного взгляда. О, да, она прекрасно осознавала, что эта холодная белокурая леди права, но нельзя же было согласиться с этим!

– Вернемся к Эйприл, – Эмили меньше всего желала разнимать ссору между своей подругой и фермершей. – Ваше предположение отчасти верно – я бы уговорила лорда Уильяма принять на себя опеку о девочке, и в положенное время мы рассказали бы ей правду. Видит бог, для нее лучше было б не знать вовсе о своем происхождении, но кто-нибудь из сплетниц непременно шепнет ей что-то такое, что причинит ей боль.

– Жизнь девочки будет нелегкой, где бы она ни воспитывалась, – мрачно ответила миссис Бренсвик. – В вашем дворце или в фермерском

доме, люди всегда будут причинять ей боль, как причиняли ее матери. Это пятно не отскрести даже самым дорогим мылом, не скрыть под нарядными платьями!

– Верно. Но имя и богатство Гренвиллов сможет защитить ее, пусть лишь отчасти. Она получит хорошее приданое и сможет выйти замуж за джентльмена, если захочет. И ее дети не станут жертвами насмешек!

– Как станет она, если останется здесь? – пожилая женщина заметно устала от этого спора, ее огонь угас, и Эмили стало жаль ее. – Моей дочери следовало подумать о том, как прошло ее детство, и не обречать свое дитя на такую же судьбу. Но Молли была слишком легкомысленной...

– Или несчастной. Пожалуй, мы все наговорили достаточно на сегодня. – Джейн первой поднялась с места, не дожидаясь чая. – Миссис Бренсвик, вам лучше хорошенько обдумать предложение леди Гренвилл и выбрать то, что, по вашему мнению, будет лучше для Эйприл. А леди Гренвилл переговорит с лордом Гренвиллом и объяснит ему, как дурно он поступал, отказываясь признать в Молли свою сестру.

Эмили с сожалением посмотрела на кружку с остывшим поссетом – она так и не сделала ни глотка. Но Джейн права – спор затянулся. Такие люди, как миссис Бренсвик, не могут принимать подобные решения в одночасье, им необходимо как следует подумать. Бедная женщина только что потеряла дочь, а теперь чужие люди хотят забрать у нее и новорожденную внучку – нужно немало сил, чтобы пережить все это.

– Как только вы будете готовы продолжить наш разговор, приезжайте в Гренвилл-парк. – Леди Гренвилл не без сожалений выбралась из удобного кресла. Что ж, она хотя бы согрелась, огонь и волнение окрасили ее бледные щеки в темно-розовый цвет. – Нельзя спешить с таким решением, миссис Стоунвилль знает, о чем говорит. Подумайте, посоветуйтесь с семьей... Я буду ждать известия от вас.

– Я не стану советоваться с братом и тем более с моими племянниками, – резко отмахнулась миссис Бренсвик. – Арчи всегда был добр ко мне, принял Молли и не позволял своим детям дразнить ее. Довольно с него и этого, я не допущу, чтобы он подставлял спину еще и под эту ношу. Сама все решу.

Дверь открылась, и появилась Мег, на этот раз с чайным подносом.

– Выпейте чаю, миледи, вам предстоит долгий обратный путь, по этому холоду без глоточка чего-нибудь горячего вы неминуемо привезете домой лихорадку, – радушный тон миссис Бренсвик совсем не походил на тот, которым она говорила прежде. Как будто, эта женщина разом вспомнила о незыблемых законах гостеприимства после того, как

закончился тревожащий ее разговор.

Умоляющий взгляд, который Эмили бросила на свою подругу, подсказал Джейн, что лучше им остаться. Дамы пересели к столу, на который Мег и ее бабушка уже успели поставить дорогие чашки, несомненно, вынимаемые из шкафа не чаще двух-трех раз в году, тяжелый чайник и тарелку с пирогом.

Эмили ласково спросила, не хочет ли и мистер Колтон посидеть с ними, и Мег убежала за бабушкой. Старик явился так скоро, что мысль о подслушивании снова пришла в голову леди Гренвилл.

Следующие полчаса хозяева и гости чинно пили чай и вели неспешную беседу о скорой весне, надеждах на хороший урожай и, конечно же, об ужасном происшествии с сестрой миледи, которого, к счастью, не случилось на самом деле. Об Эйприл не было сказано ни слова, и Эмили так и не собралась с духом попросить принести ребенка, как бы сильно ей ни хотелось взглянуть на девочку. Похожа ли она на Гренвиллов? И может, тогда для малышки найдется место в сердце Уильяма? К Люси он относился приветливо, но не проявлял сколько-нибудь заметной привязанности, да Эмили и не надеялась на это. Здесь же совсем другое дело – Эйприл приходится лорду Гренвиллу родней, от общей крови нельзя отмахнуться, как бы ни хотелось.

Что скажут об очередном проступке неугомонной леди Гренвилл ее матушка и леди Пламсбери, Эмили предпочитала не думать. Старый скандал был похоронен много лет назад, и вдруг его следы снова появляются на поверхности, да еще и с неожиданным продолжением! Что ж, Гренвилл-парк вынес убийство в своих стенах, вынесет и незаконного отпрыска. Наверяд ли Эйприл окажется первой, кто-нибудь из длинной цепочки лордов Гренвиллов наверняка помог появиться на свет нескольким детям, чьи матери не назывались леди Гренвилл.

Об этом Эмили говорила с подругой, когда они уже в сумерках возвращались домой. Джейн находила, что миссис Бренсвик – здравомыслящая женщина и не станет привязывать ребенка к себе, обрекая девочку повторить судьбу матери. Леди Гренвилл сомневалась, но ей так хотелось надеяться, что эта печальная история закончится счастливо, и мир не станет слишком жестоким к крошечной сиротке.

И вот наконец-то Лори вбегает в комнату с радостным возгласом. Экипаж лорда Гренвилла вот-вот остановится у парадной двери! Мальчик взмахивает руками и подпрыгивает, забывая, что решил вести себя в присутствии Люси степенно, как уже вполне взрослый джентльмен.

Эмили улыбается и кивает, и Лоренс тут же устремляется в холл встречать отца. Леди Гренвилл и маленькая мисс Хаттон остаются на своих местах. Девочка робеет, она давно не видела лорда Гренвилла, и ей кажется, что он может отругать ее за вымазанное красками платье. Вчера мисс Роули уже поругала ее, но Люси кажется, что милорд непременно узнает о том, какой неаккуратной она была.

Леди Гренвилл осторожно наблюдает за ней, она-то уверена, что причина тихого поведения Люси не только в страхе перед наказанием, которого, конечно же, со стороны лорда Гренвилла не последовало бы, испорти она хоть три платья. В целом Эмили была довольна поведением Лори, ее любимец выказывал себя великодушным и гостеприимным в отношении Люси, но иногда все же давал понять девочке, что лорд Гренвилл ей не отец, а леди Гренвилл – не мать.

Эмили делала вид, что не замечает этого, чтобы не ожесточить сердце мальчика замечаниями, способными вызвать в нем неприязнь к девочке, и надеялась, что он ведет себя так не со зла, а единственно из ревности, от которой не свободен ни один ребенок в его возрасте, даже будь Люси его родной сестрой.

И мисс Хаттон на удивление тонко чувствовала подобные нюансы, обещая в будущем вырасти в щедрую на эмоции, впечатлительную натуру, способную сопереживать и причинять боль с одинаковой легкостью. Леди Гренвилл надеялась, что ее советы помогут девочке, а затем юной леди выбирать правильный путь, не растрачивая попусту душевные силы.

Пока же они сидели в гостиной в ожидании лорда Гренвилла. Год назад Эмили и сама бросилась бы вслед за Лоренсом в холл, даже выскочила бы на крыльцо, чтоб обнять мужа, понравится ему это или нет. Теперь же она могла лишь думать о том, на сколько часов или дней он задержался в Лондоне, виделся ли с миссис Рэйвензи. Реджинальд прислал вчера записку с сообщением, что оба джентльмена благополучно добрались до дома лорда Уитмена, и завтра Уильям вернется домой. Когда путешественники сошли с корабля, Эмили не знала и не собиралась

спрашивать.

Сквозь распахнутую дверь было слышно, как тишина в холле сменилась шумом голосов, должно быть, кто-то из слуг тоже вышел встретить хозяина. Милорд снова дома, и в Гренвилл-парке все пойдет по-прежнему.

Если бы так...

Леди Боффарт уехала в Гринвич погостить у друзей, но собиралась приехать пятого февраля, накануне бала, который Эмили решила устроить в честь возвращения Кэролайн и Филиппа. Новый роман мистера Мартина только что начал продаваться, и тетушка Розалин стремилась повидать как можно больше своих знакомых, чтобы узнать их мнение о приключениях некой особы, убившей шантажиста и сбежавшей за океан.

– Хотела бы я знать, – говорила леди Боффарт. – Если девушка, называвшая себя мисс Феллоуз, когда-нибудь прочтет мой роман, сумеет она узнать в героине себя?

– Важнее, чтобы себя не узнали наши соседи, – привычно засмеялась Эмили. – Мистер и миссис Феллоуз вряд ли смогут прочесть роман в тюрьме, а вот наблюдательные Соммерсвилли или привередливая миссис Блэквелл могут заметить сходство.

– Что ж, я была бы даже рада, ведь это оценка моего писательского таланта, – фыркнула тетушка Розалин, представив, как будет возмущаться миссис Блэквелл.

Сейчас Эмили как никогда радовалась тому, что тетушка занята. Леди Боффарт тяжело пришлось в последние недели, и ее радостное, порой чрезмерное, возбуждение являлось способом спастись от разъедавшей душу тоски. К тому же тетя Розалин больше не заговаривала об отъезде, ни в одиночестве, ни вместе с племянницей. А этой темы Эмили боялась больше всего...

Лорд Гренвилл стремительно вошел в комнату, и его супруга, как и подобает, поднялась навстречу. Люси тут же поспешно сползла с дивана и присела. Лори, до того державший отца за руку, разжал пальцы, чтобы папочка смог обнять тетю Эмили. Детям и в голову не могло прийти, что может быть по-другому, и Эмили с вежливой улыбкой позволила Уильяму прижать ее к себе.

Она тут же слабо охнула – так крепко муж обнял ее.

– О, прости, я сделал тебе больно, – пробормотал он и чуть отстранил ее, чтобы рассмотреть бледное лицо. – С того самого дня, как благополучные вести дошли до нас с Реджинальдом, я думал только о том, как скучаю по дому, по тебе и детям.

– Только думал или все же скучал? – леди Гренвилл не удержалась от шпильки.

– Я хотел сказать... Разве это не одно и то же? – недоумение отразилось в его синих глазах, но он тут же от него отмахнулся. – Так или иначе, я здесь, и мне нужно рассказать тебе так много!

– Мне тоже, – она говорила слишком спокойно для жены человека, вернувшегося домой после долгой разлуки. – Но сперва ты здороваешься с Люси, затем мы выпьем вместе чая, как настоящая семья, и отправим детей наверх.

– Конечно, – Уильям прищурился. – Что-то произошло?

– Потом, – тихо ответила Эмили.

После чаепития, показавшегося отвыкшей от общества супруга леди Гренвилл по-семейному уютным, дети были отправлены в свои комнаты рассматривать подарки, привезенные лордом Гренвиллом. Несмотря на печальное начало поездки, домой джентльмены возвращались в приподнятом настроении и не забыли о каждом из домочадцев, как будто милые сувениры и безделушки могли исцелить нанесенные злосчастной телеграммой душевные раны.

Уильям и Эмили остались одни, и молодая женщина с грустным удивлением подумала, что даже не помнит, когда в последний раз они были вдвоем.

Лорд Гренвилл начал было рассказывать о поисках Кэролайн и Филиппа, но вовремя заметил, что жена не настроена возвращаться мыслями к одному из самых кошмарных периодов их жизни. Растерянный, Уильям пожалел, что не привез с собой Реджи – брат сумел бы развлечь Эмили историями об их путешествии так, что она бы и не вспомнила об изначальной цели их поездки. Сам он уже много лет назад отвык шутить ради одного лишь желания насмешить собеседников и рассказывать забавные истории и внезапно почувствовал себя косноязычным стариком, как будто нужные слова ускользали от него, оставляя после себя горький привкус недовольства собой.

После нескольких неудачных попыток поговорить о поездке лорд Гренвилл с облегчением вспомнил, что Эмили сама собиралась что-то сказать ему, и спросил об этом.

– Твоя сестра умерла, – коротко ответила она.

– Кто?... Что ты такое говоришь? – на благородном лице лорда Гренвилла отразилось мучительное недоумение, сделавшее его похожим на деревенского пьяницу, которому впервые отказались налить в долг.

Эмили с неприязнью смотрела, как исказились знакомые ей с детских

лет черты.

– Молли, дочь миссис Бренсвик. Или у тебя есть еще сестры, о которых мне неизвестно? – Ох, не так сообщают родственникам о потере, ей ли этого не знать после случая с Кэролайн, но она не могла удержаться!

– Господи! Как ты... Откуда... – он никак не мог собрать осколки самообладания в приемлемую форму.

«Неужели он может сейчас думать только о том, что мне стало известно о семейном скандале? Боже, если бы я увидела его таким десять лет назад, разве я полюбила бы этого человека?»

Но нет, лучшая сторона его натуры еще не до конца скрылась во тьме неверия и предательства.

– Как она умерла? И что стало с ребенком? – Уильям поставил локти на стол и сжал пальцами виски, усталость от поездки, рассеявшаяся при появлении в окне кареты родных стен, вновь навалилась на него.

– Она не перенесла родов, другие подробности мне неизвестны, – Эмили внезапно почувствовала, как неловко ей говорить об этом. – Твою племянницу зовут Эйприл. Пока за ней присматривает бабушка.

– Пока? – Конечно, он не мог не обратить внимания на то, как его жена выделила это слово.

– Я думаю, ты должен стать ее опекуном, вырастить девочку в Гренвилл-парке. Она тоже является частью твоей семьи, даже если в будущем ей придется об этом пожалеть.

– Я должен? – снова повторил за ней Уильям. – А что скажешь ты? Девочку должна воспитывать женщина. Ты готова стать матерью еще одной сироте?

– Она не сирота, у нее есть бабушка, дедушка и множество кузенов! – Эмили и сама не могла объяснить причину своей резкости. – И дядя! А значит, у нее есть и тетушка, которая, конечно же, постарается полюбить ее. Но это решение должен принять ты, на этот раз это твое семейное дело! Я даже не знаю, согласится ли миссис Бренсвик отдать малышку.

– Это наше семейное дело, Эмили, – из всего услышанного лорд Гренвилл менее всего был склонен удивиться намерению супруги взять на себя заботу о девочке, ничего иного он и не ожидал от Эмили. – И если ты позволишь, я хотел бы больше узнать о... своей племяннице прежде, чем принимать решение. А затем мы с тобой все обсудим и поступим так, как должно, учитывая интересы девочки. Видишь ли, я встречался с дочерью миссис Бренсвик лишь несколько раз и не привык думать о ней, как о своей сестре...

– Ты боишься скандала? – жестко спросила леди Гренвилл.

– Это не первая скандальная история, в которую я оказался втянут, – усмехнулся лорд Гренвилл, и Эмили его усмешка показалась отвратительно циничной. – Убийство в моем доме, фальшивые бриллианты...

«Что же ты не говоришь о последнем скандале? Директриса пансиона – твоя любовница! И вправду по сравнению со всем этим давнее прегрешение твоего батюшки меркнет!»

– Я уверена, что для Эйприл будет лучше, если она окажется под твоим покровительством, нежели вырастет на ферме, и весь Торнвуд будет попрекать ее грехами матери. Уверена, несчастная Молли уже настрадалась из-за того, что ее мать и твой отец... – Эмили сделала паузу, увидев, как потемнело лицо лорда Гренвилла. – Неужели малышке суждено и дальше нести это бремя?

– Я согласен с тобой. И все же я не уверен... – почувствовав на себе сердитый взгляд супруги, Уильям пожалел, что к чаю не подали бренди. – Расскажи мне, как ты обо всем узнала. Миссис Бренсвик пришла просить у тебя денег?

– Она пришла просить помощи у тебя. И не в первый раз – однажды я слышала ее голос и еще тогда хотела узнать, кто эта женщина, – без стеснения призналась Эмили, затем рассказала то, что ей стало известно несколько дней назад.

– Почему ты не спросила меня о миссис Бренсвик в прошлый раз? Ты столько месяцев держала в себе эту тайну? – зная прямоту и любопытство жены, Уильям был в недоумении.

– Я считала, что миссис Бренсвик – мать твоей любовницы, которая ждет от тебя ребенка, – как неожиданно легко ей дались эти слова! – Согласись, обсуждать это с женой не вполне уместно. Дурной тон.

– Ты считала, что моя любовница живет на ферме? – чем еще сегодня Эмили удивит его?

– Я не знала тогда, где она живет!

«Вернее, я знала, что одна твоя любовница проживает теперь в Лондоне! Почему бы другой не жить на ферме?» – вот это она не могла ему сказать. Не из сострадания, о нет, но из желания поскорее закончить этот разговор. Уильям должен принять все, что она ему расскажет, и решить дело в пользу маленькой Эйприл, поэтому лучше не сердить его слишком сильно.

– Ох, Эмили... – лорд Гренвилл не знал, сердиться ему на жену, на миссис Бренсвик или на своего отца, доставившего семье столько огорчений. – Если бы ты спросила, я рассказал бы тебе то, о чем предпочитал умалчивать.

– Ты молчал столько лет, я не была уверена... – не хватает еще начать оправдываться, одернула себя леди Гренвилл.

– Думаю, ты можешь представить, как неприятна мне эта история. Перед смертью отец попросил меня позаботиться о своей дочери – что я должен был тогда почувствовать?

– Сначала гнев, потом, пожалуй, любопытство, желание узнать, какая она, твоя сестра...

– Возможно, эти чувства владели бы тобой, окажись ты на моем месте! Ты слишком добра, да женщины ко многому относятся по-другому, но я и слышать ничего не желал ни о миссис Бренсвик, ни о ее дочери! И мне бы в голову не пришло назвать эту девушку моей сестрой!

– Вот уж не думала, что ты настолько высокомерен и жесток, Уильям! Услышь я о ком-то, кто повел себя подобным образом, я посочувствовала бы его жене и детям, – не то чтобы Эмили хотела задеть его побольнее, но за долгие месяцы молчаливых страданий ядовитых слов у нее накопилось если не на роман тетушки Розалин, то на целый рассказ уж точно.

– В прежние годы многие отцы семейств считали незазорным завести интрижку с прислугой. Думаешь, у Пауэлла или Блэквелла нет внебрачных братьев и сестер? – лорд Гренвилл с досадой оттолкнул от себя тарелку с пирогом. – Да и сейчас некоторые джентльмены не видят в этом ничего предосудительного.

– Означает ли это, что у Лори тоже есть брат или сестра, которые растут в нищете? – язвительно поинтересовалась леди Гренвилл.

Уильям покраснел от гнева. Или от смущения? Резко поднявшись из-за стола, он сверху вниз поглядел на жену:

– Хорошего же ты мнения обо мне, дорогая! Могу тебя успокоить, кроме кухни Эйприл у Лоренса нет ни брата, ни сестры! А теперь я пойду к себе, отдохну с дороги. Не таким мне представлялся сегодняшней вечер, когда я стремился поскорее вернуться домой!

За ним давно захлопнулась дверь, а Эмили все еще не пошевелилась. Она чувствовала себя так, будто сама, а вовсе не Уильям, проделала весь этот длинный путь, в конце которого ее ожидало одно лишь разочарование.

– Я не должна была говорить с ним так, – запоздалые сожаления были бессмысленны, но она не могла от них избавиться. – Теперь, если Уильям не захочет позаботиться об Эйприл, в этом будет моя вина. Не нужно было так сердить его...

Оставалось лишь ждать, когда лорд Гренвилл остынет, все обдумает и примет какое-то решение. И она вовсе не собиралась успокаиваться, если это решение ей не понравится. Пусть для супруга важнее всего фамильная

гордость, терпеть его лицемерие она больше не будет. Право же, нельзя так избирательно относиться к чести семьи! Защищать ее от одних пятен, а самому оставлять на ней другие! Если у миссис Рэйвенси будет ребенок, у Лори появится сестра или брат, пусть и не в фермерской семье.

– Ее сын погиб, и мы все так сочувствовали ей... Она казалась такой несчастной и стойкой в своем горе... Неужели все это было притворством? – Эмили уже давно казалось, что нынешняя Агнесс и та женщина, которую она рада была назвать своей подругой, совершенно разные люди. Сейчас она вдруг задумалась – а не было ли в мотивах миссис Рэйвенси чего-то еще кроме желания повыгоднее устроиться в Лондоне. Может быть, она хотела только вновь обрести радость материнства, и тут лорд Гренвилл с его внезапной страстью... Однако почему она не вышла замуж, как полагается? Даже без приданого с ее красотой и умом женихи наверняка нашлись бы, стоило лишь ей провести месяц или два в Лондоне.

– Достаточно, Эмили! – сказала себе леди Гренвилл, когда поняла, что опять поддается одним и тем же переживаниям, позволяя им отвлечь себя от главной цели. – Заботы Агнесс Рэйвенси меня больше не касаются! Она вольна делать что ей угодно, как и мой муж, они стоят друг друга! Меня должно беспокоить только благополучие детей и собственное счастье. Раз уж я не могу уйти, то буду вести себя так, как решила еще два года назад, перед свадьбой Сьюзен! Закажу у миссис Мюриэл новых платьев, устрою чудесный праздник в честь Кэролайн и Филиппа, а весной поеду с тетюшкой Розалин и Люси в Брайтон, а потом еще куда-нибудь. Родители не найдут в этой поездке ничего подозрительного, даже если она затянется на два или три месяца!

Успокоив сама себя таким образом, Эмили пригласила миссис Даррем, чтобы внести некоторые дополнения в перечень блюд для будущего праздника. Нужно приготовить побольше пирожных и еще один или два французских тортов.

– Кэрлайн, довольно плакать! Скоро приедут гости, а мы с тобой встретим их с красными глазами и слипшимися ресницами! – Эмили обнимала сестру вот уже почти целый час и плакала сама, но пора было успокаиваться.

– Я принимаюсь рыдать всякий раз, как представлю, что вам довелось пережить из-за меня, – молодая миссис Рис-Джонс улыбнулась сквозь слезы. – А Филипп приходит в ярость, думая о тех, кто прислал эту телеграмму.

– И я разделяю его чувства! Найти бы этого негодяя и запереть в темнице до конца его дней! – леди Боффарт, тоже с влажными глазами, любовалась нарядно одетыми племянницами. Какое счастье, что время траура окончилось, едва начавшись!

– В том, что случилось, нет твоей вины, дорогая! – сегодня леди Гренвилл уже не первый раз говорила это, но Кэрлайн не могла полностью согласиться с этим утверждением, считая себя виновной в горе семьи и болезни матери. Леди Уитмен никогда уже не стать прежней, мнимая потеря младшей дочери отняла у нее по меньшей мере десять лет жизни.

– Только не начинайте заново эту унылую песню, молодые леди! – решительно приказала тетушка Розалин, заметив, что Кэрлайн приготовилась спорить с сестрой. – Ступайте, приведите себя в должный вид. Скоро все соседи будут поздравлять нас с благополучным избавлением от беды, и вы должны сиять от счастья, а не заливаться слезами на радость сплетницам!

Сестры, все так же обнявшись, ушли наверх, а леди Боффарт потянулась за книгой – ей нравилось держать в руках новый роман мистера Мартинса. Что-то подумают о нем в Торнвуде?

Бал начался позже назначенного времени, так многословно гости леди Гренвилл выражали мистеру и миссис Рис-Джонс свои впечатления от известия сперва об их трагической гибели, а затем о чудесном спасении. Которого, собственно говоря, и не было.

Миссис Меллотт, тетушка Филиппа, не удержалась от слез, и некоторые дамы с облегчением приложили к глазам платочки – раз уж одна из них позволила себе заплакать на людях, другим тоже можно прослезиться. Все-таки не каждый день случаются подобные истории!

Эмили с легкостью могла прочесть мысли этих леди и испытывала к

ним что-то сродни жалости. Как долго еще предрассудки будут властвовать над чувствами? Сама она, конечно же, последовала совету тетушки Розалин и старалась улыбаться как можно радостнее и не переживала по поводу припухших глаз. Доктор Вуд осведомился о ее здоровье, но его больше беспокоила ее хромота, нежели состояние ее нервов. Леди Гренвилл тепло поблагодарила старого друга за заботу и поздравила будущего дедушку со скорым появлением на свет маленького Говарда.

– Сьюзен выглядит прелестно, – сказала она.

– Согласен, она переносит свое особенное положение лучше, чем ее подруга, наша дорогая миссис Пейтон, – доктор Вуд всегда испытывал расположение к легкомысленной и эгоистичной Дафне. – И она была так рада приехать на этот чудесный праздник!

– Не повредят ли танцы ее состоянию? – Эмили искренне надеялась, что ее подруга повеселится сегодня без ущерба для своего здоровья.

– Уверен, что они пойдут ей только на пользу, – успокоил ее доктор Вуд. – В последние дни погода была неподходящей для прогулок, и нашей бедной девочке пришлось провести дома слишком много времени, от чего она начала превращаться в раздражительную и капризную особу. Мы с Генри развлекали ее как могли, но она не так любит решать анаграммы, как я, и начинает зевать за лото и картами, которые ей предлагает муж. Так что я очень рад, что она может провести этот вечер в Гренвилл-парке с друзьями, танцуя и болтая! А вот вид миссис Стоунвилль, боюсь, я не назвал бы цветущим.

Эмили печально кивнула. Сегодня она еще не успела переговорить с Джейн, но заметила безрадостный вид подруги. Миссис Стоунвилль приехала только с братом, ее супруг, вероятно, остался в Лондоне заниматься своими делами. Вот только в чем состояли эти дела? И стоили ли они слез бедняжки Джейн?

– Мне очень жаль, если миссис Стоунвилль не нашла в браке то счастье, которого заслуживает, – доктор Вуд озабоченно покачал головой. – Вы ведь простите мне эти слова, я так люблю вас всех, мои милые юные леди!

– О, мы очень ценим вашу дружбу и ваше сочувствие. – Эмили проводила взглядом мистера Риддла, который явно намеревался пригласить Джейн на следующий танец. – И хотела бы я опровергнуть ваши слова, но, боюсь, не могу. Мистер Эдмунд Стоунвилль оказался не тем человеком... Он совсем не ценит достоинства своей жены.

– Мне грустно это слышать, – старый доктор тоже посмотрел на миссис Стоунвилль и Риддла. – Может быть, вашей подруге стоит

пожаловаться своему отцу?

– Джейн слишком горда, чтобы жаловаться. Или дело в том, что мистер Несбитт не поймет ее жалоб. Она вышла замуж за человека, который идеально подходит на роль ее супруга – так считает ее отец. Они оба сами ведут дела и, скорее всего, мистер Несбитт не увидит ничего плохого в том, что Эдмунд оставляет жену дома, пока сам занят в конторе.

– Это не показалось бы странным в кругу дельцов, но мистер Стоунвилль женился на дочери джентльмена, – возразил доктор Вуд. – К тому же совсем недавно. Молодожену не положено пренебрегать прелестной женой.

Эмили была согласна с этим утверждением, вот только, что она могла сделать? Самой поговорить с мистером Несбиттом? Навряд ли Джейн понравится это вмешательство в ее жизнь, но она простит подругу. Или лучше начать с Эдмунда Стоунвилля? Почему бы и нет, Эдмунд был связан с семьей Эмили еще до знакомства с Джейн.

Доктор Вуд прервал ее размышления.

– Ваш супруг тоже вызывает у меня беспокойство. Мы давно привыкли к его серьезному виду, но сегодня он кажется излишне мрачным. Понимаю, путешествие измотало его, но ваш брат от души развлекается, словно уже забыл о поездке. Хорошо бы и лорду Гренвиллу последовать его примеру.

Реджинальд в противоположном углу залы развлекал какими-то историями группку молодых леди, но в основном его улыбки предназначались мисс Оуэнс. «Как хорошо, что я пригласила ее! Кажется, тетушка Розалин была права, когда еще осенью предполагала особое отношение Реджи к этой девушке! Как было бы хорошо, если б он сделал предложение! Матушка за свадебными хлопотами сразу же забыла бы о своем плохом самочувствии».

Лорд и леди Уитмен не приехали на бал, и сейчас Эмили не считала справедливым обвинять матушку в нежелании встречаться с леди Боффарт и воспитанницей своей дочери. Как бы леди Уитмен ни относилась к Люси Хаттон и своей кухне, побывать на празднике в честь возвращения своей младшей дочери не только из свадебного путешествия, но и из небытия ей помешало единственно состояние ее здоровья.

– Вчера Уильям навещал свою бабушку, – откликнулась Эмили на слова доктора Вуда. – Думаю, его расстроил ее болезненный вид.

Она не сказала, что по дороге лорд Гренвилл собирался заехать на ферму Колтона – он сообщил об этом за завтраком. Вернулся Уильям слишком поздно, чтобы увидеться с женой, или же продолжал сердиться и

не захотел говорить с ней. Эмили подозревала вторую причину. Пока не вернулась из Гринвича леди Боффарт, Уильям не появлялся в столовой, и его супруга завтракала и обедала только вместе с детьми. Так или иначе, лорду Гренвиллу придется с ней объясниться, она должна знать, чем закончилась его поездка к миссис Бренсвик.

– Тогда я могу его понять, – доктор сочувственно вздохнул. – Леди Пламсбери – сильная женщина, и мы все полагали еще много лет видеть ее в добром здравии. Несмотря на ее возраст, удар оказался внезапным для нас, и прежде всего для вашего супруга. Он привык видеть свою бабушку полной сил, преисполненной планов и намерений...

– Так оно и есть, – снова согласилась Эмили. – Уильяму придется смириться с тем, что леди Пламсбери не вечна. Боюсь, за те несколько недель, что он путешествовал, состояние его бабушки могло измениться.

– Я навещал ее недавно, – заметил доктор Вуд. – И не заметил особенных перемен. Сила ее духа по-прежнему огромна, и она все так же неутомима в том, что касается собственности.

– Эмили, ты должна потанцевать со мной, не будем нарушать нашу традицию, – перед диваном возник Генри Говард, как и Ричард Соммерсвилль, считавший себя лучшим другом леди Гренвилл.

Молодая женщина извинилась перед своим собеседником, старый доктор с улыбкой принял извинения и сказал, что предпочитает любоваться тем, как она танцует, нежели тем, как сидит на диване и слушает речи старика.

– Когда ожидать визита твоих родителей?

Эмили надоели обеспокоенные взгляды, которые на нее бросал Генри, и она решила отвлечь его. В отличие от Соммерсвиля, Говард не пытался говорить с ней о романе лорда Гренвилла и миссис Рэйвензи, ведь Генри приходился Уильяму кузеном, но это не означало, что его не огорчают эти гадкие слухи. Леди Гренвилл немало поспособствовала браку Генри и Сьюзен, за что Говард был ей признателен, но его молчаливое сочувствие раздражало.

– В начале апреля, – Генри с готовностью подхватил предложенную тему, но его добродушное жизнерадостное лицо сразу вытянулось – уж очень суровый нрав был у его матушки. – Моя мать хочет убедиться, что у Сьюзен есть необходимый комфорт для благополучного течения...

Он не сказал «беременности», и леди Гренвилл слегка улыбнулась – вот еще одна жертва предрассудков! А ведь Генри еще так молод...

– С дядюшкой-доктором? Даже твоя мать должна признать, что миссис Генри Говард очень повезло, она может совершенно не тревожиться о

своём здоровье!

– Ты ведь знаешь, ее кузина умерла во время родов... – все-таки Генри не безнадежен! – И Сьюзен время от времени со страхом заговаривает об этом, но и я, и дядюшка Энтони стараемся успокоить ее.

– После того как у Пейтонов появится ребенок, Сьюзен успокоится и будет думать только о том, как это чудесно – держать на руках малыша... – Эмили сдержала вздох, чтобы еще больше не огорчать друга. Неужели ей самой так и не познать радость материнства? Да, у нее есть Лоренс, Люси, и, как она надеялась, появится малышка Эйприл. И все же ей бы хотелось, чтоб у нее был и ее собственный ребенок. Не последовать ли примеру Уильяма и не завести роман? Не ради чувств, что бы там ни говорила леди Боффарт о новой любви, а ради ребенка? Вот только она уже не так молода и никогда не была красивой, чтобы вместо старых друзей около нее появлялись новые поклонники...

Чтобы отвлечься, Эмили указала на Риддла, с улыбкой рассказывающего что-то Джейн.

– Наш лондонский гость, похоже, решил задержаться в Торнвуде. Неужели его скандальные похождения все еще не забылись?

– В Лондоне, должно быть, что ни день – новый скандал, – улыбнулся Генри. – Думаю, Риддлу просто понравилось в Торнвуде больше, чем он мог себе представить, когда его сослали к дядюшке.

«Похоже, он остается здесь из-за Джейн. Если они будут танцевать так часто, торнвудских сплетниц ожидает еще одна радость – после отъезда миссис Рэйвенси не случалось ничего столь же интересного», – Эмили понимала, что ей придется поговорить с подругой.

Танец закончился, и мистер Риддл проводил Джейн к Сьюзен с явным намерением пригласить на танец и миссис Говард. К удивлению Эмили, Сьюзен что-то холодно сказала джентльмену и нарочито отвернулась к миссис Кастрлтон.

– Чем это мистер Риддл не угодил твоей жене? – леди Гренвилл и Говард медленно направлялись к друзьям, и у них еще было время поговорить. – До сих пор она всегда защищала его от моих ироничных высказываний.

– Горничная сказала ей, что Риддл расспрашивал о Минни. Сьюзен расстроилась, она до сих пор жалеет о своей прежней наперснице, и теперь она сердится на Риддла за его неуместное любопытство.

– Как он мог быть таким бестактным! – возмутилась Эмили.

– Я слышал, он собирается написать книгу о провинциальном обществе, но, конечно, это не дает ему право расспрашивать прислугу в

домах его друзей, – согласился Генри.

Горничная Сьюзен, Минни, умерла уже почти три года назад, но впечатлительная миссис Говард до сих пор не забыла о трагедии. Девушка покончила с собой из-за несчастной любви, приняла слишком большую дозу снотворного порошка. Тем летом горничных словно настигло какое-то проклятье – Фанни, горничная леди Гренвилл, упала на лестнице и сломала шею, а помощница миссис Пейтон упала с окна, оскользнувшись на подоконнике во время уборки. Последней свою гибель нашла Энн, работавшая в доме Соммерсвилей, и ее смерть была на совести убийцы.

Все четверо друг другу тяжело переживали происходившее, и только время и новые волнения помогали им мало-помалу забывать о тех трагедиях. И вот теперь праздное любопытство столичного повесы заставляет их вновь вспомнить о пережитом. В положении Сьюзен подобные воспоминания особенно опасны, ничего удивительного, что она рассердилась!

Мистер Риддл, ничуть не обескураженный холодностью миссис Говард, обратился к Эмили с радостным приветствием и повторил приглашение на танец, которое было вежливо отвергнуто. Леди Гренвилл из-за своей болезни танцевала очень мало и только самые медленные танцы, и обычно ее партнером был мистер Говард. Иногда и лорд Гренвилл танцевал со своей женой, но сегодня он даже не пытался приблизиться к ней. Ну и пусть, она не будет огорчаться. Этот праздник она устроила ради Филиппа и Кэролайн, а они выглядят именно так, как ей бы хотелось – счастливыми молодоженами.

Позже, когда Эмили покинула бальную залу, чтобы посидеть в гостиной с миссис Логан и другими дамами почтенного возраста, она увидела в коридоре, ведущем к кабинету лорда Гренвилла и библиотеке, как мистер Риддл о чем-то беседует с дворецким.

Леди Гренвилл остановилась, так и не войдя в гостиную. Люди, хорошо знавшие дворецкого лорда Гренвилла, сквозь вежливость на лице Спаркса явственно могли прочесть раздражение. Мистер Риддл стоял спиной к Эмили, но она была уверена, что он улыбается своей беззаботной глуповатой улыбкой и даже не подозревает, что ведет себя недостойным образом. Леди Гренвилл продолжала оставаться на своем месте, пока ее не заметил Спаркс. С выражением неподдельного облегчения на лице дворецкий что-то сказал Риддлу, скорее всего, извинился, и направился к миледи. Джентльмен тотчас обернулся, чтобы Эмили могла рассмотреть ту самую улыбку, которую она и ожидала увидеть.

– Чем я могу помочь, миледи? – в голосе Спаркса слышалась

благодарность.

– Пожалуйста, найдите миссис Даррем и попросите ее приготовить комнату для полковника Дейла, он останется в Гренвилл-парке на ночь.

Дворецкий поклонился и поспешил исполнять поручение. Полковник Дейл был дружен с отцом Филиппа Рис-Джонса, а после смерти друга опекал его сына. Старый солдат, его выражения редко отличались изяществом, но он был добрым и честным человеком и оказал неоценимую помощь Филиппу, вместе с леди Гренвилл и ее друзьями доказав его невиновность в убийствах двух молодых леди.

Полковника Дейла Эмили всегда была рада видеть, а его ласковое утешительное письмо, полученное ею после того, как он узнал о мнимой гибели четы Рис-Джонсов, она собиралась хранить, несмотря на то, что надобность в утешениях отпала.

Сегодня ей удалось уговорить полковника заночевать в Гренвилл-парке – Эмили казалось, что старый вояка становится более галантным в присутствии леди Боффарт. Почему бы не дать ему шанс – так считала племянница леди Боффарт, не упускавшая случая поспособствовать чьим-либо матримониальным планам.

Как только Спаркс удалился со всей поспешностью, какую мог себе позволить, не теряя достоинства, леди Гренвилл повернулась к мистеру Риддлу.

– Могу я что-то сделать для вас? – Она говорила холодно, явственно давая понять, как неуместен был его разговор с дворецким, но не была уверена, что молодой джентльмен поймет намек. Хотя Риддл один или два раза удивил ее неожиданно здравыми суждениями, она считала это простой случайностью.

– О, нет-нет, я лишь немного поболтал со Спарксом. Славный малый, – широко улыбнулся Риддл, слегка поклонился и неторопливо направился в сторону кабинета, где лорд Гренвилл с несколькими джентльменами уже спрятался от надоевшего праздничного шума.

Эмили невольно тоже улыбнулась – никому бы не пришло в голову назвать Спаркса «славным малым». И все же, после того как дворецкий притворил парадную дверь за последним из отъезжающих гостей, она спросила, о чем с ним беседовал мистер Риддл.

– Он спрашивал меня о вашей горничной, миледи, – глубокое неодобрение отразилось на лице Спаркса при упоминании мистера Риддла.

– О Хетти? – переспросила Эмили, хотя она уже знала ответ.

– Нет, о вашей прежней горничной, Фанни, – дворецкий едва сдерживал возмущение, но жаловаться леди Гренвилл было для него

непозволительно.

– Я слышала, он собирается написать книгу о провинциальной жизни. Должно быть, его интересуют необычные случаи, нарушавшие наш привычный уклад, – попыталась Эмили утешить дворецкого.

– Это не... – Спаркс оборвал сам себя, хотя явно собирался сказать что-то не очень лестное в адрес навязчивого гостя. – Простите, миледи, я не знал о намерении джентльмена и нашел его расспросы неподобающими. Тем более что прежде я уже слышал, как он спрашивает Хетти о смерти юной мисс Флинн.

– Я поговорю с мистером Риддлом, – теперь Эмили понимала Сьюзен, не желавшую больше разговаривать с бестактным молодым человеком. – Ему не следовало расспрашивать слуг. Если он попытается задать вам или кому-то еще в Гренвилл-парке подобные вопросы, предложите ему обратиться ко мне или лорду Гренвиллу.

Спаркс благодарно кивнул и удалился по своим делам, а Эмили вернулась в свою маленькую гостиную, где ее ожидали Джейн, Кэролайн и Сьюзен, собиравшиеся ночевать в Гренвилл-парке, а также леди Боффарт, посмеивавшаяся над неловкими ухаживаниями полковника Дейла.

Все леди очень устали, но как приятно было провести полчаса в кругу близких подруг, немного посплетничать о Реджи и мисс Оуэнс, обсудить туалеты других дам... И, конечно же, еще раз выразить радость от благополучного возвращения Кэролайн!

– Эмили!

Наутро после бала завтрак обычно подавался позднее, и леди Гренвилл, предпочитавшая рано вставать, собиралась посвятить утренние часы своему дневнику. Она как раз описывала встречу с Кэролайн и Филиппом, когда лорд Гренвилл окликнул ее.

– Уильям! – от неожиданности она капнула чернилами на страницу и недовольно обернулась к мужу. – Я не слышала, как ты вошел.

– Я испугал тебя? Прошу прощения, – он уселся напротив нее, теперь их разделял лишь маленький столик с лежащим на нем дневником. – Я собирался поговорить с тобой прежде, чем гости завладеют твоим вниманием. Уверен, ты ждешь от меня рассказа о поездке на ферму Колтона.

– Так и есть, – просто согласилась она.

– Я говорил с миссис Брансвик и видел девочку, – Эмили завистливо вздохнула – ей самой не так повезло. – Не могу сказать, что эта женщина мне приятна, но ты права, ребенок не должен страдать из-за необдуманных поступков своих родных. Я сказал миссис Брансвик, что готов заботиться о племяннице в любой форме, какую она сочтет наилучшей для девочки. И что ты можешь стать для нее прекрасной матерью.

– Что же она ответила?

– Ты ей понравилась, и прежде она слышала о тебе как о доброй и милой леди, поэтому она не боится доверить тебе девочку. Обо мне она, похоже, не слишком хорошего мнения... – Уильям сделал паузу, ему явно не хотелось признавать, что недоброе отношение бывшей служанки задело его. – Словом, она не верит, что я способен открыто признать ее внучку своей племянницей и дать ей нашу фамилию.

– А ты и в самом деле на это способен? – насмешливо поинтересовалась Эмили.

– Ты как будто злишься на меня за то, что мне тяжело признать родственные связи с незаконной дочерью своего отца. Разве я не должен оберегать честь семьи? – лорд Гренвилл смотрел на жену с упреком.

– Именно это ты и делаешь постоянно, не так ли? – фыркнула леди Гренвилл, подумав о том, как скоро ее супругу наскучит Гренвилл-парк, и он устремится в Лондон к очаровательной миссис Рэйвенси. – Не пора ли уже вспомнить, что у тебя есть сердце?

– Я не могу полюбить кого-то по своему желанию! – говорил ли он сейчас о малышке Эйприл или о ней самой – Эмили не могла не задать себе этот вопрос.

– Достаточно будет, если ты проявишь доброту и участие. – Голос ее прозвучал холодно и устало.

– Как я уже сказал, я готов сделать это ради тебя и ради этой девочки, – тем же тоном ответил лорд Гренвилл. – Миссис Бренсвик обещала все обдумать и дать мне ответ через неделю.

– Почему так долго? – удивилась леди Гренвилл, пожилая фермерша показала ей весьма решительной женщиной.

– Она хочет написать какой-то родственнице, живущей недалеко от Йорка. Миссис Бренсвик кажется, что было бы лучше, если б она сама и ее внучка уехали подальше от Торнвуда, туда, где никто не знает о происхождении девочки. Эйприл могла бы расти там лет до десяти, а после этого отправиться в пансион, который оплачу я. По окончании пансиона она может вернуться сюда воспитанной юной леди и жить в Гренвилл-парке на правах дальней родственницы до тех пор, пока не выйдет замуж. Приданое, разумеется, у нее будет.

– Вот как! Миссис Бренсвик придумала этот план, или его предложил ты? – Эмили сразу поняла, что предложенная идея защитит как репутацию Гренвиллов, так и девочку, над которой за пределами Торнвуда не станут насмехаться. Фамилию «Бренсвик» к тому времени уже позабудут, а если кто-нибудь и свяжет мисс Бренсвик со старыми сплетнями о покойном лорде Гренвилле и служанке, покровительство нынешнего лорда и хорошее приданое остудит пыл сплетников.

– Она сама заговорила об этом, – сердито ответил Уильям, его все больше раздражал насмешливый взгляд жены и ее слова. – Как мне кажется, это весьма здравая идея, прежде всего, учитывающая интересы девочки. Или же ты так хочешь забрать ее, что не готова считаться с ними? Как будто тебе недостаточно одной Люси?

– Если бы у меня была собственная дочь, возможно, я и не стала бы привозить в Гренвилл-парк чужого ребенка! – как он посмел так задеть ее? – Но я не отказалась бы от участия ни в судьбе мисс Хаттон, ни Эйприл! Это тебе нет дела ни до кого, кроме...

Эмили замолчала. Она не смогла бы произнести имя Агнесс без того, чтобы не устроить настоящий скандал. В Гренвилл-парке полно гостей, и ей лучше сдержаться. Кто знает, как сильно разозлится Уильям на упоминание о своей любовнице. Что, если он уедет немедленно? Эмили не хотелось, чтобы ее подруги еще сильнее переживали из-за нее, особенно

Сьюзен. Достаточно и того, что Ричард Соммерсвилль не пожелал остаться в Гренвилл-парке и уехал вместе с доктором Вудом, а до того держался подалеже от лорда Гренвилла, как будто они уже не друзья.

Уильям понял ее по-своему, но лишь пожал плечами.

– Я не могу заставить себя не думать о Луизе, но это не означает, что я не могу испытывать чувств к кому-то еще. И я также восхищаюсь твоей способностью открывать свое сердце для других людей. Но не требуй от меня слишком многого. Я соглашусь с любым решением, которое примет миссис Бренсвик.

Это заявление не оставило места для сомнений – спорить с лордом Гренвиллом сейчас бессмысленно. Эмили молча кивнула. Она старалась думать об Эйприл, но его слова о чувствах к другим, под которыми, конечно, подразумевалась миссис Рэйвенси, ранили Эмили. Что ж, он поступает именно так, как обещал ей в день помолвки – живет своей собственной жизнью, заботясь лишь о внешних приличиях. Вот только его любовница не сочла нужным позаботиться о том, чтобы репутация безутешного вдовца сохранялась за лордом Гренвиллом и впредь.

– Хорошо, – коротко ответила леди Гренвилл и потянулась за пером, давая понять, что разговор окончен.

Однако муж как будто не понял намека.

– Я хотел сказать тебе еще кое-что. Меня беспокоит бабушка.

Эмили тотчас отложила перо, боясь, что пальцы своей дрожью выдадут ее волнение. Что бы ни случилось с леди Пламсбери в будущем, в ее теперешнем состоянии виновата жена ее внука. Вот только лорд Гренвилл не должен узнать об этом. Что, если старуха рассказала ему?...

– Что именно встревожило тебя? – быстро спросила она мужа. – Доктор Вуд лишь вчера говорил мне, что в ее состоянии нет перемен к худшему.

– Речь не идет о ее телесном здоровье, скорее, о душевном. – Уильям потер виски – этот жест усталости Эмили уже не раз замечала за ним и с грустью думала о том, что скоро ее любимый мужчина начнет стареть... – Ты ведь знаешь, с какой болезненной страстью она всегда относилась к приобретению новых земель...

– Она опять купила что-то? – леди Гренвилл подавила вздох облегчения.

– В том-то и дело, что продала. Она избавилась уже от значительной части своих владений и собирается продавать и дальше!

– Не понимаю, что все же тебя беспокоит, – Эмили пожала плечами. – Она всегда жаловалась, что у нее почти нет свободных средств, все

вложено в землю. Сейчас ей, должно быть, понадобились деньги, только и всего. Она добилась права распоряжаться своим имуществом.

– Ты права, и все-таки... Это так не похоже на нее, – Уильям и сам не мог объяснить, почему ему так не нравятся внезапно изменившиеся привычки бабушки.

– Ты мог бы спросить, зачем ей нужны такие огромные деньги, – она не знала, что еще может посоветовать супругу. В том, что касалось леди Пламсбери, ей хотелось участвовать как можно меньше.

– Конечно, я спросил, но ее ответ ничего не прояснил.

– И что же она сказала? Решила оставить тебя без наследства и завещать все Нику Ченнингу? – как бы Эмили этого хотела! Проклятое наследство старухи она отдала бы кому угодно, лишь бы только Уильям и Лори не оказались владельцами богатства, полученного несправедливым путем!

– Она сказала, что ей нужны деньги, чтобы сделать одно весьма выгодное вложение, но так и не сообщила, какое именно. Только то, что вложенный капитал удвоится или даже утроится. Ей известно, что у меня нет желания когда бы то ни было заниматься управлением огромной территорией, которую составляли ее владения до недавнего времени. Поэтому она собирается оставить мне и своему правнуку деньги, которые можно использовать, как мне будет угодно.

«Лучше всего отдать их на благотворительность! – тут же подумала леди Гренвилл. – Сколько пансионатов и школ для бедных детей можно было бы открыть на эти деньги! И даже построить несколько фабрик, условия работы на которых не приводили бы к ранней смерти рабочих! Или организовать медицинский колледж для девушек!»

– Это звучит разумнее, чем все, что твоя бабушка когда-либо говорила о своем наследстве. Прости, я все еще не могу понять твоей тревоги, – после недавнего спора о судьбе маленькой Эйприл заводить разговор о ее обширных благотворительных планах Эмили не решилась.

– Да я и сам не знаю, что меня встревожило, – лорд Гренвилл поднялся на ноги. – Скорее всего, таинственный способ, который она выбрала, чтобы быстро умножить полученные от продажи земли средства. Возможно ли, что кто-то решил обмануть старую женщину? Она не перенесет потери своих денег... Тем более что ей должно быть так тяжело расставаться со всеми этими лугами и фермами. Она продает даже лес, принадлежащий прежде лорду Мортему. А она ведь так хотела когда-то его купить!

– Лорд Мортем окончил свои дни в тюрьме, владение его собственностью никому не принесет счастья, вспомни о Феллоузах, –

воспоминание о печальной истории молодого честолюбивого лорда давно не посещало Эмили, как и афера мистера Феллоуза, в которую оказался втянутым Ричард, и она не собиралась позволить этому случиться сейчас. – Ты успокоишься, когда поговоришь с ее поверенным. Когда будешь в Лондоне, нанеси ему визит, расспроси о планах твоей бабушки. Уверена, он не позволит ей совершить необдуманый поступок, да она и не доверится сомнительным личностям, только не леди Пламсбери! Возраст и болезни не влияют на ее умение разбираться в людях.

– Надеюсь, что так. Я напишу ее поверенному, я пока не собираюсь в Лондон, – лорд Гренвилл уже направлялся к двери, когда вопрос жены остановил его.

– В самом деле?

– Я слишком долго отсутствовал и хочу побыть в Гренвилл-парке несколько недель, прежде чем соглашусь снова покинуть его. – Уильям не понял удивления, промелькнувшего на лице Эмили.

Говорить было больше не о чем, и она снова склонилась над своим дневником, чтобы скрыть замешательство. Лорд Гренвилл уже разговаривал в холле с рано поднявшимся полковником Дейлом, а леди Гренвилл все еще недоумевала. Она-то полагала, что Уильям не сегодня, так завтра устремится в объятия миссис Рэйвенси, от которых был так долго отлучен, а он вовсе не собирается уезжать! Неужели любовница уже наскучила ему?

Продолжать строить подобные догадки ей помешала Джейн. Миссис Стоунвилль нарочно встала пораньше, чтобы застать подругу одну. У них было еще полчаса до того, как леди Боффарт, Кэролайн и Сьюзен спустятся, чтобы немного поболтать до завтрака.

– Я уверена теперь, что у Эдмунда есть любовница, и женился он на мне только ради денег мистера Несбитта, – без всяких предисловий заявила Джейн, как только села напротив Эмили на стул, несколько минут назад занятый лордом Гренвиллом.

– Негодяй! – вырвалось у Эмили, и подруга согласно кивнула. – Но... ты уверена в этом наверняка?

– Он провел в нашем доме пятницу и часть субботы, но не захотел остаться на воскресенье и поехать со мной на ваш праздник. В субботу утром, когда мы завтракали, ему принесли письмо, – начала рассказывать Джейн. – Он поспешно схватил его с подноса, но я заметила, что надписано оно женским почерком. Мне даже показалось, что я узнаю эту руку, если пригляжусь получше, но Эдмунд слишком быстро спрятал его.

– И ты не спросила, кто ему пишет?

– Конечно же, спросила! – Лицо миссис Стоунвилль омрачилось. – Он ответил, что это касается только его дел, и так грубо, что даже Ричард не выдержал и резким тоном оборвал его. Эдмунд нехотя извинился передо мной и вышел, посмотрев на моего брата таким взглядом, что я даже испугалась...

– Подумать только, и это тот милый скромный юноша, которого когда-то полюбила Луиза! Поверить не могу, что он превратился в расчетливого дельца и жестокосердного мужа! – Эмили не могла не задуматься, как сложилась бы жизнь ее сестры, не уступи она настояниям матери и не выйди замуж за лорда Гренвилла. Была бы Луиза жива сейчас? И была бы она счастлива? Вероятнее всего, мистер Стоунвилль стал бы священником, как и собирался, и молодые супруги жили бы на деньги леди Боффарт до тех пор, пока ему не удалось бы заполучить приход. А вместо всего этого Эдмунд ожесточился и теперь причиняет боль Джейн!

– Увы, перенесенные испытания дурно сказались на его характере. И я совершенно не знаю, что теперь делать! – Молодая женщина потрогала обручальное кольцо с таким видом, как будто оно жгло ей палец. – Вскоре после завтрака Эдмунд уехал, едва попрощавшись, а Ричард сказал, что, если муж еще раз заговорит со мной подобным образом, он вышвырнет его из своего дома.

– И я не стану осуждать его за это, – с одобрением заметила Эмили. – Эдмунд ведет себя отвратительно, но ты уверена, что он солгал? Может быть, письмо и правда касалось какого-то дела, которое ему не слишком удается, отчего он и потерял самообладание?

– Почерк был определенно женский. Ты знаешь хоть одну даму, кроме леди Пламсбери, которая сама вела бы дела? – сердито фыркнула Джейн. – Я уже рассказывала тебе, чем обернулись мои мечты помогать сперва отцу, а затем мужу. И все мужчины таковы, они не допустят женщину в свои владения, если у них будет хотя бы малейший шанс избежать этого.

– Мне очень жаль, милая, – подруга протянула руку через стол, и миссис Стоунвилль благодарно сжала пальцы Эмили. – Что же до того, что тебе делать... Заставь его объясниться, довольно тянуть! Не говори о его измене, это разозлит его и унизит тебя. Говори о том, что ты не так себе представляла брак с ним, и, если он намерен и дальше оставлять тебя в доме брата в одиночестве, ты уйдешь от него. И пусть ему остается твое приданое, ты не будешь голодать и без него!

– Отец не одобрит этот поступок, у них с Эдмундом общие дела...

– Не думай об этом! Даже если мистер Несбитт не даст тебе больше ни пенни, друзья не позволят тебе остаться без средств! Да и Ричард сейчас в

лучшем положении, нежели до твоего знакомства с мистером Несбиттом. Ты справлялась прежде, справишься и теперь!

– Мне жаль, что ты не уехала с леди Боффарт и Люси. Я бы присоединилась к вам, пожалуй. – Джейн должна была испытывать горчайшее разочарование, ведь замужество, о котором она столько лет мечтала, принесло ей лишь огорчения, но она держалась спокойно.

– Ты ведь знаешь, я не могу, как бы мне ни хотелось... – Эмили вздохнула. – Из-за чьей-то ошибки или злой воли матушка серьезно больна, и своим отъездом я попросту убью ее. Но я уже думала о том, чтобы попутешествовать с тетусшкой и Люси. Поедем с нами! Ты можешь ничего не рассказывать отцу, если не хочешь, но тебе нужно все решить с Эдмундом. Даже если он не любит тебя, он не смеет запирать тебя в Торнвуде!

– Я с радостью поеду с вами! Ричард тоже предлагал мне уехать, но я не должна бежать от проблем, сперва я потребую у Эдмунда объяснений! – безмятежное обычно лицо Джейн приняло грозное выражение, и Эмили подумала, что мистер Стоунвилль еще не знает, какую решительную женщину взял в жены. Пускай пеняет на себя!

Подруги решили, что в следующее же появление мистера Стоунвилля в Торнвуде Джейн выскажет ему все, что держала в себе последний месяц, и не позволит лживым уверениям успокоить себя, как это было в тот день в Лондоне, когда Эдмунд обещал ей всю свою любовь.

– Ты ведь не так уж сильно влюблена в него? – осторожно спросила Эмили, боясь обидеть подругу и в то же время желая, наконец, узнать, насколько сильно задето сердце Джейн.

– Не так уж сильно, иначе я проливала бы слезы и заламывала руки, – усмехнулась миссис Стоунвилль. – Он сразу понравился мне, и позже я поверила в его чувства и позволила себе поверить в свои. Но ты же помнишь, я всегда стремилась к замужеству не ради чувства, а ради благополучия. Я буду страдать из-за разрыва с мужем, но не настолько, как будешь страдать ты, если уедешь от Уильяма.

– Мне все же жаль, что тебе не удалось познать это чувство, пусть оно и принесло мне столько страданий, – задумчиво протянула Эмили. – Но, может быть, оно найдет и тебя, как нашло же оно Ричарда!

– Может быть... – так же медленно ответила Джейн и улыбнулась какой-то странной, несвойственной ей загадочной улыбкой.

«Не означает ли это, что моя милая подруга влюблена? – спросить об этом леди Гренвилл уже не успела – в гостиную заглянула улыбающаяся Кэролайн. – Господи, не допусти, чтобы это оказался Риддл! Хоть бы он

никогда не приезжал в Торнвуд или уж уехал бы поскорее! Как бы мне хотелось больше не встречаться с ним!»

Однако новая встреча с мистером Риддлом случилась раньше, чем Эмили могла себе представить. Этот джентльмен как будто нарочно дожидался, когда лорд Гренвилл уедет навестить вывихнувшего ногу мистера Пауэлла, а леди Боффарт отправится за покупками в Эппинг и возьмет с собой Люси.

Когда Хетти доложила о госте, леди Гренвилл сперва хотела отказаться принять его, но тут же подумала, что это наиболее подходящий случай выговорить ему за бестактные расспросы прислуги и заодно намекнуть, что джентльмену, если он таковым является, не стоит компрометировать миссис Стоунвиль.

Своим видом Риддл удивил Эмили не меньше, чем неожиданностью своего визита. Молодой человек выглядел намного проще и при этом элегантнее, чем привыкли его видеть в Торнвуде. Никаких васильковых фраков и апельсиновых жилетов, а волосы лишь слегка завиваются в отличие от обычных кудрей.

– Мистер Риддл? – вопросительный тон леди Гренвилл был холоден и намекал на скорое окончание визита, но джентльмен приветствовал ее с безупречной вежливостью.

– Прошу простить мою навязчивость, леди Гренвилл. Я знаю, что встречи со мной не доставляют вам удовольствие, но осмеливаюсь надеяться, что к концу моего визита вы измените мнение о моей персоне, хотя бы отчасти, – серьезный тон джентльмена вполне соответствовал его виду.

– Что ж, полагаю, у вас есть основания думать подобным образом, и я готова услышать ваши доводы, – так же серьезно ответила Эмили.

Риддл вел себя необычно, и она должна преодолеть свою неприязнь и выслушать его, это будет справедливо. К тому же она чувствовала, как растет ее любопытство, уж очень заметным было это перевоплощение легкомысленного болтуна в сдержанного молодого человека.

– Мне придется сделать сегодня несколько признаний, – кажется, Риддл все же не вполне избавился от своей обычной нарочитости. – Чтобы настроить нашу беседу на нужный лад, я начну с самого главного признания. «Надеюсь, он не станет объясняться в любви к Джейн или кому-то еще из моих подруг», – с легким испугом подумала Эмили. Чего еще можно ожидать после такого вступления? Но признание, ожидавшее ее,

оказалось совершенно иного рода.

– На самом деле меня зовут вовсе не Чарльз Риддл, и я не племянник суперинтендента Миллза.

– Так кто же вы? – судя по возникшей паузе, от нее ожидали именно этого вопроса, и леди Гренвилл оправдала ожидания. Ее изумление, кажется, вполне удовлетворило гостя, желавшего поразить ее, и он заговорил снова.

– Лорд Чарльз Мернейт, к вашим услугам, миледи. Навряд ли вам известно это имя, титул был пожалован мне высочайшей волей сравнительно недавно и без особой огласки.

– Так вот почему у вас такая любопытная фамилия... Это был намек, которого мы не поняли. И для чего нужна вам эта мистификация? – Ей не хотелось поощрять его, играя предложенную роль, но с каждым его словом ее нетерпение росло, и Эмили стремилась как можно скорее получить ответы на вопросы, которые она еще даже не успела задать.

– У суперинтендента Миллза действительно есть племянник Чарльз Риддл, и он именно таков, каким меня привыкли видеть в Торнвуде. Так что в этом смысле ваших соседей нельзя назвать жертвами обмана, – начал лорд Мернейт, и леди Гренвилл решила не прерывать его речь. – В настоящее время мистер Риддл пребывает на севере в поместье своей сестры, сосланный туда в наказание за известные вам прегрешения. Не воспользоваться случаем примерить маску повесы и хвастуна, перед которым открыты все двери, показалось мне пренебрежением своей удачей. Тем более что мне так или иначе нужно было проникнуть в местное общество. Думаю, вам любопытно узнать зачем.

– Даже если и нет, вы ведь все равно намерены рассказать, – Эмили ехидно прищурила глаза – довольно уже ему рисоваться, даже если он сейчас встанет и направится к двери, она не станет его удерживать. Ни за что не станет, не так ли?

– Вы правы, и вам придется дослушать мою повесть, хотите вы того или нет, – тут же подтвердил джентльмен. – Прошу простить меня за некоторую вычурность речей, манеры мистера Риддла словно впитались мне в кожу, и от них не так-то легко избавиться. Тем более что только сегодня и только с вами я позволил себе забыть маску Чарльза Риддла в доме моего дяди. То есть суперинтендента Миллза, конечно же.

– Я поняла, кого вы имеете в виду, – леди Гренвилл все же не удержалась от того, чтобы поторопить отклонившегося от главной темы собеседника.

– Дело в том, что у меня тоже есть дядя, которому, надеюсь, больше

повезло с племянником, нежели вашему суперинтенденту, – самодовольно улыбнулся лорд Мернейт, тотчас же превратившийся в пустоголового хвастуна Чарльза Риддла. – Так вот, мой дядюшка возглавляет департамент уголовного розыска.

Эмили не была бы удивлена сильнее, окажись дядюшка лорда Мернейта самым премьер-министром.

– Ваш дядя занимает высокий пост в Скотленд-Ярде, а вы приехали сюда под видом племянника суперинтендента Миллза! – воскликнула она. – Что же вы надеетесь отыскать в Торнвуде?

– Мне кажется, вам не понаслышке известно о нескольких преступных деяниях, совершенных в здешних местах, – настал черед лорда Мернейта ехидно ухмыляться.

– Так и есть, – не стала отрицать Эмили, уж наверняка этот проныра навел справки и узнал все, что хотел, в том числе и о роли леди Гренвилл в поисках злоумышленников. – Но виновные в совершенных преступлениях были найдены Миллзом и его констеблями и понесли заслуженную кару.

– Вы очень снисходительны к моему мнимому дядюшке, миледи. Интересно знать, как бы вам понравился мой настоящий дядя, вы наверняка нашли бы о чем поговорить с ним. Насколько я мог разобраться в событиях, происходивших в Торнвуде и близлежащих поместьях за последние два-три года, именно ваше участие позволило суперинтенденту отыскать злодеев и заслужить одобрение моего подлинного дядюшки. Без вас Миллз бы уже потерял свое место... Впрочем, – как будто опомнился молодой джентльмен, – речь сейчас не о Миллзе. Вы спрашивали, что привело меня в этот милый городок... Уверенность в том, что в Торнвуде или рядом с ним рождаются преступные замыслы, охватывающие едва ли не всю Англию!

– Или вы так же склонны к преувеличениям, как мистер Риддл, или ваши слова должны ужаснуть меня, – леди Гренвилл потянула за концы шали, плотнее закутываясь. – Я бы предпочла первое.

– Увы, я и хотел бы сказать, что собирался немного поугадать вас, миледи, но это не так. Поверьте, я бы и вовсе не стал начинать этот разговор, если бы не был уверен, во-первых, что у вас хватит силы духа меня выслушать без нервной дрожи и обмороков, и, во-вторых, что вы можете помочь мне в поисках вдохновителя этих воистину адских деяний!

– Надеюсь, вы правы и в том, и в другом, хотя мне искренне хотелось бы, чтобы вы ошиблись. Для такого маленького городка, как Торнвуд, уже довольно преступлений!

– Увы, я уверен в своей правоте. – Джентльмен потрогал пальцем свои

усики, словно они мешали ему, и Эмили решила, что в обычной жизни лорд Мернейт обходится без них. – Если позволите, я расскажу вам, с чего все началось.

– Я только этого и жду, милорд, – серьезно ответила его собеседница. – Но сперва скажите, вы тоже занимаете какую-то должность в Скотленд-Ярде, или ваше участие в поисках преступников обусловлено скукой?

– Вижу, вы понимаете меня! – искренне рассмеялся Мернейт. – Должно быть, потому, что и сами грешите склонностью к расследованиям!

– Мое участие в некоторых... событиях было обусловлено не столько скукой, сколько желанием помочь друзьям уладить их затруднения, – против воли, Эмили была задета, хотя и знала, что этот странный человек отчасти прав.

– Чтобы окончательно не упасть в ваших глазах, скажу, что мной двигает желание помочь дядюшке покарать злодеев, с которыми не могут справиться обычные констебли с их дубинками. Некоторые люди воображают себя властителями над другими людьми, включая их состояние и душу, и мне это не нравится!

– У вас уже есть опыт в поиске подобных злодеев? – скептически поинтересовалась Эмили, лорд Мернейт казался ей слишком молодым.

– Я не вправе рассказать вам о двух пугающих загадках, на благополучном разрешении которых зиждется не только так раздражающая вас самоуверенность, но и мой недавно обретенный титул. Поэтому вам остается лишь поверить мне на слово или не поверить, но понаблюдать за тем, как я ищу ключ к этой новой тайне, а затем уж, исходя из результата, сделать окончательный вывод, – он посмотрел на нее таким пронизывающим взглядом, что леди Гренвилл оставалось лишь молча кивнуть. – Итак, с вашего позволения, я начну свой рассказ.

Эмили промолчала, позволяя собеседнику говорить дальше. Она была взволнована и слегка напугана его словами, а воображение уже начало рисовать какие-то неясные картины несчастий, которые могут настичь ее близких и друзей, откажись она выслушать своего гостя.

– Почти полтора года назад в полицию обратилась одна бедная женщина, вдова столяра. Она тревожилась о своей младшей сестре, с которой собиралась встретиться, чтобы навестить их общую тетку. Мисс Деррик, так звали эту девушку, зарабатывала на жизнь уроками рисования. Родители дали ей лучшее образование, нежели ее сестре, к тому же, по словам все той же сестры, мисс Деррик была очень красива и умела вести себя как настоящая леди. Вдова столяра побывала в квартирке, которую снимала мисс Деррик, упорно отказывавшаяся жить с сестрой и тремя ее

детьми, как ее ни уговаривали. Домовладелица заявила, что не видела мисс Деррик уже несколько дней, но не похоже, чтобы девушка куда-то уехала – все ее вещи были на месте, кроме небольшого саквояжа и теплого плаща. Такое внезапное исчезновение обеспокоило сестру, и она обратилась сперва к поверенному мисс Деррик. Не странно ли, что у бедной девушки был собственный поверенный? – лорд Мернейт прервал сам себя, давая Эмили возможность позвонить горничной и попросить принести чай.

После того как Хетти ушла исполнять поручение, джентльмен продолжил. Рассказчиком он оказался ничуть не худшим, чем изображаемый им мистер Риддл, но на его собеседницу скорее производил впечатление сам сюжет повествования, нежели выразительная речь лорда Мернейта.

– Поверенный отказался говорить с сестрой мисс Деррик, основываясь на воле своей клиентки. По его словам, молодая девушка могла уехать в путешествие с поклонником или искать приключений каким-либо иным образом, и он, как добросовестный служащий, не будет беседовать с кем-либо о мисс Деррик до тех пор, пока факт ее смерти не будет определенно доказан. После этой отповеди сестра мисс Деррик и обратилась в полицию. Были предприняты поиски учеников мисс Деррик, но они не увенчались успехом. Хозяйка не видела, чтобы кто-либо приходил в квартирку, должно быть, девушка сама посещала учеников, так как часто отсутствовала. Почтенной вдове оставалось лишь надеяться, что поверенный прав, и ее легкомысленная сестра вскоре объявится, опозоренная каким-нибудь повесой. Так бы все и продолжалось, если бы бедная женщина не пришлось по нраву немолодому констеблю, тоже недавно овдовевшему. Именно он и вспомнил о ней, когда прошлой весной Темза отдала еще одну свою жертву, утонувшую, должно быть, много месяцев назад.

Эмили поежилась, хотя и ожидала уже чего-то подобного, рассказ лорда Мернейта неминуемо должен был подойти к какой-то трагедии. И, скорее всего, не единственной.

– По каким-то признакам, цепочке с медальоном, кольцу или чему-то в этом роде, сестре удалось опознать мисс Деррик. Бедная женщина никак не могла поверить, что кто-то должен был настолько ненавидеть ее сестру, чтобы утопить в Темзе. А в том, что это не был несчастный случай, полицейский врач готов был поклясться. По его словам, мисс Деррик сперва свернули шею, а уж затем сбросили в воду, – лорд Мернейт остановился. – Простите, мне не следовало сообщать вам эти подробности...

– Вы сами недавно говорили, что я выдержу ваш рассказ, какие бы

ужасы вы мне ни приготовили! – Леди Гренвилл слушала напряженно, но не собиралась закатывать глаза или падать в обморок. – История бедняжки трагична, но, полагаю, вы еще не подошли к главному. Как эта смерть связана с Торнвудом?

– Уже скоро вы это узнаете. – Лорд Мернейт дождался, когда горничная накроет на стол и уйдет, потом заговорил снова. – После того как тело мисс Деррик было найдено и опознано, констебль лично сопроводил понравившуюся ему вдову к поверенному ее сестры, которому ничего иного не оставалось, как признать, что его клиентка скончалась, и предъявить завещание. Которое, признаюсь, очень удивило и констебля, и его спутницу. Мисс Деррик завещала сестре все свое имущество, оно состояло из небольшого особняка в приличном районе Лондона и значительной суммы денег, вложенной в ценные бумаги нескольких компаний.

Джентльмен сделал эффектную паузу, чтобы глотнуть чая, но Эмили была уверена – он ожидает от своей собеседницы охов и ахов. Что ж, тут он просчитался – леди Гренвилл не настолько наивна, чтобы прийти в состояние крайнего изумления, узнав, что у бедной учительницы рисования была другая, тайная жизнь. Эмили встречалась уже и не с такими удивительными историями. Феллоузы, например, с помощью подлога завладели чужим состоянием, превышающим все, чем могла владеть покойная мисс Деррик.

Так и не дождавшись реакции, на которую он смел надеяться, лорд Мернейт подавил досаду и продолжил.

– Когда открылись эти обстоятельства, за дело взялся уже не констебль, а инспектор. Происхождение богатства мисс Деррик ее поверенный объяснить не смог, как его ни допрашивали. Время от времени она приносила ему крупные суммы денег, а его задачей было лишь вложить их наиболее подходящим образом. В особняке, доставшемся вдове столяра, обнаружилась покрытая пылью красивая и дорогая мебель, сломанная и разбросанная так, что стало понятно – кто-то проник в дом мисс Деррик и что-то в нем искал. Нашел ли, нет ли – оставалось загадкой, но мой дядя, который узнал обо всем вскоре после опознания тела утонувшей девушки, склонен думать, что поиски были успешными лишь отчасти.

– Почему? – наконец, не выдержала Эмили.

– Потому, что вместе с завещанием, бумагами и ключом от особняка поверенный передал сестре мисс Деррик запечатанный конверт, в котором находилось две толстых тетради.

– Ее дневники! – все-таки леди Гренвилл ахнула и подалась вперед.

– Совершенно верно! – с кислым видом ответил лорд Мернейт, одновременно восхищенный и разочарованный сообразительностью собеседницы. – И в этих дневниках было записано то, что заставило ужаснуться даже моего дядю!

– Мисс Деррик была преступницей? Она шантажировала кого-то и таким образом сумела заработать крупные суммы? – Эмили вспомнила, как ее подруге Джейн пришлось уплатить шантажисту пятьсот фунтов, чтобы узнать тайну своего рождения – громадные деньги для девушки вроде мисс Деррик.

– И опять вы правы, леди Гренвилл! – Лорд Мернейт все же улыбнулся – насколько проще общаться с умной женщиной, не то что с хорошенькими бестолковыми юными леди, которыми буквально наводнен Торнвуд и окрестные поместья. – Вот только шантаж был не единственным призванием мисс Деррик, и действовала она не в одиночку, а исполняя распоряжения некоего лица, которое описывает в своем дневнике как человека, управлявшегося с целым сонмом преступников различного рода так же легко, как дирижер со своим оркестром. Их стезя – шантаж, убийства, подделка драгоценностей... О, вижу, вы поняли, о чем я говорю!

– Мой бриллиантовый гарнитур, оказавшийся искусно выполненным стеклом! – Эмили взволнованно подалась вперед – неужели спустя полтора года на эту темную историю прольется немного света?

– О, да, миледи. В дневнике мисс Деррик упоминается о некоем молодом исследователе с континента, кажется, из Богемии, который сумел изобрести стекло, настолько хорошо имитирующее драгоценные камни, что даже опытные ювелиры с трудом могут отличить подделку. И то только потому, что это все же стекло, и оно бьется.

– Вы хотите сказать, что этот изобретатель открыл в Англии мастерскую по изготовлению фальшивых украшений? Если полиция узнала о нем, почему он не арестован? Или об этом просто не писали газеты?

– Все не так просто, миледи. – Мернейт с интересом посмотрел на пирог, но не осмелился прерваться, опасаясь рассердить свою нетерпеливую слушательницу. – Этому гению нужны были средства на продолжение своих изысканий, и он продал свой секрет покровителю мисс Деррик, а этот человек организовал мастерскую и продажу изделий. Как вы наверняка помните, магазин в Лондоне полиция закрыла, но арестовать преступников так и не удалось.

Эмили молча кивнула и, смилостивившись, предложила лорду Мернейту отведать пирог. Джентльмен немедленно воспользовался любезностью, и разговор продолжился лишь через несколько минут. За это

время леди Гренвилл успела обдумать услышанное и, прежде чем собеседник заговорил снова, спросила:

– Эта мисс Деррик в своем дневнике упоминает Торнвуд? Вы приехали сюда, потому что именно здесь живет этот ужасный человек? Она назвала его имя?

– Увы, она написала, что он называет себя «Эдвин Р. Тоун», но это явно ненастоящее имя. В конторе при магазине, где продавались поддельные бриллианты, было найдено несколько писем с указаниями его владельцу, и все они подписаны Эдвином Тоуном, но откуда они отправлены, нам узнать не удалось. Он слишком осторожен, чтобы посылать письма из Торнвуда.

– А что-то еще, что могло бы помочь найти его? Торнвуд – маленький городок, почти все его жители хорошо знают друг друга...

– Из дневника мисс Деррик следует, что этот человек принадлежит к светскому обществу, скорее всего, он живет не в Торнвуде, а в одном из расположенных вокруг поместий.

– Как такое возможно? – изумилась Эмили. – Мои соседи – милейшие люди, и нашим общим недостатком можно назвать лишь любовь к сплетням.

– Не мне вам говорить, что не все из ваших знакомых оказались такими уж милыми, – резонно заметил лорд Мернейт. – То, что я успел узнать о совершенных здесь преступлениях, весьма впечатляет.

– Мистер Рассел, Кэтрин Рис-Джонс, лорд Мортем... Да, мне придется согласиться – мы не так хорошо знаем друг друга, как могли бы надеяться после стольких лет близкого соседства.

– Вот как раз о лорде Мортеме я и хотел поговорить с вами, – похоже, собеседник Эмили еще не исчерпал свой запас неожиданных заявлений. – На страницах дневника мисс Деррик этому несчастному уделяется очень много места.

– Они были знакомы? – леди Гренвилл недоверчиво нахмурилась – откуда заносчивому, честолюбивому лорду, а именно таким был Мортем, знать бедную учительницу рисования? Впрочем, она таковой и не была.

– Мисс Деррик некоторое время занимала место компаньонки при матери лорда Мортема. Вы и ваши соседи знали ее под другим именем, – с явным удовольствием лорд Мернейт ответил на этот вопрос, уверенный, что удивление его собеседницы возрастет еще более, а ее догадки должны были помочь ему приблизиться к истине.

– Мисс... Гилбертс? Так ее звали? Она была замешана в истории с убийством горничной, и именно ее слова дали возможность суперинтенденту Миллзу арестовать лорда Мортема!

– Все это так, вот только мисс Гилбертс оказалась в поместье лорда Мортема не случайно. Ее целью было именно соблазнить джентльмена и скомпрометировать его, с тем, чтобы добиться от него согласия на сделку, от которой он упорно отказывался. Это загадочный мистер Тоун подослал ее к леди Мортем. Мало того, из дневника мисс Деррик, я буду и дальше называть ее так, явственно следует, что этот молодой человек не был повинен в убийстве горничной миссис Стоунвилль! Бедняга стал жертвой хитроумного плана, который был так мастерски приведен в исполнение, что ни у кого не было сомнений в справедливости обвинения.

– Боже мой! – перед глазами Эмили возникло надменное лицо лорда Мортема, узкое, с некрасивым крючковатым носом. Молодой лорд, несмотря на свое богатство и честолюбивые планы, не пользовался популярностью у юных леди, но он не заслужил такой ужасной участи – умереть в тюрьме, несправедливо обвиненный в убийстве. – Бедная леди Мортем, ей пришлось пережить позор и смерть сына! Как жестоки и коварны должны быть люди, совершившие такое преступление!

– Опять я должен согласиться с вами, – кивнул Мернейт. – И мы обязаны найти этих людей! Мисс Деррик уже не сможет ответить за свои проступки, но мистер Тоун жив и благоденствует!

– Мы? Какую помощь я могу вам оказать, лорд Мернейт? – Эмили чувствовала, как растет ее негодование и злость на преступников, но при этом ощущала себя беспомощной. – Я не могу даже вообразить, кто из моих знакомых может скрываться под именем мистера Тоуна!

– Не стоит торопиться, миледи, мой рассказ далек от завершения, и я очень надеюсь на вашу помощь. Кому было выгодно избавиться от лорда Мортема, мы еще обсудим, а сейчас давайте вернемся к трагическим происшествиям, приведшим к гибели вашей горничной и еще трех девушек, включая и ту, что погибла на кладбище в день помолвки мистера и миссис Говард.

– Фанни? Выходит, все же она упала не случайно?

– Вы ведь подозревали, что ее убили? Суперинтендент Миллз говорил мне, что вам долго не давали покоя первые три случая, но потом, когда смерть четвертой горничной удалось объяснить преступлением лорда Мортема, вам пришлось признать свою ошибку.

– Так оно и было. – Эмили испытывала столь сильное волнение, что ей хотелось вскочить и начать ходить кругами по комнате, но больная нога и необходимость соблюдать приличия заставляли ее оставаться на месте. – Джейн сказала как-то, что наших горничных как будто настигло какое-то проклятье, и ее слова прочно заняли место в моих мыслях. Мне казалось,

что все четыре девушки могли узнать что-то, впоследствии погубившее их, и я даже пыталась спасти последнюю, Энн.

– Каким образом? – насторожился лорд Мернейт, недоеденный пирог был мгновенно позабыт. – Об этом мне ничего не удалось разузнать.

– Я увезла Энн из дома Соммерсвилей, – теперь настал черед Эмили удивлять своего гостя. – Моя сестра должна была отправиться погостить в Брайтон, а ее горничная в это время болела. Мне показалась удачной такая возможность, и я уговорила Энн занять место горничной моей сестры. Даже мои подруги не знали подлинную причину этого отъезда.

– Но потом ей пришлось вернуться, и убийца настиг ее, – задумчиво протянул лорд Мернейт.

– Я сочла, что опасности нет, это было моей ошибкой, как я теперь догадываюсь. – Леди Гренвилл была расстроена и обескуражена.

– Почему вы так решили? – быстро спросил джентльмен.

Эмили не спешила отвечать. Рассказать историю кражи ее бриллиантового кольца и возвращения его означало бы выставить Дафну Пейтон воровкой, а саму себя – укрывательницей преступницы. Но надо же как-то объяснить этому дотошному молодому человеку, почему Энн вернулась в Торнвуд, а леди Гренвилл успокоилась и сочла опасность надуманной, а свои предположения – домыслами, порожденными скукой.

О том, что Дафна вспомнила о подслушанном ею разговоре неизвестных мужчины и женщины, касавшемся смерти мистера Рассела, Эмили тоже предпочла пока умолчать. Миссис Пейтон едва не скомпрометировала себя, когда решила устроить свидание с любовником прямо во время бала в Гренвилл-парке, полагая, что в платье горничной на нее не обратят внимание. Тогда после признания Дафны Эмили вновь задумалась о произошедших слишком быстро, одно за другим, несчастьях с молодыми девушками, но последующие события потребовали, чтобы она посвящала время новым загадкам и происшествиям, и размышления о событиях двухлетней давности пришлось отложить. Кажется, сегодня как раз тот день, когда к ним придется вернуться...

– Скажем так, в моем доме случилось одно странное происшествие, с которым, как мне показалось, могли быть связаны горничные. Позже все разъяснилось, я успокоилась и согласилась с теми, кто считал все эти три смерти результатом несчастного стечения обстоятельств.

– Правильно ли я понимаю – вы не расскажете мне о таинственном происшествии в Гренвилл-парке? – недовольным тоном поинтересовался лорд Мернейт.

– Совершенно правильно, сэр. Даю вам слово, что случившееся не

имеет отношения к человеку, которого вы разыскиваете, – уверенно заявила Эмили. – А также хочу уведомить вас, что моему супругу ничего не известно об этом... недоразумении. На случай, если вы вдруг захотите расспросить его...

«Кстати, почему это вы искали возможность застать меня одну? – вдруг подумала она. – Всем известно, что поисками убийцы Флоренс Несбитт мы занимались вместе с Уильямом, а Джейн и ее брат нам помогали. Как и потом, когда Ричарда обвиняли в смерти мистера Ходжкинса, лорд Гренвилл был рядом со мной... И после убийства Бет Флинн...»

Следующие слова джентльмена отнюдь не развеяли ее растерянность:

– Я не собираюсь беседовать с лордом Гренвиллом о чем-либо из того, что мы с вами сегодня затронули или еще только затронем. У меня есть для этого причина, но о ней я скажу вам позже.

Эмили только пожала плечами. Уж не подозревает ли он Уильяма? Похоже на то, но в чем его можно подозревать? Существование любовницы говорит о том, что джентльмен не придерживается высоких моральных правил, но не означает, что он к тому же является преступником!

– Что ж, я не стану просить вас об излишней откровенности. Тем более что я и сам уверен – что бы ни случилось в Гренвилл-парке, это не имеет отношения к смерти девушек.

– То есть вам известно о том, что имеет отношение к ним, не так ли?

– В дневнике мисс Деррик об этом говорится, – тут же согласился лорд Мернейт. – По ее словам, одна из горничных подслушала тайную беседу мистера Тоуна с его компаньоном. Он не мог допустить ни раскрытия своей тайны, ни шантажа со стороны горничной, но он не смог узнать эту девушку, она исчезла слишком быстро.

– И посчитал необходимым уничтожить всех, кто был в этот момент в доме... – Эмили содрогнулась. Получается, все же именно легкомыслие Дафны Пейтон привело к этим четырем трагедиям! И в день рождения леди Гренвилл, в ее доме, среди ее гостей был жестокий и коварный убийца! И она знает его или хотя бы встречалась с ним, если это кто-то из знакомых или родственников ее соседей, которого кто-то из них захватил с собой на бал!

Должно быть, все эти пугающие мысли отразились на ее лице, так как лорд Мернейт обеспокоенно вытянул шею, внимательно вглядываясь в черты ее лица – не говорит ли чрезмерная бледность леди о приближении обморока? Однако же леди Гренвилл была крепче, чем можно было подумать, глядя на ее худобу и искаленную ногу.

– Упомянула ли мисс Деррик, что подслушанный разговор состоялся в Гренвилл-парке, на балу, который я устраивала для своих друзей в день рождения, двадцать четвертого мая, уже почти три года назад? – спросила она лорда Мернейта.

– Выходит, я не зря подозревал, что вы можете знать что-то важное, что-то, оставшееся незамеченным суперинтендентом Миллзом! – воодушевлению лорда Мернейта, казалось, не мешало даже то, что они говорили о жестоких убийствах невинных девушек. – В дневнике мисс Деррик все записи помечены определенными датами, и упомянутого разговора она действительно касается в записи от июня 1870 года, но о том, что беседа состоялась в Гренвилл-парке, она не сообщила. А это, как я понимаю теперь, должно послужить ключом к раскрытию тайны личности мистера Эдвина Р. Тоуна.

– Среди моих гостей не было человека, носящего такое или хотя бы похожее имя.

– Это не должно нам помешать. Как бы его ни звали на самом деле, вы с ним знакомы. К тому же, не забывайте, он говорил с кем-то еще, и этого другого преступника вы тоже должны знать. Что вы не рассказываете мне, леди Гренвилл?

Эмили почувствовала смущение и досаду – как будто этот любитель разгадывать загадки, связанные с преступлениями, в чем-то подозревает ее. А ведь он приехал сюда в надежде на ее помощь! Но как рассказать ему о Дафне? Можно ли понадеяться на его сдержанность? Сведениями, которые Мернейт раздобудет в Торнвуде, ему придется поделиться со своим дядей. Нельзя допустить, чтобы Пейтоны оказались замешаны в скандале теперь, когда карьера Джорджа идет в гору!

– Я расскажу вам то, что смогу, не подвергая опасности скомпрометировать кого-то из моих знакомых, – после неловкой паузы медленно произнесла леди Гренвилл. – Прошлым летом, когда миновало уже больше года с тех ужасных дней, мне стало известно, что одна леди переделалась в платье горничной, чтобы... встретиться с кем-то тайным образом. На служанку никто из моих гостей не обратил бы внимания, но ее едва не разоблачила настоящая горничная. Этой леди пришлось спрятаться в кабинете лорда Гренвилла и переждать немного. В соседней с кабинетом библиотеке беседовали двое людей...

– Так это была не горничная! – Мернейт был удивлен не меньше, чем Эмили, когда узнала о его настоящем имени и цели появления в Торнвуде. – Полагаю, не ошибусь, если предположу, что ее таинственная встреча была связана с романтическим приключением. И это означает, что четыре

девушки погибли из-за знакомой вам леди!

– Эта мысль не давала мне покоя долгие недели, – ей послышался упрек в словах собеседника. – И я готова сделать все возможное, чтобы негодяй был наказан!

– Я надеялся на вашу помощь, но, признаться, удивлен, что вы, с вашей наблюдательностью и тонким умом, до сих пор не выяснили, кем были эти люди.

Молодая женщина сделала вид, что не заметила комплимента, если слова лорда Мернейта можно было счесть таковым.

– У меня возникли подозрения относительно одного из собеседников, – призналась она. Эмили не готова была назвать имя леди Пламсбери. В августе, когда между ними состоялось то ужасное объяснение, она не смогла открыто обвинить старуху из желания защитить Уильяма и Лори от позора и горьких переживаний. После случившегося с бабушкой лорда Гренвилла удара Эмили посчитала наказание старой дамы достаточным, но сознавала, что намеренно прогоняет мысли о том, что леди Пламсбери может быть причастна и к другим преступлениям. В стремлении завладеть землями мистера Рассела бессердечная старуха посоветовала сыну Рассела отправить отца на тот свет, но ведь леди Пламсбери охотилась не только за владениями Рассела! Многие годы она приобретала земельные угодья в графстве и за его пределами, и владельцы не всегда рады были расстаться со своей собственностью в угоду алчной старухе!

Однажды леди Гренвилл уже оступилась на пути к справедливости, больше она не должна потворствовать преступникам!

– У меня тоже есть определенные мысли по этому поводу, – Мернейт словно не заметил смятения Эмили. – Поскольку в конечном итоге задачей мисс Деррик было скомпрометировать лорда Мортема, я осторожно навел справки и узнал, что кое-кто из знакомых лорда нашел в его аресте свою выгоду. Мать несчастного молодого человека продала этим людям часть владений и драгоценностей, и цена, уплаченная ими, намного меньше той, что они должны были предложить по справедливости.

Все это Эмили было хорошо известно. Леди Пламсбери испытывала непреодолимое желание получить в собственность знаменитый лес лорда Мортема, и леди Мортем вынужденно исполнила ее мечту. Правда, другие соседи тоже не остались в стороне – Блэквеллы завладели фермами, а Пауэллы прибавили к своим владениям часть речных земель... Что, если кто-то из них вместе с леди Пламсбери и осуществил тот чудовищный план, раз и навсегда избавившись от строптивого лорда Мортема?

– Я знаю, как неприятно вам слышать это, но бабушка вашего супруга больше всех остальных выиграла от гибели лорда Мортема. Не хотелось бы мне обвинять кого-либо без доказательств, но, увы, в дневниках мисс Деррик мне не удалось почерпнуть ни одного упоминания о леди Пламсбери. Как и о других ваших соседях, заключивших похожие сделки. Мистер Блэквелл и мистер Пауэлл, сколько бы я к ним ни приглядывался, кажутся мне равно подходящими на роль Эдвина Тоуна. Как и еще несколько джентльменов и даже леди. Но более других я подозреваю еще одного человека. Вы догадываетесь, о ком я говорю?

Эмили покачала головой, и тогда лорд Мернейт назвал имя.

И две недели спустя после разговора с лордом Мернейтом Эмили не представляла, как ей опровергнуть его уверенность в том, что вдохновенным творцом преступных деяний был лорд Гренвилл.

В какой-то момент этой беседы она заподозрила, что рано или поздно приехавший сыщик-любитель назовет Уильяма, но ей все равно невыносимо тяжело было услышать произнесенное вслух: «Вы навряд ли удивитесь, миледи, если я скажу, что под личиной неизвестного нам Эдвина Р. Тоуна может скрываться лорд Гренвилл».

Будь Эмили на десять, да даже на пять лет моложе, она приказала бы Мернейту убираться вон и больше никогда не показываться на пороге Гренвилл-парка, но в свои двадцать шесть она если не набралась мудрости, то хотя бы повзрослела. Разве мало среди ее знакомых оказалось людей, поразивших ее своими поступками? А ведь она могла бы заявить, что слишком хорошо знает их, чтобы ожидать чего-то необычного. Так почему Уильям не может оказаться таким же таинственным и коварным незнакомцем? Только потому, что она любит его? Да это просто смешно!

Нет, утверждать, что лорд Гренвилл не способен на преступление, она не вправе. Она и себе не раз уже задавала вопрос, на какие деяния готова пойти ради безопасности и спокойствия своей семьи, но так и не измерила до сих пор глубины пропасти, в которую готова спуститься. Что уж говорить о других?

Другое дело, что убийство горничных или изготовление фальшивых бриллиантов никак нельзя назвать жестом отчаяния, призванным спасти кого-то от беды. Так что же ей остается? Да то же, что и прежде – думать, наблюдать, делать выводы и не давать воли своей фантазии. Она должна либо доказать, что Мернейт ошибается, либо разоблачить лорда Гренвилла, чего бы это ни стоило, в первую очередь ей самой.

Все тревожные и загадочные события, которые ей довелось пережить, она, против ожидания лорда Мернейта, не рассматривала как забавные приключения, слишком много печали они принесли ей самой и ее близким. Но все они меркли перед тем, что она должна была пережить теперь.

Вот только как взяться за дело? Следить за мужем, прокрадываться в его кабинет, читать его письма и просматривать бумаги? Эмили не обладала талантами мисс Деррик, чей дневник лорд Мернейт пообещал привезти ей в надежде, что она сможет узнать мистера Тоуна по каким-то описаниям

или намекам. С ее хромотой она не успеет скрыться вовремя, если Уильям внезапно появится в своих покоях. Да она и не была уверена, что он хранит важные документы в своем кабинете.

За время их супружества Эмили нечасто видела лорда Гренвилла, и его затворничество вполне могло быть притворством. Неужели вместо того чтобы рассматривать портрет Луизы и ее драгоценности, Уильям изобретал планы, один ужаснее другого? А не могло ли горе свести его с ума, превратить в безумца, о чьем безумии никто не догадывался долгие годы? Эта мысль напугала Эмили, но она вскоре решительно отвергла ее. Тому, о чем рассказывал лорд Мернейт, не может служить оправданием ни отчаяние, ни безумие. Значит, ей нужно заняться поисками мистера Тоуна, причем проявляя всю возможную осторожность. По сравнению с этим человеком Кэтрин Рис-Джонс и миссис Феллоуз казались безобидными школьницами, а мистер Рассел и его сообщник – лишь подмастерьями.

Кстати о Расселе – из того, что удалось подслушать Дафне в тот роковой вечер, можно было подумать, что это мистер Тоун надоумил леди Пламсбери, каким образом ей заполучить земли старого мистера Рассела. А потом помог старухе избавиться от упрямого лорда Мортема, никак не желавшего продавать свой чудесный лес.

Неудивительно, что лорд Мернейт прежде всего заподозрил Уильяма – почему бы внуку не быть тем самым человеком, кто помогает бабушке исполнять ее желания? Тем более что именно он является ее наследником. Вот только Эмили хорошо знала, как относится лорд Гренвилл по поводу расширяющихся владений старухи – как к тяжкому бременю, которое в уже не столь отдаленном будущем ляжет на его плечи. Отчего-то леди Гренвилл была уверена, что ее супруг не лукавит, высказывая это мнение. А его недавнее беспокойство по поводу таинственных планов бабушки?

– Боже мой, уж не этот ли мистер Тоун посоветовал леди Пламсбери продать земли, включая тот самый лес? Ради чего же? – Эмили, по обыкновению, перечитывала свой дневник, куда тщательно внесла все подробности разговора с Мернейтом, какие смогла запомнить, учитывая охватившее ее волнение. Вот только она теперь хранила и начатый, и уже законченные дневники в потайном уголке спальни, а не в своей гостиной. Просто на всякий случай.

Пока Эмили не смогла рассказать Мернейту о тяжелом разговоре с леди Пламсбери, послужившем поводом к болезни старухи, как и о том, что совершенно точно уверена – разговор в библиотеке шел между мистером Тоуном и бабушкой лорда Гренвилла. Впрочем, в последнем пронзительный молодой джентльмен был почти уверен и сам, хотя и

говорил, что собирается продолжать поиски пособника Эдвина Р. Тоуна. Но молодая женщина понимала, что рано или поздно ей придется раскрыть тайну леди Пламсбери, слишком уж серьезны были преступления, в которых та оказалась замешана. И со стороны самой Эмили будет нечестно скрывать такие важные сведения от человека, который просил ее о помощи и в которой она не отказала. К следующей их встрече она обещала сделать закладки в своем дневнике в тех местах, которые касались смерти горничных, и прочесть Мернейту свои записи. Это поможет ей освежить память и, возможно, наведет лорда Мернейта на какие-то следы. Он еще не добрался до истории со смертью мистера Рассела, но рано или поздно ему станет известно, каким образом сын старика распорядился своим наследством. Станет ли Мернейт задавать вопросы леди Пламсбери? И не должна ли Эмили опередить его?

– Я могла бы поговорить с ней, попытаться убедить раскрыть его имя... – рассуждала вслух молодая женщина. – Но вряд ли мне это удастся, особенно если это Уильям. Несомненно, мистер Тоун – самый опасный человек из всех, с кем мне приходилось встречаться. И я навряд ли проживу долго, если старуха расскажет ему о моем любопытстве. Как и лорд Мернейт!

Она почувствовала в груди неприятный холодный комок, разворачивающийся во что-то большое – это страх охватывал ее. Кажется, до сих пор она не думала, что все эти истории, связанные с преступлениями, которые так быстро ее захватывали, могут быть для нее опасны. И сейчас это понимание напугало ее даже сильнее, чем сама угроза со стороны знакомого ей, но не известного мистера Тоуна.

– Я должна предупредить Мернейта! Он не показывался уже две недели, что он успел найти за это время?

Молодой сыщик собирался уехать на несколько дней куда-то на север, но не сообщил, какова его цель. В Торнвуде уже начали скучать без этого эксцентричного, но безобидного джентльмена, даже миссис Кастлтон на недавнем заседании попечительского совета говорила, что мистер Риддл должен обязательно вернуться к благотворительному вечеру и исполнить что-нибудь дуэтом с мисс Ормонд.

Скучала и Джейн, в этом Эмили была уверена. Тем более что Эдмунд после получения послания от неизвестной женщины больше не появлялся в Торнвуде. В коротком письме, полученном его женой, говорилось, что мистеру Стоунвиллю необходимо отправиться в деловую поездку, которая может задержать его возвращение на несколько недель. Ни обещания написать еще, ни указания места, куда направится Стоунвилль, в письме не

было.

Эмили была так зла на Стоунвилля, что готова была даже приветствовать появление у Джейн любовника. На прощание она спросила у лорда Мернейта, являются ли его ухаживания за миссис Стоунвилль частью игры в легкомысленного мистера Риддла.

К ее удивлению, Мернейт покраснел и явно смутился, но ответ прозвучал решительно, хоть и несколько раздраженно:

– Разумеется, нет, миледи! Я бы не стал компрометировать даму, которая заслуживает лишь почитания и восхищения, ради достижения своих тайных целей!

«Неужели он влюблен в мою бедную подругу? – это предположение только расстроило Эмили. – Конечно, иначе он ответил бы с меньшим чувством. Только этого нам не хватало...»

– Вы не подозреваете, что мистер Ричард Соммерсвилль может быть тем, кого мы ищем? – это был еще один вопрос, который она долго не решалась задать.

Лорд Мернейт улыбнулся, признавая это «мы», затем пожал плечами.

– Я не стал бы исключать такую возможность с полной уверенностью. Мой друг Соммерсвилль очень мне симпатичен, но, как вам известно, он игрок и почти всегда нуждается в деньгах. С другой стороны, будь он мистером Тоуном, прибылей от производства стеклянных драгоценностей с лихвой хватало бы на удовлетворение его страсти к игре. Должен прибавить также, что, надеюсь, вы не обидитесь за него на мои слова, он не кажется мне настолько... гениальным, чтобы изобретать и воплощать в жизнь планы мистера Тоуна. Мисс Деррик была лишь одной из множества его подручных и наверняка не знала обо всех преступлениях этого человека. Должно быть, он создал целую армию помощников и потратил на это немало времени и сил, да и средств. Словом, я не думаю всерьез, что Соммерсвилль – тот, кто нам нужен.

Эмили должна была согласиться, Ричард не казался ей чрезмерно одаренным, но она знала также, как хорошо он умеет скрывать то, что хочет скрыть – своих кредиторов, роман с Дафной Пейтон, участие в побеге мнимой мисс Феллоуз...

Как ни посмотри, лорд Гренвилл казался более подходящим для того, чтобы оказаться мистером Эдвином Р. Тоуном.

– Но как он может быть таким жестоким? – этот вопрос Эмили задавала себе уже не впервые за последние дни. – Он любил Луизу, в этом нет сомнений, и обожает Лори. И он был так добр, что позволил мне взять на попечение Люси Хаттон, и согласился заботиться о маленькой Эйприл...

Разве можно считать его дурным человеком, зная все это?

Миссис Бренсвик исполнила свое обещание и сообщила Гренвиллам о своем решении – увезти крошечную внучку в Йорк и там вырастить ее, вдали от сплетен и осуждения. Она обещала часто писать лорду Гренвиллу и его жене о том, как растет малышка, и не отказываться от помощи, если она потребуется. Леди Гренвилл с удивлением поняла, что ее разочарование не так велико, как она опасалась. Слишком уж много переживаний и забот принесли эти месяцы, и на то, чтобы расстраиваться из-за того, что племянница Уильяма вырастет вдали от Гренвилл-парка, у Эмили попросту не осталось сил. Когда придет время, повзрослевшая Эйприл придет в дом своего деда, и тогда леди Гренвилл должна будет позаботиться о том, чтобы девушку приняли в обществе. Если, конечно, к тому времени сама Эмили еще будет жить здесь...

Как она жалела сейчас, что не уехала с Люси и леди Боффарт, как и планировала! Известие о несчастье с Кэролайн привязало ее к Гренвилл-парку в самое неудачное время, теперь она должна все время помнить о том, что лорд Гренвилл может быть чудовищем в человеческом облике, остерегаться его, подозревать и изводить себя этими мрачными мыслями...

– Что же, что же мне делать? – снова и снова шептала Эмили, глядя невидящим взглядом на мокрую лужайку, на которой уже через две или три недели появится первая нежно-зеленая трава – приближалась весна... – Господь наказывает меня за то, как я поступила с леди Пламсбери... Какое помутнение нашло на меня, что я сочла себя карающей рукой провидения? Но как я должна была поступить? Рассказать Миллзу всю правду, навлечь позор и горе на Уильяма и Лори? Или ждать, когда старуха совершит еще какое-нибудь злодеяние? И сколько их она уже совершила? Бедный, бедный лорд Мортем! Лучше бы он сам продал ей этот проклятый лес, и сейчас занимался бы политикой в свое удовольствие, женился бы на подходящей леди... Может быть, мне не стоило щадить Уильяма? Нужно было рассказать ему всю правду и предоставить самому решать, как поступить, в конце концов, это его бабушка! Впрочем, еще не поздно сделать это, пока меня не опередил Мернейт. Но что я услышу в ответ?

Причина ее огорчений возникла перед ней так внезапно, что она вскрикнула в испуге.

– Боже, я не хотел напугать тебя! – лорд Гренвилл заметил, как его жена дернулась при звуке его голоса, словно хотела отпрянуть подальше, и недоумевающе нахмурился, но тут же позабыл о своем недоумении. – Прости, я должен был поговорить с тобой немедленно! Моя бабушка...

– Умерла!..

– Разорена!

Они произнесли свои реплики одновременно и в растерянности уставились друг на друга. Эмили опомнилась мгновением раньше и даже успела мысленно отругать себя за несдержанность перед тем, как сказала вслух:

– О, прости меня, я не должна была этого говорить. Но ее болезнь... в любой момент можно ожидать ужасного известия.

Страх все еще не отпускал ее. Услышать о смерти того, о ком ты только что думал не самым лестным образом – тут даже далекий от суеверий человек содрогнется. Уильям с тяжелым вздохом уселся напротив жены.

– Да-да, тебя можно понять, я ворвался так внезапно... Боюсь, в скором времени твои слова окажутся правдой – бабушка навряд ли переживет случившееся с ней!

– Рассказывай же, не тяни! – Она злилась и на него, и на свой страх, и на леди Пламсбери, которая, будучи уже наполовину в могиле, все еще отравляла ей жизнь.

– Вчера я получил записку от ее поверенного с просьбой поскорее приехать, – если Уильяма и удивила резкость жены, он не показал этого, поглощенный другими переживаниями.

– Мне это известно, – сухо ответила Эмили. Признаться, она восприняла слова лорда Гренвилла о срочном послании как ложь, оправдывающую его внезапный отъезд в Лондон, в объятия миссис Рэйвенси. Как оказалось, Уильям не солгал!

– Я опасался какой-нибудь неприятности, но и подумать не мог, что все обернется таким образом. Когда я приехал, бабушка спала – поверенный приказал подмешать ей в чай снотворное.

Леди Гренвилл подняла брови – она не ожидала от этого господина таких решительных действий, уж слишком он был послушен воле властной старухи.

– Он же рассказал мне, что о ее таинственном плане, ты помнишь, я тебе о нем говорил, – удовлетворенный кивком Эмили, лорд Гренвилл продолжил, тон его отличался от обычной невозмутимой и связной манеры. – Как оказалось, некоторое время назад ей удалось узнать о будущем строительстве фабрики по изготовлению вагонов для железной дороги. Выбранный под строительство участок земли не подходил для пастбищ, так как земли там скудные, местами покрыты болотами. Таким образом, проблем как с землевладельцами, так и с арендаторами-фермерами не ожидалось. Всей территорией владел какой-то обедневший

лорд, не знавший, как избавиться от бесполезных угодий. К месту строительства фабрики вдохновители этого проекта также собирались проложить железную дорогу и продолжить ее дальше, до самого побережья. Обо всем этом бабушке рассказала супруга какого-то лорда, бывшего одним из компаньонов железнодорожной компании. И бабушка, себе на горе, посчитала эту новость самой большой своей удачей. Она решила перекупить земли у их владельца раньше, чем он узнает о строительстве и поднимет цену...

– И потом продать с выгодой для себя, – Эмили поморщилась, не скрывая неодобрения – даже на пороге смерти леди Пламсбери думала о накоплениях!

– Так она и думала, – Уильям снова тяжело вздохнул. – Свободных денег у нее обычно не много, почти все ее доходы уходят на содержание поместья и остальных владений. Ты ведь знаешь, быть землевладельцем нынче не так уж выгодно...

– Знаю. Чтобы купить эти болота, твоей бабушке пришлось продать что-то из того, что она приобрела раньше, включая лес лорда Мортема, – опять этот лес! Из прекрасных охотничьих угодий злополучный лес превратился в причину для шантажа, обмана и убийства!

– Да, именно об этом она говорила мне недавно. Мог ли я подумать, что она натворит!

– Так что же она натворила? – с нажимом спросила Эмили, уже уставшая от долгого вступления.

– Ее поверенный связался с тем лордом, но сперва потерпел неудачу. То ли до владельца земли уже дошли слухи о том, что скоро ее стоимость значительно увеличится, то ли он оказался упрямым под стать бабушке... Словом, он потребовал намного больше, чем она собиралась заплатить. Вот почему ей пришлось продать и те владения, от которых она не собиралась избавляться. Почему, почему она вовсе не отказалась от этой идеи! – Уильям выглядел таким сокрушенным, что Эмили просто не могла заподозрить его во лжи.

– Так что же дальше? – поторопила она.

– Сделка состоялась, лорд получил свои деньги, а бабушка принялась поджидать представителя компании, с которым она будет торговаться за каждый акр. Увы, ожидание затянулось, и она написала той леди, рассказавшей ей о будущем проекте. Ответ поразил ее – по известному ей адресу такая леди не проживала, похоже, ее вообще никогда не существовало!

– Неужели... – Эмили не осмелилась произнести вслух свою догадку,

вдруг она опять ошибется, как в самом начале их разговора!

– Бабушка стала жертвой грандиозного мошенничества! И я даже представить не могу, кто и как сумел осуществить все это! Ее поверенный должен был навести справки и выполнить свою работу – побывал в конторе этой компании, посмотрел проекты и чертежи, печати и министерские подписи...

– Контора тоже оказалась поддельной? – не будь у нее до этого беседы с лордом Мернейтом, Эмили была бы удивлена сильнее. Но после того, что она уже знала о мошенничествах и убийствах, еще одна хитроумная интрига уже не могла поразить ее.

– Разумеется! Железнодорожная компания существует на самом деле, но ни проекта этой фабрики, ни идеи строить дорогу через болотистые земли никогда не существовало, как не существует и лиц, чьи фамилии были известны бабушке и ее поверенному. Он тотчас обратился в полицию, но на месте конторы нашли только мусор, ни дорогой мебели, ни чертежей, ни клерков... Ничего, что поверенный видел во время своего предыдущего визита.

– Он должен был скрыть от леди Пламсбери эти новости! – Эмили не хотела жалеть старуху, попавшую в собственные сети, но все же испытывала жалость. Потерять деньги казалось ей не столь ужасным, сколь ужасной представлялась утрата главной жизненной цели и возможности начать все с начала. Неудивительно, что Уильям опасается за жизнь своей бабки – немало крепких, здоровых мужчин пускали себе пулю в лоб после подобных известий!

– Он честный человек и не привык ничего от нее скрывать, – лорд Гренвилл был согласен с супругой, но он уже не мог ничего изменить. – Я могу только вообразить себе ее гнев и силу ее переживания.

– И ты оставил ее одну? – не признак ли это жестокости, в которой Эмили готова упрекнуть его, дай он только повод.

– Я послал записку доктору Вуду с просьбой приехать к ней с самого утра и постараться укрепить как ее дух, так и тело. Бабушка завтракала у себя, и я поднялся к ней. Она выглядит совершенно разбитой, как твоя мать, когда ей сообщили о гибели Кэролайн и Филиппа. Я не знал, как утешить ее, и обещал приложить все усилия, чтобы помочь полиции найти негодяев, укравших ее деньги. Но она велела мне возвращаться домой и ни во что не вмешиваться, у нее есть собственные связи, к которым она прибегнет, как только придет в себя. Если я правильно понял, это весьма могущественный источник, о котором мне, надо полагать, ничего не известно.

«Мистер Тоун, должно быть! Ах, если бы знать, за кем она пошлет после того, как доктор Вуд приготовит ей укрепляющие отвары и порошки! Жаль, что мистер Мернейт уехал – он мог бы заставить констеблей Миллза следить за домами наших соседей, – думала Эмили, не слушая, что еще говорит ей муж. – И как она могла позволить себя провести? С ее-то хваткой? Наверное, все дело в возрасте и болезни. Десять лет назад ее поверенный, который тогда тоже был помоложе, выяснил бы все до конца с этой компанией и планами строительства. Теперь же его, должно быть, убедил респектабельный вид конторы и какие-то печати. А жадность не позволила ей немного подождать со сделкой».

– Так что мое наследство теперь составит лишь несколько небольших участков, включая твое приданое, – продолжал Уильям. – Не то чтобы я был огорчен, я бы даже почувствовал облегчение от того, что все это обременительное богатство свалится на меня, если бы не злился так на негодаев и не жалел бабушку. Обойтись так со старой женщиной!

– Они должны были тщательно продумать свой план, предусмотреть каждую мелочь, организовать фальшивую контору, привлечь юристов и других людей, в том числе эту супругу какого-то лорда, – задумчиво протянула Эмили. – И эти люди хорошо знают твою бабушку, настолько хорошо, чтоб быть уверенными в том, как она поступит...

– Ты хочешь сказать, в этой афере принимал участие кто-то из наших знакомых? – эта мысль, кажется, еще не успела прийти в голову лорду Гренвиллу.

– Не обязательно мы с тобой должны знать этих людей, но леди Пламсбери наверняка знакома с кем-то из них. Или ее поверенный, или кто-то из ее старых друзей, кто мог бы, намеренно или случайно, рассказать мошенникам о ее стремлении к приобретению все новых и новых акров.

– Но на этот раз она не собиралась сохранять эту землю, она хотела лишь быстро увеличить вложенный капитал, – возразил Уильям. – Похоже, мои слова о том, как мало радуется мое будущее наследство, наконец, дошли до ее сознания, и она решила превратить огромные территории в деньги и ценные бумаги. С ними управляться куда проще.

«Так, значит, кому-то стало известно о ее последних планах! Уж не сам ли мистер Тоун, – подумала Эмили, – решил обмануть свою компаньонку и таким образом увеличить свое состояние? Такие люди, как он, легко способны предать тех, кто еще недавно был с ними заодно. Мисс Деррик погибла не случайно, должно быть, она сделала что-то, что не понравилось этому Эдвину Р. Тоуну. Точно так же могло произойти и с леди Пламсбери, если их мнения разошлись».

– Думаю, не стоит полагаться на связи твоей бабушки. Полиция должна как можно скорее узнать о случившемся, понравится это леди Пламсбери, или нет! – решительно заявила Эмили, заметив, что Уильям явно ждет от нее какого-то совета.

– Ты права, я должен поехать в Лондон. Беседовать с Миллзом бессмысленно, да и мошенники навряд ли имеют какое-то отношение к Торнвуду. Думаю, я извещу запиской поверенного бабушки, чтоб он собрал все документы и был готов рассказать полиции о том, что ему известно.

– Что ж, поезжай... – Чем скорее он уйдет, тем лучше – тогда она сможет спокойно обдумать все, что услышала от Уильяма, и записать в дневник. Наверняка лорд Мернейт заинтересуется этой историей. Кажется, все-таки придется рассказать ему и то, чего он еще не знает о леди Пламсбери.

– Ты не хочешь отправиться вместе со мной? – вопрос застал ее врасплох.

– Зачем? Разве у тебя там не будет подходящей компании? – будь у нее время, она придумала бы другой ответ.

– Компании? Какой компании? – в свою очередь удивился Уильям. – Конечно, я попрошу Джорджа Пейтона разузнать что-нибудь в своих кругах, может быть, кто-то еще пострадал так же, как бабушка, но навряд ли можно рассчитывать на его помощь теперь, когда до появления на свет малыша остается лишь несколько недель.

– Ты ведь не думаешь, что Джордж проводит все время возле Даффи? – Эмили обрадовалась возможности сменить тему – не стоило намекать на миссис Рэйвензи. – Им нельзя находиться в обществе друг друга слишком долго, иначе все закончится очередной ссорой. Я даже сомневаюсь, что ребенок укрепит их семью.

– По-твоему, им лучше разъехаться? – быстро спросил лорд Гренвилл.

– Думаю, тебе уже известно мое мнение – если люди несчастливы в браке, им не стоит оставаться вместе. Это жестоко – приковывать супругов друг к другу навечно, лишая их возможности начать новую жизнь! – подумав только, Уильям сам затронул эту тему! А ведь после недвусмысленного заявления леди Боффарт о том, что Эмили лучше развестись с ним, лорд Гренвилл был весьма рассержен. Неужели он и сам пришел к тому же выводу? Или он намерен жениться на миссис Рэйвензи?

– Так ты несчастлива в Гренвилл-парке? – Лицо Уильяма показалось ей еще более усталым, нежели четверть часа назад, когда он ворвался в ее гостиную с новостями о своей бабке.

– Почему ты никогда не называешь вещи своими именами? Я не

несчастлива в Гренвилл-парке, я несчастлива с тобой! – взорвалась Эмили.

– Я не...

Она не дала ему продолжить.

– Да-да, я знаю, ты никогда и не обещал, что будешь любить меня, как Луизу! Что вообще будешь меня любить! Но неужели за все эти годы тебе никогда не хотелось... настоящей семьи, пусть не со мной, пусть с кем-то другим? – Если б только она могла удержаться от слез до того, как он уйдет! Увы, она не обладает сдержанностью Джейн.

– Я думал, что у меня есть семья, – лорд Гренвилл беспомощно покачал головой. – Ты и Лори, мне всегда хватало этого...

– О, да, видеть жену раз в неделю за обедом, когда приезжают гости, и время от времени провести полчаса со своим сыном. Это ты называешь «иметь семью»? Ох, Уильям, откуда такая жестокость? – опустив голову на сложенные на столе руки, она заплакала.

– Эмили... Прощу тебя... – Его пальцы осторожно скользнули по ее волосам. – Мне понадобилось больше времени, чем следовало бы, чтобы понять, что моя жизнь не должна ограничиваться кабинетом и воспоминаниями. И ты знаешь, кто помог мне выбраться из построенного мной самим склепа...

– О, да, знаю! Как и весь Торнвуд! – Она вновь подняла голову, ярость высушила слезы почти мгновенно – а она-то думала, что это преувеличение, к которому прибегают писатели! – Уходи сейчас же, убирайся, уезжай в Лондон!

– Я знаю, что виноват перед тобой, но мы же всегда были друзьями... Я хотел бы все исправить, Эмили. Неужели ты не сможешь меня простить? – Его синие глаза смотрели неожиданно кротко, но ее злость от этого молящего взгляда не стихла. Подумать только, едва с его бабушкой случилось несчастье, он вспомнил, что у него есть жена, на чью поддержку он всегда может рассчитывать! И это после того, как он открыто признался, что чувства к миссис Рэйвенси заставили его отринуть свое многолетнее вдовство!

– Уходи, Уильям, я не хочу говорить с тобой! В Лондоне тебя ждут, и там ты найдешь ту поддержку, которую я не могу тебе дать. Больше не могу.

– Деньги моей бабки не столь важны для меня, как ты думаешь. И я готов остаться до тех пор, пока мы все не обсудим...

– Что нам обсуждать, Уильям? – Она поднялась на ноги и замерла, опираясь самыми кончиками пальцев о край столешницы. – Если тебе нужен развод, я не буду возражать. Я бы уехала из Гренвилл-парка сразу

после Рождества, если бы не сообщение о смерти Кэролайн...

– Уехала? Ты думаешь, я позволил бы тебе? – Он тоже вскочил и теперь нависал над ней, словно мрачный демон, готовый вот-вот растерзать свою жертву. – Твоя тетка просто безумна, если считает иначе!

– Так, значит, ты предпочитаешь оставить все как есть? – Да как этот человек может быть гениальным преступником, если его смелости не хватает даже на то, чтобы преодолеть цепи ханжества и лицемерия, которыми его опутывали с самого детства? Право же, лорд Мернейт слишком хорошо подумал о лорде Гренвилле!

– Нет, не этого я хочу, Эмили! Только не так, как есть!

– Что здесь происходит, вы ссоритесь? – леди Боффарт, конечно же, появилась не вовремя. Или, наоборот, весьма своевременно? Как знать...

– Лорд Гренвилл уезжает в Лондон, у его бабушки ужасные неприятности, и он должен обратиться в полицию, немедленно! – Эмили выразительно взглянула на своего супруга.

– Мы продолжим наш разговор, когда я вернусь, – Уильям раздосадованно отвернулся от жены и прошел к двери, на ходу коротко кивнув леди Боффарт.

– Но что случилось? – Тетушка Розалин отнюдь не была обескуражена такой невежливостью – чего еще можно ожидать от этого угрюмого джентльмена?

– Эмили расскажет вам, – бросил он от самой двери и вышел, не потрудившись закрыть за собой дверь гостиной.

– Дорогая, ты плакала? – леди Боффарт поспешила к племяннице. – У леди Пламсбери второй удар? Но при чем здесь полиция?

– О, тетя, леди Пламсбери лишилась большей части своих средств, ее жестоко обманули какие-то мошенники... Только вот плакала я не из-за этого.

– Давай присядем, и ты расскажешь мне все по порядку. И рюмочка шерри, конечно же, будет весьма кстати. – Тетушка Розалин позвонила, прежде чем усадить Эмили на диван и устроиться рядом.

– Надеюсь, мистер Риддл, вы привезли благоприятные новости, – Эмили не могла удержаться от поддразнивания, глядя на сияющее лицо лорда Мернейта.

– Можете не сомневаться в этом, – тем же тоном ответил ее гость. – Я только на полчаса заехал к дядюшке Миллзу, чтобы стряхнуть дорожную грязь, и тотчас устремился к вам со своими новостями. Полагаю, вы это оцените.

– Как только узнаю, что вы привезли. – Леди Гренвилл ждала возвращения Мернейта с нетерпением, какого даже сама от себя не могла ожидать.

– Прежде всего, должен вам сообщить, что полиции удалось найти мастерскую по изготовлению «волшебного стекла»!

– В самом деле? Рассказывайте же! – и правда чудесное известие, решила Эмили.

– С супругой одного ливерпульского фабриканта приключилась такая же неприятность, что и с вами, леди Гренвилл. Несколько из бриллиантов ее ожерелья разбились при падении на мраморный пол. К счастью, это произошло в ее собственном доме, а муж этой дамы оказался достаточно здравомыслящим, чтобы не устраивать шумиху. Ему на глаза попадались статьи о фальшивых бриллиантах и окончившихся неудачей поисках преступников, и он без промедления поспешил к полицейскому начальнику, с которым близко знаком. Тот, в свою очередь, сообщил в Лондон, а сам поставил своих людей следить за магазином, в котором промышленник купил своей жене эти бриллианты, – с довольным видом рассказывал Мернейт. – Из Лондона прибыло подкрепление, и в нужный час владелец магазина, его помощники и ювелиры были арестованы, а оборудование мастерской попало в руки полиции.

– И вы ездили в Ливерпуль взглянуть на эту мастерскую?

– Именно так, миледи, но меня интересовали не ограненные стеклышки, а документы, которые могли осветить мне дальнейший путь.

– И вы их нашли? – Эмили решила, что ее крайне раздражает манера этого джентльмена делать паузы в самый неподходящий момент, чтобы еще сильнее заинтриговать ее.

– Письма от мистера Эдвина Р. Тоуна – да, нашел, но каких-либо подсказок для раскрытия тайны его личности, увы, найти не удалось, –

самоуверенность лорда Мернейта слегка поблекла. – Надеюсь, расспросы арестованных преступников приведут к какому-нибудь результату, я оставил ливерпульским полицейским инструкции относительно того, какие вопросы нужно задавать.

– Неужели вам совсем ничего не удалось узнать?

– Только то, что мистер Тоун всякий месяц присылал письма с указаниями, на какой счет переводить вырученные от продажи фальшивых бриллиантов деньги. Его предусмотрительность поразительна! Я не уверен, что удастся найти получателей этих денег, без сомнения, эти люди использовали такие же поддельные имена и документы, как и сам Тоун! К тому же, боюсь, подобное производство окажется не единственным. Сейчас полиция по всей стране проверяет недавно открывшиеся ювелирные магазины, но чем больше времени проходит и чем больше людей вовлечено в поиски преступников, тем труднее сохранить эту операцию в тайне.

– Вы боитесь, что полиция прибудет слишком поздно, как это было в Лондоне? И мошенники скроются? – догадалась Эмили.

– Вы совершенно правы, – Мернейт восхищенно взирал на собеседницу. – Мой дядя уверен, что у такого человека, как Тоун, в полиции обязательно должны быть осведомители. Иначе мастерскую в Лондоне удалось бы захватить вместе с теми, кто там работал. Нам очень повезло, что в Ливерпуле удалось сделать все быстро и тайно!

Эмили не могла с этим не согласиться. Затем лорд Мернейт передал ей копию обещанных дневников мисс Деррик.

– Если смотреть по датам, указанным после каждой записи, самого последнего дневника здесь нет. Должно быть, мисс Деррик продолжала вести его до самой своей смерти.

– В ее доме его не удалось найти?

– Увы, либо его нашли преступники, перевернувшие весь дом, либо такая хитроумная особа, как мисс Деррик, прятала его где-то еще. И в том и в другом случае очень жаль, что последнюю тетрадь не удалось обнаружить. Быть может, там были бы еще какие-то важные сведения о мистере Тоуне и его преступлениях.

– Как вы думаете, зачем она отдала закончившиеся тетради своему поверенному? – Эмили невольно вспомнила миссис Чемберс, которая хранила свой дневник с рассказом о смерти старого мистера Рассела как гарантию собственной безопасности.

– В начале каждого дневника есть запись примерно следующего содержания: в случае внезапной смерти мисс Деррик ее сестре надлежит передать тетради в полицию. Что и было сделано. Должно быть, таким

образом она хотела отомстить за себя мистеру Тоуну. Даже если при этом будет разоблачена ее собственная преступная деятельность.

– Значит, она предвидела свою гибель...

– В одном из дневников вы прочтете о том, как мисс Деррик решила действовать самостоятельно и заработать некоторую сумму денег, о которой мистеру Тоуну знать ни к чему. Возможно, ее проступки на этом не закончились, и он, как-то узнав об этом, избавился от предательницы.

– Но почему же она тогда не назвала его настоящее имя? Если уж она так правдиво описывала все, что совершила под руководством этого гения преступности...

– Хотел бы я знать ответ на этот вопрос... – Мернейт озабоченно нахмурил лоб, отчего взлохмаченные светло-каштановые волосы упали ему на глаза – должно быть, он и в самом деле спешил в Гренвилл-парк, раз не успел придать себе облик завитого и напомаженного мистера Риддла.

– Может быть, сестра мисс Деррик знакома с мистером Тоуном, и из ее дневников должна была догадаться, кто он? – неожиданная догадка леди Гренвилл заставила ее собеседника нахмуриться еще сильнее. – Какое-нибудь описание, намек, что-то еще... Этот человек вполне мог быть другом их семьи или даже родственником, только сестра мисс Деррик не подозревала о его тайнах.

– Их семья была слишком бедна, а мистер Тоун, как нам известно, вращается в обществе, – неуверенно возразил Мернейт. – Но ваша идея очень, очень интересна! Матушка мисс Деррик и ее сестры могла, например, состоять в услужении в семье мистера Тоуна... Если б знать еще, сколько ему лет... Я попрошу дядю направить того сообразительного констебля к сестре мисс Деррик, чтобы расспросить ее о знакомых их семьи.

– Означает ли это, что вы более не подозреваете лорда Гренвилла в том, что он и есть мистер Эдвин Р. Тоун? – поинтересовалась Эмили нарочито небрежно.

– Учитывая неприятности, случившиеся с леди Пламсбери, я отказался от большей части своих подозрений, – согласился лорд Мернейт. – Наверяд ли такой человек, как мистер Тоун, позволит своей бабушке лишиться собственности подобным образом!

– Как, вам известно об этой афере? – воскликнула леди Гренвилл. А она-то собиралась удивить Мернейта рассказом о злоключениях старухи!

– Если меня не было поблизости, это еще не означает, что я не обладаю нужными сведениями, – загадочно улыбнулся молодой джентльмен. – Леди Пламсбери слишком сильно интересуется меня, чтобы я

пренебрегал хоть какой-нибудь мелочью, связанной с ней, не говоря уж о такой значительной интриге. Как только дядя написал мне о жалобе вашего супруга, я понял, что искать мистера Тоуна нужно не в Гренвилл-парке. Только вот где именно...

– Я тоже много думала об этом, – вздохнула Эмили. – Если бы мистер Стоунвилль не появился в наших краях совсем недавно, я бы подумала о нем. Эдвин и Эдмунд – похожие имена, а Тоун звучит как часть фамилии «Стоунвилль»...

– О, не сомневайтесь, об этом человеке я подумал едва ли не сразу же, как приехал в Торнвуд! – Улыбчивое лицо Мернейта стало тотчас жестким и холодным. – Не удивлю вас, если скажу, что мистер Стоунвилль большой негодяй, но он не тот, кого мы разыскиваем.

– Вам известно что-то и о Стоунвилле? – быстро переспросила Эмили. Счастье Джейн заботило ее ничуть не меньше, чем поиски таинственного покровителя мисс Деррик.

– Я не хотел бы сейчас говорить о мистере Стоунвилле, – не грубо, но твердо ответил Мернейт. – Я знаю, как вы беспокоитесь о миссис Стоунвилль, но сейчас не время, поверьте.

– Но если есть возможность избавить ее от этого человека... – она понимала, что не подобает говорить о супружестве подруги с посторонним мужчиной, но этот мужчина, кажется, мечтал стать не посторонним для Джейн...

– Я как никто другой хочу избавить миссис Стоунвилль от неподходящего мужа, миледи. Верьте мне, прошу вас! Пока же его можно упрекнуть лишь в небрежении к прелестной жене, но это не считается преступлением в глазах света. Как только появятся доказательства его участия в незаконных деяниях, я приложу все усилия, чтобы мистер Стоунвилль никогда больше не огорчил миссис Стоунвилль! А до тех пор я должен сосредоточить усилия, мои и ваши, на другой персоне.

«Как только появятся... – про себя Эмили повторила фразу Мернейта. – Значит, Эдмунду и вправду есть что скрывать, и речь не идет только лишь о любовнице. Бедная, бедная Джейн! Я помогу этому Мернейту в чем угодно, лишь бы этот опрометчивый брак перестал существовать. Знает ли мистер Несбитт о своем зяте больше, чем мы с Джейн? Если это так, то отец моей дорогой подруги навсегда упадет в моих глазах, я не прощу ему, что он устроил брак своей дочери с негодяем!»

– Прошу вас, вернитесь, леди Гренвилл, – тихонько позвал Мернейт, заметив, что Эмили погрузилась в свои мысли. – У меня есть для вас еще одно сообщение, которое должно вас расстроить и, возможно, напугать.

– Боже мой, что еще произошло? Мой муж уподобился Ричарду Соммерсвиллю и проиграл свое состояние? – леди Гренвилл нервно рассмеялась, не в силах сохранять хладнокровие.

– Если это и так, мне об этом ничего не известно, – безрадостно усмехнулся ее компаньон. – Речь пойдет о другой... проблеме, но вы правильно угадали – она связана с вашей семьей. Нет-нет, это уже скорее дело прошлое, нежели настоящее, так что вам не стоит тревожиться слишком сильно.

– Так успокойте меня! – разозлилась Эмили. – Вашим театральным паузам позавидовал бы любой актер!

– Простите, прошу вас, мне уже говорили, что я склонен к драматическим диалогам, – ничуть не смутился лорд Мернейт. – Итак, припомните одну из наших бесед в присутствии леди Боффарт и ваших друзей, когда мы говорили о том, было ли телеграфное сообщение с известием о гибели вашей сестры и мистера Рис-Джонса, чьей-то ошибкой или дурной шуткой.

– Я помню тот разговор, – напряженно ответила молодая женщина. – Вы тогда еще удивили меня предположением, что кто-то мог намеренно послать эту телеграмму с тем, чтобы за что-то отомстить нашей семье или кому-то одному, например, Филиппу Рис-Джонсу.

– Тогда я едва не выдал себя, – улыбнулся джентльмен. – Порой так трудно притворяться глупее, чем ты есть на самом деле!

– А порой притворяться и вовсе не нужно, – язвительно заметила Эмили в ответ на эту похвальбу, но тут же вернулась к теме их разговора. – Итак, я вспомнила, как вы и хотели. Что же дальше? Неужели вам удалось найти людей, по чьей вине моя мать превратилась в разбитую, больную старуху?

– Не совсем так, увы. Но мне как-то сразу пришло в голову, что устроить подобную телеграмму проще всего из Лондона, этого средоточия самых изобретательных мошенников, воров и убийц, каких только могла породить старушка Европа. Люди, которые мне кое-чем обязаны, провели небольшую тайную проверку и выяснили, что полученное лордом Уитменом послание, как я и предполагал, отправлено из одного из почтовых отделений Лондона. Отыскать негодяя не удалось, но это, несомненно, тот же почтовый служащий, который некоторое время назад исчез вместе со значительной суммой денег и теми немногими ценными вещами, что ему удалось найти в почтовом отделении. Управляющий жаловался в полицию, этого парня ищут, но он уже, скорее всего, давно изменил внешность и преспокойно разгуливает по городу.

– Какой безнадежной кажется мне работа полиции после всего, что я услышала от вас...

– Еще более безнадежной она покажется вам, когда вы прочтете дневник мисс Деррик, – лорд Мернейт знал, о чем говорил, но, если он и чувствовал неловкость, вовлекая в свои опасные тайные дела молодую женщину, неспособную постоять за себя, он никак этого не показывал. – Вернемся к этому мошеннику. Он проработал на почте два месяца, прежде чем отправить то ужасное сообщение вашим родителям. И пропал вскоре после этого события. Я уверен, что кто-то его подослал, и вам следует хорошенько подумать и припомнить всех недоброжелателей вашей семьи. Кто-то из них придумал этот план и едва не убил вашу мать. Что, если этот человек повторит что-то подобное?

– Вы полагаете, моей семье в любой момент стоит ожидать удара, нанесенного неизвестно чьей рукой? – Эмили снова почувствовала страх, готовый одолеть ее, едва она только позволит себе быть слабой.

– Боюсь, что один удар уже нанесен, – на сей раз лорд Мернейт говорил без всякой театральности. – Леди Пламсбери, как я понимаю, тоже едва ли сможет оправиться от случившегося с ней несчастья.

– Неужели эта жестокая шутка и мошенничество, стоившее леди Пламсбери ее капитала, – замысел одного и того же человека? – воскликнула леди Гренвилл. – Возможно ли, чтобы кто-то так сильно ненавидел нас? Если только...

– Полагаю, вы кого-то вспомнили, – Мернейт прищурился, словно так ему были лучше видны потаенные мысли собеседницы.

– Николас Ченнинг... Наследник лорда Пламсбери, вернее, сын старого мистера Ченнинга, который приходился каким-то дальним родственником покойного супруга леди Пламсбери, двоюродным племянником или что-то вроде этого.

– Несостоявшийся жених мисс Кэтрин Рис-Джонс! Помните, как вы и ваши друзья уже называли его имя, когда строили предположения относительно личности этого мерзкого шутника? Тогда этот разговор ничем не закончился. Полагаю, сейчас нам нужно всерьез обсудить, насколько мистер Ченнинг подозрителен. Миссис Блэквелл упоминала, как злился этот молодой джентльмен на леди Пламсбери, обманувшую его чаяния относительно наследства. Вы полагаете, он способен на месть?

– Он всегда казался мне неискренним и завистливым, заискивал перед леди Пламсбери и Уильямом, при этом порой я замечала, что взгляды его полны ненависти. Конечно, он мог бы отослать ту телеграмму, но придумать, как отобрать у старой леди ее владения – я не уверена, что он

смог бы придумать такой хитрый план, – честно ответила Эмили после небольшого раздумья.

– Так или иначе, надо его найти. Вам известно, куда он уехал после истории с убийствами, которые совершала его избранница?

– Если кто-то и знает о том, где он находится, то это леди Пламсбери. По непонятной причине он считался ее любимцем, получал от нее подарки и некоторые денежные суммы, так говорил Уильям. Возможно, Ник до сих пор переписывается со своей покровительницей и вымогает у нее то, что не смог получить законным путем.

– В таком случае, ему известно о ее болезни... Что ж, я полагаю, он сам или с чьей-то помощью вполне мог изобрести способ увеличить свой капитал, не дожидаясь, пока его отец или леди Пламсбери умрут.

– Я бы не хотела спрашивать бабушку Уильяма о Николасе, – мысль о том, что ей придется говорить со старухой, как и обычно, привела Эмили в угнетенное состояние. – Может это сделать кто-то другой?

– Ваши отношения с леди Пламсбери меня не касаются, но вы уверены, что не хотите рассказать мне что-то, чего я до сих пор не смог узнать? – осторожно спросил Мернейт. – Даю вам слово, это останется между нами.

– Я не стану отрицать, что скрываю от вас некую тайну, которая давит на меня своей тяжестью, но пока я не готова раскрыть ее, – леди Гренвилл была уверена, что сыщик почувствует, если она солжет. – Мне пришла в голову еще одна важная мысль. Как вы думаете, не может ли Ченнинг быть мистером Тоуном? Может статься, он и устроил отправку злосчастной телеграммы, но разорил леди Пламсбери кто-то другой?

– Мне нравится ваша идея, миледи! Воистину, наше с вами сотрудничество принесет чудесные плоды! – Мернейт опять заговорил с излишним пафосом, и Эмили осуждающе поморщилась. – Ченнинг мог оказать влияние на мисс Рис-Джонс и вынудить ее совершить эти преступления. Он также мог предложить вашему супругу купить для вас те бриллианты...

– Вот только он не мог говорить с леди Пламсбери в моей гостиной, он не был моим гостем в тот день! – с сожалением возразила молодая женщина, отказываясь от своей блестящей идеи так быстро ей не хотелось.

– Так все-таки собеседницей мистера Тоуна была леди Пламсбери? – лукаво улыбнулся лорд Мернейт, и Эмили поняла, что проговорилась.

Она покраснела и сердито уставилась на него, не желая оправдываться и в то же время жалея о том, что выдала свой секрет так легко.

– Вы скрываете то, что вам известно об этой почтенной леди, из-за вашего мужа? – мягко спросил Мернейт.

– И из-за Лори, – со вздохом ответила она. – Если станет известно, что она способствовала совершению преступлений, их жизнь превратится в кошмар...

– Я догадываюсь, как вам тяжело, друг мой, – ласково заговорил с ней джентльмен. – Обещаю, если мне удастся разыскать мистера Эдвина Тоуна, не предавая огласке имя его компаньонки, я не упомяну леди Пламсбери.

– Вы должны отчитываться перед вашим дядей, – возразила Эмили. – Как вы сможете скрыть от него что-то?

– Я не состою на службе у полиции, миледи, и могу позволить себе говорить только то, что считаю нужным, – живо ответил лорд Мернейт. – Пожалуйста, поделитесь со мной вашей тайной, это принесет пользу нам обоим. Вам станет легче, если вы переложите часть этой тяжести на меня, а я довольно крепок и далеко смогу уйти с этой ношей. Рано или поздно на моем пути встретится мистер Тоун, который ответит и за себя, и за старую даму, которой уже скоро держать ответ перед господом.

– Ваш дядя арестует этого человека, как только вы найдете его? – Леди Гренвилл понимала, что уступает. Мысль о том, чтобы поделиться с Мернейтом своей темной тайной, все больше привлекала ее. – Должно быть, судьи запутаются в том, сколько приговоров он заслужил.

– Не думаю, что дело дойдет до суда, миледи, – с сожалением ответил джентльмен. – Этот человек слишком хитер и осторожен, он не оставляет за собой явных следов. Даже в письмах, которые обнаружили в магазине поддельных бриллиантов, содержалось прямое указание уничтожить их, и полиции повезло, что директор магазина послушался мистера Тоуна или просто забыл сжечь их.

– Но если полиция узнает, что мистер Тоун и человек, которого вы найдете, одно и то же лицо? Неужели дневник мисс Деррик не поможет обвинить его в убийствах, подлоге и бог знает в чем еще? – Эмили не могла поверить, что этот человек, суший дьявол, избежит наказания за свои преступления.

– Боюсь, дневника погибшей девушки недостаточно. Она могла записывать в дневник свои фантазии, сочинять роман, наконец – вот что скажет адвокат мистера Тоуна. Тем более что его настоящее имя мисс Деррик не упоминает. Мошенники, изготавливавшие и продававшие бриллианты, понесут наказание, но никто из них никогда не встречался с мистером Тоуном, а директор магазина не выдаст его из страха за свою жизнь, если даже допустить, что они знакомы. У меня есть основания

полагать, что у этого человека имеются помощники даже в рядах лондонских полицейских, не случайно там полиции удалось захватить лишь продавцов украшений, а остальные преступники скрылись как нельзя более вовремя.

– То, что вы говорите, просто невыносимо! – от злости у Эмили перехватывало дыхание. – Неужели он и дальше будет исполнять свои чудовищные замыслы? Если одни его помощники будут схвачены, он найдет других... И это будет продолжаться бесконечно?

– Нет, леди Гренвилл, не будет, – лорд Мернейт решительно выдвинул вперед подбородок.

– Но... что же вы сделаете?

– Правосудие порой приобретает странные формы, миледи. Ручаюсь вам, он не избежит возмездия, – джентльмен пристально посмотрел на свою собеседницу.

Эмили недоверчиво покачала головой, затем в ее глазах мелькнуло понимание, но Мернейт не дал ей заговорить.

– Теперь, пожалуйста, расскажите мне о леди Пламсбери, после чего я откланяюсь. Ваша тетушка и без того уже косо посматривает на меня. Должно быть, она думает, что я ухаживаю за вами, пока лорд Гренвилл в отъезде.

– А до того ухаживаете за Джейн, пока мистера Стоунвилля нет дома... Хорошо, я расскажу, что бы вы ни подумали обо мне после того, как узнаете всю историю. Вам наверняка известно, что в прошлом году торнвудский пансион лишился сразу двух милых молодых леди...

На следующее утро Эмили, против обыкновения, осталась в спальне. Ей не хотелось, чтобы тетушка Розалин застала ее за чтением дневника мисс Деррик и принялась расспрашивать. И без того вчера вечером леди Боффарт со смехом рассказывала приглашенным на ужин Говардам и доктору Вуду, как переменялась ее племянница по отношению к мистеру Риддлу. Сперва она и слышать о нем не желала, а теперь охотно проводит с ним по два часа за милой беседой. Раздосадованной Эмили ничего не оставалось, как поддержать шутливый тон и порадоваться, что этого не слышит ее милая подруга миссис Стоунвилль. Мистер Несбитт страдал от тяжелой простуды, и Джейн уже несколько дней ухаживала за ним, читала вслух и рассказывала о тех годах своей жизни, когда она и не подозревала о своем настоящем отце.

Единственная тема, которую она не собиралась обсуждать с мистером Несбиттом, – ее брак с Эдмундом. Как Эмили ни настаивала, Джейн решительно была настроена сперва объяснить с Эдмундом сама, а затем уж объявить отцу о своем решении – оставаться жить со Стоунвиллем или уйти от него. Эдмунд все еще не написал жене, вернулся ли он в Лондон, но миссис Стоунвилль, кажется, не слишком унывала. Леди Гренвилл с тревожным изумлением наблюдала за переменами в Джейн – кажется, ее бессердечная подруга на самом деле влюблена в мистера Риддла, то есть лорда Мернейта!

«Что бы стоило Джейн подождать еще несколько месяцев, не выходить так поспешно за Эдмунда! Тогда сейчас она была бы свободна и не страдала от пренебрежения супруга! – так думала Эмили. – Конечно, она и вообразить себе не могла, что ею овладеет чувство, которое она не надеялась когда-либо испытать. Жаль, что пример брата ничему не научил ее – Ричард тоже много лет порхал, подобно летнему мотыльку, от флирта к роману и снова к флирту, но ведь влюбился же он в конце концов в ту девушку, сестру миссис Феллоуз! Выходит, Соммерсвилям просто не дано пережить это чувство в ранней юности, оно посещает их позже, к несчастью. Ричард, кажется, излечился от него, но что будет с Джейн? Если б только Мернейт сдержал обещание и помог ей добиться развода с Эдмундом!»

Как ни странно, Эмили совсем не было жаль человека, много лет назад пострадавшего из-за любви к ее старшей сестре. Его поведение в прошлом,

когда он известил всех о собственной кончине, рождало недоверие к этому человеку, а его дурное обращение с молодой женой – едва ли не ненависть.

– Лишь бы только Риддл не предал ее, – пробормотала Эмили, сидя в постели этим утром.

Она говорила лорду Мернейту, что хотела бы рассказать эту историю своим друзьям, хотя бы Джейн и Ричарду, ведь втроем они могли бы придумать что-то, что помогло бы найти преступника, но Мернейт решительно противился этому плану. То ли он все еще подозревал Ричарда в том, что он и есть мистер Тоун, то ли опасался, что о его истинной цели пребывания в Торнвуде станет известно всему городку, но он попросил леди Гренвилл пока хранить их расследование в тайне от всех. Эмили нехотя согласилась, но отказалась давать обещание молчать – мог наступить такой момент, когда придется поделиться этим секретом с друзьями, нравится это лорду Мернейту или нет.

Когда она разложила на одеяле страницы дневника мисс Деррик, переписанного каким-то полицейским клерком, она и не подозревала, что момент этот настанет так скоро. Полтора часа и чашка чая с печеньем ушли у Эмили на то, чтобы добраться до появления мисс Деррик в Торнвуде под видом компаньонки леди Мортем, мисс Гилбертс.

– Как жаль, что леди Мортем после смерти сына покинула наши края, – вздохнула Эмили. – Она могла бы рассказать, кто рекомендовал ей компаньонку, погубившую репутацию, да и жизнь ее сына. Боже, сколько цинизма и жестокости было в этой молодой девушке! Ее страсть к богатству стоила ей жизни, но сколько вреда она успела нанести честным людям!

В записях мисс Деррик не обнаружилось ничего, что могло бы указать прямо на мистера Тоуна, и леди Гренвилл пожалела, что ей в руки не попали оригиналы дневников. Человек, который их переписывал, был весьма небрежен и мог невольно упустить что-то важное. А что-то там определенно должно было быть!

По мере того как раскрывалась перед ней история соблазнения и гибели лорда Мортема, Эмили все больше ненавидела Тоуна и его помощницу и до слез жалела бедного молодого джентльмена. Но когда мисс Деррик вскользь упомянула о смерти горничных, как о досадных, но необходимых помехах в придуманном мистером Тоуном плане, Эмили пообещала себе сделать все возможное и невозможное, но найти этого монстра! Раз уж мисс Деррик не сможет ответить за все, что она сделала, а натворила эта девушка немало!

Мисс Деррик не писала, сам ли мистер Тоун поочередно убил всех

четырёх горничных, или кого-то нанял для этих целей, она лишь выразила радость от того, что шпионка, как она именовала подслушивавшую в кабинете горничную, не сможет навредить мистеру Тоуну и его планам. Эмили вновь почувствовала, как растёт её страх при мысли о том, что убийца сумел проникнуть в Гренвилл-парк, в дома Пейтонов и Говардов, он был и на церковном дворе во время помолвки Сьюзен и Генри. Его наверняка видели десятки людей, но никому из них и в голову не пришло, что совсем рядом с ними танцует, пьёт вино или читает молитву жестокий и хладнокровный преступник!

– Надо попробовать расспросить экономку. Может быть, она вспомнит, не заходил ли кто-нибудь к Уильяму в тот день, когда погибла Фанни, – сказала себе Эмили. – Когда убили Бет Флинн, мы поняли, как легко проникнуть в Гренвилл-парк всякому, кто этого захочет. Стоит ли удивляться, что кто-то пробрался наверх и столкнул бедную девушку с лестницы. Даффи, Даффи, я уже столько всего тебе простила, но как простить смерть четырёх бедняжек?

Она принялась читать дальше, опасаясь, что до завтрака не успеет одолеть и половину листов – мисс Деррик была, подобно самой Эмили, очень скрупулезна в своих записях. Она беспокоилась, когда Энн, горничная мисс Соммерсвиль, внезапно уехала навестить больную мать – мистер Тоун подозревал, что та просто сбежала из боязни разделить судьбу трёх других девушек. К счастью для мистера Тоуна, Энн вернулась, а смерть подстерегла её на торнвудском кладбище.

Подкупленный кучер мистера Блэквелла сообщил констеблям, что видел лорда Мортема выходящим с кладбища, сама же мисс Деррик направилась к суперинтенденту Миллзу и рассказала сочинённую ею историю о том, как лорд Мортем соблазнил её, а она рассказала об этом Энн. После чего компаньонка леди Мортем подкинула её сыну поддельное письмо, из которого следовало, что горничная шантажировала молодого лорда, и Мортем был обречён.

Мисс Деррик исполнила свою роль, и ей пора было навсегда покинуть Торнвуд и найти приложение своим преступным талантам в другом месте, но у неё оставалось ещё одно дело. Эмили даже вскрикнула от изумления, когда прочла, как мисс Деррик обнаружила в бумагах леди Мортем письмо покойной миссис Соммерсвиль.

«Подумать только, эта благонравная ханжа Джейн Соммерсвиль, оказывается, на самом деле вовсе не дочь мистера Соммерсвиля! Её мамаша беззастенчиво грешила с неким мистером Несбиттом! Я охотнее отдала бы это письмо другому ханже, викарию Каствлону, пусть бы

прочитал его в церкви! Тогда все это милое общество тотчас бы закрыло свои двери перед гордячкой мисс Соммерсвиль! Но, пожалуй, я сделаю по-другому. Столь ценный документ должен принести пользу! Надо разузнать побольше об этом мистере Несбитте. Если его можно счесть подходящим отцом для мисс Соммерсвиль, она заплатит мне за тайну своего рождения!»

Прочитав эти строки, леди Гренвилл некоторое время смотрела на горящий камин, в гневе перечисляя эпитеты, которых, на ее взгляд, заслуживала мисс Деррик. Тайна вымогателя была раскрыта, и Джейн должна узнать, кому она заплатила пятьсот фунтов и должна была бы платить еще и еще, если бы мистер Несбитт не попытался положить этому конец.

– Я расскажу ей о мнимой мисс Гилбертс, как бы лорд Мернейт ни злился на меня! – решила Эмили и тут же спохватилась. – Боже мой, он ведь тоже читал дневники и знает теперь, как Джейн нашла своего настоящего отца! И он ни словом не обмолвился о том, что ждет меня на этих страницах! По сравнению с тем, что мисс Деррик называет меня глупой хромой гусыней, ее высказывания о Джейн во много раз отвратительнее!

Мисс Деррик не поскупилась на выражения, выдающие ее низкое происхождение. Почти о каждом представителе торнвудского общества она высказалась определенным образом, и порой ее замечания были даже наполовину справедливы.

Немного успокоившись, Эмили продолжила чтение. Вскоре ей стало понятно, что мисс Деррик не сочла необходимым рассказать о своей находке мистеру Тоуну, как и о том, что она собралась увеличить свой капитал на целых пятьсот фунтов. Очевидно, это был не первый раз, когда она предала доверие своего покровителя, и впоследствии именно такие ошибки привели ее на дно Темзы.

О том, как мисс Деррик решила получить еще денег от мисс Соммерсвиль, Эмили прочла в более поздних записях и не отказала себе в удовольствии немного позлорадствовать. Мистер Несбитт направил своих людей следить за почтовым отделением, в адрес которого Джейн должна была отправить деньги. Приятель мисс Деррик, служащий почты, предупредил ее об этом, и шантажистка испугалась преследования со стороны могущественного мистера Несбитта. Ей пришлось обратиться за помощью к мистеру Тоуну и рассказать о своем проступке. Судя по нескольким фразам, покровитель был очень рассержен, но согласился помочь ей.

Викарий одной из лондонских церквей получил сообщение о том, что

может прийти на почту и получить пожертвование от одной богатой дамы. Старик попал в руки мистера Несбитта, но в том, что викарий неповинен в шантаже, у отца Джейн не было никаких сомнений. Мисс Деррик не сомневалась, что ей придется понести наказание, но мистер Тоун был все так же добр к ней. Однако же именно после этого случая она решила относить закончившиеся дневники своему поверенному.

«Наверное, что-то в его тоне или взгляде навело ее на мысли об опасности, – подумала Эмили. – Мисс Деррик не сумела спастись, но ее дневники помогут теперь вернуть доброе имя лорда Мортема! И я покажу эти страницы Джейн, завтра же! Надеюсь, лорд Мернейт не перестанет обсуждать со мной как продвигаются поиски мистера Тоуна...»

Назавтра леди Боффард собиралась с обоими детьми навестить лорда и леди Уитмен. Отец Эмили относился к Люси, как к своей родной внучке, да и леди Уитмен после болезни заметно смягчилась. Благополучное возвращение Кэролайн домой примирило упрямую леди с тем, что ее вторая дочь взяла под свою опеку сироту из бедной семьи. Да и к своей кузине леди Уитмен, кажется, испытывала благодарность за помощь в самые тяжелые дни, сменившую мало-помалу многолетнюю неприязнь.

Леди Гренвилл навещала родителей пять дней назад и собиралась на этот раз остаться дома, так что отъезд тетушки Розалин был очень кстати. Эмили не собиралась пока делиться с теткой секретами лорда Мернейта – тетушка умела хранить чужие тайны, но ее любопытство сочинителя могло привести к расспросам соседей, и желание помочь обернулось бы неприятностями для Мернейта, вплоть до его преждевременного разоблачения.

Леди Гренвилл не успела дочитать дневник до завтрака – слишком уж много написала мисс Деррик, и слишком часто Эмили останавливалась, чтобы перевести дыхание. Впервые ей приходилось читать записи преступника, где помимо фактов излагались и впечатления от содеянного. Мисс Деррик, как решила Эмили, не заслуживала ни малейшего сострадания. Эта девушка ступила на путь несправедный не ради спасения кого-то из близких, вслед за возлюбленным и даже не из стремления к приключениям. Вовсе нет, мисс Деррик жаждала одного – разбогатеть, и, несмотря на то, что ее капитал приобрел значительные размеры, немислимые для учительницы рисования, она не собиралась останавливаться. Чужие чувства, как и чужие деньги, казались ей лишь источником для достижения своей цели.

«Пожалуй, мистер Тоун счел ее не только предательницей, но и особой, опасной для него самого, – перед тем как отложить чтение до

вечера, Эмили некоторое время перебирала страницы, чтобы сделать отметки возле фраз, показавшихся ей важными. – Рано или поздно она захотела бы занять его место и, кто знает, может быть, даже сумела бы добиться своего. – Боже мой, как отвратительны были ее помыслы! Скорей бы уж закончить читать это и никогда больше не брать в руки такое, будь то подлинные записи или чей-нибудь новомодный роман! Я не допущу, чтобы тетушка Розалин по окончании этой истории написала что-то подобное! Пусть сейчас и в моде прекрасные и коварные героини вроде мисс Феллоуз!»

С такими мыслями леди Гренвилл поднялась с постели и позвала Хетти помочь одеться. После завтрака она отправила Ричарду записку с просьбой немедленно отправляться к мистеру Несбитту за Джейн, отклонив все другие приглашения. Она звала брата и сестру провести в Гренвилл-парке весь следующий день и, может быть, даже остаться на ночь. Разговор им предстоял долгий, и Эмили надеялась, что после всех обсуждений они сумеют чем-то помочь лорду Мернейту. Тогда он не станет сердиться на то, что она не исполнила его просьбу хранить существование мистера Эдвина Р. Тоуна в секрете.

За окном в голых ветвях аллеи шумел ветер, ночь уже давно настала, а собравшаяся у круглого стола троица все никак не могла закончить разговор, занявший весь день, как и предполагала Эмили.

Ричард и Джейн полностью разделили ее чувства – гнев, возмущение, ужас, жалость, отвращение, острую потребность поскорее найти ненавистного мистера Тоуна... Сменяли друг друга чайники со свежим чаем, Соммерсвиль то и дело отпивал немного бренди, а подруги – незаменимого в тяжелые часы шерри. Вот только подобных потрясений никто из них еще не испытывал. Или им так казалось сейчас...

Сколько всего уже было сказано, леди не единожды поплакали о несчастных жертвах, пусть, кроме лорда Мортема, они не были знакомы больше ни с кем из тех, кого мисс Деррик обманула, соблазнила или шантажировала. Ричард, позабыв о положенной сдержанности в обществе дам, не пожалел ругательств ни для мистера Тоуна, ни для армии его помощников, таких, как мисс Деррик.

И все же они так и не могли понять, кого же подозревать. Эмили не стала утаивать от друзей роль леди Пламсбери и не пощадила Дафну, чье легкомыслие стало проклятьем для четверых молоденьких горничных. Ричард чувствовал себя смущенным и виноватым – ведь именно ради встреч с ним ветреная миссис Пейтон переодевалась в платье своей горничной. Джейн и Эмили единодушно сошлись во мнении, что ни

Сьюзен, ни Дафне не следует рассказывать о том, что им удалось узнать. Пусть для них обеих прошлое останется в прошлом, а в будущем их ожидают лишь заботы о малышах и счастливая семейная жизнь. Насколько это возможно у Дафны с Джорджем.

Ричард и Джейн сочувствовали Уильяму, но не согласились с решением Эмили скрыть от него коварство его собственной бабушки. Коммерсвилль уже давно не приезжал в Гренвилл-парк, когда его хозяин был дома: Ричард не собирался прощать приятеля за роман с миссис Рэйвенси. Замечал ли Уильям холодность со стороны друга детства, сказать было трудно.

Сейчас Ричард заявил, что лорду Гренвиллу пошло бы на пользу такое потрясение, и миссис Стоунвилль была согласна с братом.

– Он не заслужил заботы, которой ты продолжаешь окружать его. Это ведь он обещал оберегать тебя до самой смерти, а вместо этого ты поддерживаешь огонь в семейном очаге, выстроенном из одних лишь камней, без скрепляющего его раствора.

Подразумевает ли Джейн под этим раствором любовь, дружбу или взаимную выгоду – Эмили не стала спрашивать из боязни еще сильнее расстроить подругу. Еще утром, когда взволнованные друзья появились на пороге ее гостиной, Джейн сообщила леди Гренвилл, что Эдмунд уже два раза писал ее отцу о делах из Лондона. Выходит, Стоунвилль вернулся из своей поездки, если только он вообще уезжал, но совершенно не торопится к своей супруге. Ричард едва ли не скрипел зубами, когда говорил о своем зяте. Он заявил, что намерен проследить за мистером Стоунвиллем и выяснить, где тот проводит время помимо конторы. Если у Эдмунда есть любовница, он больше никогда не переступит порог дома Коммерсвиллей – так решительно заявил Ричард, и Джейн, похоже, впервые за многие годы чувствовала себя под защитой брата.

Эмили от души согласилась с тем, что в поведении Стоунвилля уже давно пора разобраться, и намекнула, что мистер Риддл, то есть лорд Мернейт, также весьма озабочен счастьем Джейн.

По тому, как вспыхнули щеки Джейн, стало понятно – переживания мистера Риддла ей более чем приятны. Тут Эмили успокоилась – что бы ни натворил Стоунвилль, сердце ее подруги уже не будет разбито! А все остальное они переживут.

Поэтому она предложила оставить выяснение тайн Эдмунда на потом и разложила на столе дневники мисс Деррик. С того момента прошло уже много часов, но Николас Ченнинг все еще казался им наиболее подходящим на роль мистера Тоуна.

Мистер Блэквелл с затеянной им перестройкой своего большого дома тоже выглядел в глазах троих друзей подозрительным – обычно Блэквелл жаловался на недостаток средств на постройку новой оранжереи, а теперь вдруг занялся едва ли не строительством нового особняка! Впрочем, возможно, он просто любил пожаловаться на судьбу, а сам последние годы откладывал часть доходов на будущее строительство.

Не обвинять же каждого соседа! Так они дойдут до того, что преступником окажется доктор Вуд или викарий Кастлтон! Придя к выводу, что уже слишком поздно для того, чтобы высказывать связные суждения, друзья разошлись по своим спальням, но заснуть каждый из них смог очень не скоро.

Эмили снова и снова думала о Дафне, невольно погубившей четверых девушек. Что, если бы леди Пламсбери и ее таинственный компаньон узнали миссис Пейтон? Тогда смерть ожидала бы Даффи, а ее мужу и друзьям пришлось бы строить мучительные догадки, кто мог так сильно ненавидеть хорошенькую легкомысленную женщину, чтобы лишить ее жизни. Подумать только, Дафна никогда не узнает, какой опасности сумела избежать! А бедные горничные так и не узнали, за что их настигла такая ужасная смерть! Они, должно быть, мило раскланялись со своим убийцей или даже приветствовали его кокетливой улыбкой, если это был кто-то из нанятых мистером Тоуном помощников, вроде рассыльного или почтальона...

Измученная бесконечным круговоротом одних и тех же мыслей, не приводящих ее к какому-нибудь открытию, Эмили, наконец, заснула.

Миссис Стоунвилль долго сидела в кресле возле окна, размышляя о мисс Деррик. Если бы не корыстолюбие этой особы, заставившее ее копаться в бумагах своей хозяйки, письмо матери Джейн к своей подруге так и осталось бы лежать среди других документов леди Мортем. Как оно попало к старой леди, узнать было уже невозможно, как и то, читала ли сама леди Мортем это письмо, или просто хранила его в своем личном архиве. Как бы там ни было, выходит, Джейн должна быть признательна мисс Деррик, ведь ее жизнь совершенно переменялась после того, как она познакомилась с мистером Несбиттом и открыто назвалась его дочерью! Необходимость бесконечно подсчитывать скудные доходы, экономить на всем и уговаривать брата перестать проигрывать жалкие остатки их наследства – все это исчезло, уступив место непривычному благополучию. Единственное, о чем сейчас жалела Джейн, это о замужестве. Она не была до конца откровенной с Эмили и не рассказывала, сколько холодности и пренебрежения замечала во взглядах и словах мужа всего лишь через

несколько недель после венчания. Не появившись в ее жизни другой мужчина, совершенно не похожий на человека, которого она могла бы считать подходящей партией, Джейн принялась бы налаживать свою жизнь, не разводясь с мужем, но и не рассчитывая на его заботу и нежность. Сейчас же она понимала, что это для нее попросту невозможно. Пример леди Боффарт, сбегавшей от своего супруга с любовником, давал Джейн силы верить, что счастье для нее еще возможно.

После того что она узнала сегодня, ей многое стало понятным. Неожиданные переходы мистера Риддла от пустой болтовни к проникательным замечаниям, его серьезные рассуждения, когда они с Джейн были одни, наконец, ее тяга к нему, необъяснимая, если бы он был тем, за кого себя выдавал... Все встало на свои места, как только Эмили рассказала о том, кем на самом деле был мистер Риддл. Джейн даже не станет сердиться из-за того, что первой его секрет узнала не она. Лишь бы только Мернейт захотел жениться на ней после того, как закончится его миссия в Торнвуде! Но на это, судя по намекам Эмили, она вполне могла надеяться. Надо только избавиться от расчетливого негодяя, которым Джейн теперь считала Эдмунда Стоунвилля. Что стало с сентиментальным юношей, любившим некогда Луизу Уитмен и мечтавшим стать священником? И почему он так обходится со своей женой – с этими мыслями Джейн устроилась в постели и заснула с улыбкой, хотя ресницы ее намокли от слез.

Что же до Ричарда Соммерсвиля, то его размышления были далеки от романтических. Сперва молодой джентльмен с негодованием думал о том, что его общение с соседями и друзьями детства теперь будет отравлено подозрениями. Он уже потерял одного друга, а в будущем ему предстояло лишиться еще кого-то из добрых знакомых. И чем скорее это произойдет, чем скорее тайна будет раскрыта, тем лучше для всех в Торнвуде и вокруг него. С другой стороны, Ричард чувствовал, как растет в нем азарт, как мучает его любопытство и желание немедленно продолжить рассуждения и поиски, долженствующие привести к преступнику. И это стремление оказалось как нельзя более кстати. От скуки и одиночества Соммерсвиль вновь начал играть и уже спустил двести фунтов – сумму значительную в прежние времена, когда у них с Джейн оставалось так мало денег на то, чтобы вести хозяйство и содержать прислугу, и едва заметная сейчас, когда их делами заправлял мистер Несбитт. К счастью, ни этот джентльмен, ни сестра Ричарда пока не знали о проигрыше, иначе не избежать очередного семейного скандала. Что ж, поиски преступника отвлекут его, а потом, когда мистер Тоун будет найден – а он должен быть найден! – Ричарду

придется всерьез задуматься о женитьбе. Через несколько недель ему исполнится тридцать, и тянуть дальше нет никакой возможности. Соммерсвилль с удовольствием играл с детьми и надеялся, что милая жена и скорое появление многочисленных наследников заставит его навсегда забыть о карточном столе. Ах да, прежде он должен еще помочь сестре разорвать сковывающие ее цепи неудачного брака. Ричард намеревался во что бы то ни стало выяснить как можно больше об этом Эдмунде Стоунвилле, а затем пойти со сведениями к мистеру Несбитту и заставить его принять сторону дочери. Брак должен быть расторгнут! И тогда Джейн сможет быть счастливой с лордом Мернейтом, который, должно быть, обладает некоторыми средствами и к тому же умеет быть полезным сильным мира сего, а, значит, у его семьи всегда будет кров и стол. Сестра Ричарда привыкла к скромной жизни, а брак с богатым человеком не принес ей радости. Что ж, может быть, она будет счастливее в небольшом домике, но рядом с любимым мужем и детьми. А вот на ком же жениться ему самому? Перебирая в памяти знакомых ему молодых леди, способных послушаться своих матушек и связать жизнь с Соммерсвилем, Ричард и заснул.

Наутро даже леди Гренвилл встала поздно, и после короткого завтрака вся компания вновь сосредоточилась на волнующем их вопросе, пытаясь от рассуждений перейти к догадкам. Леди Гренвилл попросила экономку принести список гостей, побывавших на балу по случаю двадцатичетырехлетия хозяйки Гренвилл-парка. Если миссис Даррем и удивилась просьбе, она этого ничем не показала, и принесла требуемый список без промедления. Эмили не сомневалась – каждый день жизни Гренвилл-парка нашел тщательное отражение в записях рачительной экономки, как бы много времени ни отнимали они от других дел, которыми с раннего утра и до позднего вечера была озабочена миссис Даррем.

Увы, вычеркнуть из списка удалось только нескольких юных джентльменов, бестолковых шалопаев, которые явно не были способны создать целое преступное сообщество. Всех остальных мужчин нельзя было исключить, какими бы добропорядочными они ни казались. Оставили даже доктора Вуда и викария Кастлтона, хотя подозрения в адрес добродушных пожилых джентльменов вызвали несколько шуток Ричарда и благодарный смех обеих леди, почувствовавших, как их напряжение немного рассеивается.

Разочарованные тем, что список не помог им уменьшить количество подходящих на роль мистера Тоуна мужчин, все трое решили, что надо двигаться дальше другим путем. Вот только путь этот был все так же скрыт

в тумане домыслов и предположений.

Джейн вслед за Эмили снова и снова перебирала страницы дневника мисс Деррик. Как бы она ни была удивлена, узнав настоящее имя своего поклонника и цель его приезда в Торнвуд, она готова была простить ему мистификацию с мистером Риддлом, а вот прощать отвратительное поведение мисс Деррик Джейн не собиралась, несмотря на свои ночные рассуждения. Она еще раз повторила, что охотно поделилась бы с мисс Гилбертс, как называла себя мисс Деррик, всем, что у нее было, если бы эта девушка принесла ей письмо матери без всяких требований.

Ричард сочувственно кивал сестре, но его догадки строились по-другому. Дневник мисс Деррик он читать не собирался, удовольствовавшись теми отрывками, которые прочла им Эмили. Соммерсвиль пытался найти какой-то смысл в имени мистера Эдвина Р. Тоуна, уж слишком странно звучала его фамилия, как будто это часть чего-то большего.

– Тоун в Торнвуде... Звучит похоже. А что, если это анаграмма? – вдруг спросил Ричард. – Кто-то нарочно использовал название нашего городка, чтобы придумать себе имя.

– Анаграмма... – эхом повторила Эмили. В ее голове словно прозвучала фраза, уже однажды слышанная ею. «Она не так любит решать анаграммы, как я». И произнес эту фразу...

– Господи, не может этого быть, правда же, не может! – пробормотала она и со всей стремительностью, на какую была способна, бросилась к своему рабочему столику.

– Что с тобой? Ты догадалась, кто это? – Ричард и Джейн дружно вскочили на ноги. Все-таки они были братом и сестрой, а еще давними друзьями леди Гренвилл и знали, что Эмили всполошилась неспроста. Должно быть, какая-то важная мысль пришла ей в голову, но, судя по выражению ужаса на бледном лице, мысль эта пугает ее.

– Смотрите! – вместо ответа воскликнула она, выводя на листе бумаги какие-то буквы.

Через мгновение Соммерсвиль и Джейн уже стояли за ее спиной и смотрели на написанное через ее плечо.

– Проклятье! – первым нарушил потрясенное молчание Ричард.

– Неужели это и в самом деле он? – шепотом спросила Джейн, чувствуя, как нарастает в ней ужас, охвативший ее подругу.

На листке были написаны порознь буквы, составляющие имя их таинственного злодея: «э, д, в, и, н, р, т, о, у, н», а чуть ниже из этих же букв Эмили составила совсем другое имя.

Энтони Р. Вуд.

Именно так доктор Вуд подписывал свои рецепты.

В ожидании лорда Мернейта, за которым срочно послали лакея, джентльмен и обе леди тщетно пытались успокоиться.

– Нет, это всего лишь совпадение, разве мог такой милый, добрый человек поступать подобным образом? – не единожды повторяла Эмили, пока Ричард не прервал эти причитания.

– Ты просто хочешь убедить себя, что это неправда, хотя на самом деле знаешь – именно так все и обстоит. Мы же решили, что не можем вычеркнуть из оставшегося списка твоих гостей никого, даже викария Кастрлтона! И про доктора Вуда мы тоже вспоминали...

– Но мы же всего лишь шутили! – расстроено сказала Джейн. – Всерьез мы и подумать не могли, что дядюшка Энтони, как зовет его наша Сьюзен, на самом деле – отвратительный монстр, распоряжающийся чужими судьбами, как ему будет угодно!

– Возможно, что мы и ошиблись, – признал Ричард. – Уж для полиции одних лишь написанных на листке букв совершенно точно будет недостаточно. Давайте подумаем, как опровергнуть или подтвердить эту догадку. Что мы знаем о докторе Вуде, кроме того, что он дядя миссис Говард и принял на себя заботу о ней после смерти мистера Холтона?

– Он очень дружен с леди Пламсбери, – заметила Джейн, которая накануне не слишком удивилась рассказу Эмили о том, как старуха помогла подстроить убийство мистера Рассела.

– Верно, мы часто видели, как они беседовали вдвоем, но нам и в голову не приходило, что они что-то затевают! – тут же согласился Ричард. – Но я говорю о прошлом доктора Вуда. Риддл... то есть лорд Мернейт, никак не привыкну его так называть, должен разузнать о том, в каком районе Лондона находилась его практика, и мог ли доктор Вуд познакомиться с мисс Деррик и ее семьей!

– О, Ричард, к тридцати годам ты как будто набрался здравомыслия! – с насмешливым восхищением заявила его сестра. – Эмили, перестань расстраиваться! Ты ведь понимала, что мистером Тоуном должен был оказаться кто-то из наших знакомых, и очень хорошо, если мы и в самом деле обнаружили его! Это означает, что вскоре его арестуют, и его преступные планы перестанут воплощаться в жизнь!

– Лорд Мернейт говорил, что это вряд ли осуществимо, – уныло возразила Эмили.

– Почему? – Джейн и Ричард с недоумением смотрели на нее.

– Этот человек обладает умением скрывать свое участие в преступлениях. Если бы не дневник мисс Деррик, никто никогда не узнал бы, что мистер Тоун живет в Торнвуде, даже если бы мастерскую по изготовлению поддельных бриллиантов нашли намного раньше! Полиции придется совершить невозможное, чтобы доказать его вину, но улики... – Эмили запнулась на непривычном для леди слове, хотя оно уже давно было ей знакомо, – скорее всего, найти не удастся.

– Мисс Деррик мертва, но люди, которые изготавливали украшения из стекла... Хотя бы один из них должен был встречаться с мистером Тоуном лично, – Соммерсвилль решительно не желал соглашаться с тем, что поиски лорда Мернейта и их помощь – все окажется напрасным.

– Я не знаю, может быть, он посылал на встречи какого-нибудь помощника или как-то менял свою внешность... – леди Гренвилл пожала плечами. – Наверняка существует сколько угодно способов остаться неузнанным даже теми, с кем ведешь какие-то дела. Судя по самодовольному тону мисс Деррик, она была одной из немногих, кому мистер Тоун давал поручения напрямую, без посредников и писем.

– А она обманула его доверие! – подхватила Джейн. – Лорду Мернейту нужно поискать других преступников, возможно, уже арестованных за какие-то проступки, которые в прошлом могли быть знакомы с мистером Тоуном и исполняли его поручения.

– Уверен, он так и поступит, а еще сделает массу вещей, о которых мы и не догадываемся! – Ричард старался успокоить и себя, и молодых леди, хотя сомнения уже сделали его тон нерешительным. – И рано или поздно мистер Тоун, или доктор Вуд, как мы предполагаем, предстанет перед судом если не за все, то хотя бы за часть своих ужасающих деяний!

– Надеюсь, так и будет. – Джейн поежилась в своем шерстяном платье, представив, сколько раз они гостили в доме, где жил доктор Вуд, ели с ним за одним столом, доверяли ему свои маленькие секреты и улыбались его старомодным комплиментам. – Боже мой, мы должны были заподозрить его еще после смерти Минни, горничной нашей Сьюзен! Ведь он и не скрывал, что дал девушке то лекарство. Что стоило ему подмешать ей еще несколько доз, бедняжка наверняка доверяла доброму доктору!

– Пожалуй, мне нужно попросить миссис Даррем принести свои записи, касающиеся того дня, когда погибла Фанни, – решила Эмили. – Может быть, так мы узнаем, кто был в тот день в Гренвилл-парке.

– Это мог быть помощник аптекаря, как его звали? Динклейн? Тот, который помог молодому Расселу отравить отца! – оживился Ричард. – Он

наверняка изготавливал яд и для доктора Вуда и помогал ему и в других преступлениях!

– У доктора Вуда есть собственная лаборатория дома, – мрачно возразила Джейн. – Ни Сьюзен, ни Генри никогда не заходят туда, и он может изготавливать там все, что угодно, от ядов до пороха!

Леди Гренвилл вновь призвала на помощь экономку, и уже через полчаса было сделано открытие, добавившее друзьям уверенности в том, что доктор Вуд был мистером Тоуном и собственноручно столкнулся с лестницы бедняжку Фанни.

Ведь в тот самый день он заезжал в Гренвилл-парк вместе со Сьюзен и лордом Мортемом, чтобы позже отправиться на обед к леди Мортем. Судя по записям экономки, кухарка обварила ногу кипятком, и доктор Вуд по просьбе миссис Даррем осматривал ее, пока его племянница и лорд Мортем беседовали с Эмили. Экономка наверняка направилась по своим делам, предоставив доктору самому искать дорогу в гостиную леди Гренвилл, ведь он был частым гостем в этом доме. Что мешало ему немного задержаться и подстеречь бедняжку Фанни?

– Кажется, мы еще не переживали подобного кошмара, – вздохнула Джейн. – Даже когда разоблачили Кэтрин Рис-Джонс!

– Кстати, именно доктор Вуд лечил бедняжку от лихорадки, когда тетка забрала ее из пансиона, – вдруг припомнил Ричард. – Что, если вовсе не Ник Ченнинг надумил Кэтрин подставить своего брата? Ведь когда мисс Рис-Джонс совершила свое первое убийство, они с Ченнингом даже не были знакомы!

– Но зачем ему это делать? – недоумевающе подняла брови Эмили. – Чтобы почувствовать свою власть над другими людьми?

– Может быть, и так, а может быть, он хотел оказать любезность леди Пламсбери и подобрать для ее протеже невесту с приданым, которое навсегда заставит Ченнинга забыть о притязаниях на ее собственное наследство. – Ричард даже немного стыдился неожиданного подъема, который сейчас испытывал, но это было невероятное, пьянящее чувство азарта – высказывать одну догадку за другой, как будто выигрываешь ставку за ставкой!

– А леди Пламсбери намекнула Нику, что Кэтрин скоро может стать единственной владелицей состояния Рис-Джонсов. – Джейн обычно не уступала брату в сообразительности, скорее, опережала его, но сегодня им с Эмили приходилось догонять Ричарда. – Что ж, это вполне возможно, но навряд ли мы узнаем правду. Леди Пламсбери не скажет ни слова...

– Доктор Вуд тем более ни в чем не сознается. – Эмили снова

вспомнила загадочные слова лорда Мернейта о разных формах правосудия. – Послушайте, он ведь должен понимать, что рано или поздно может наступить момент, когда его разоблачат? Или он так уверен в своей непогрешимости?

– Скорее, второе, – тут же откликнулся Соммерсвиль. – Он же выдал себя, когда сказал о своей любви к анаграммам! Не будь этой фразы, мы все еще топтались бы на месте. А он ведь даже представить себе не мог, что эта безобидная фраза окажется ключом к его тайне.

– Думаю, он очень любит Сьюзен и забывает об осторожности, когда речь идет о его племяннице, – подумав, сказала Джейн. – Иначе он не допустил бы такого промаха. Доктор Вуд уже довольно стар, и если он занимается своей преступной деятельностью долгие годы, то привык быть всегда во всеоружии, взвешивать каждое слово, жест, взгляд... Ведь он осматривал тело горничной Даффи вскоре после того, как, скорее всего, сам же и столкнул ее с подоконника. Каким хладнокровием надо обладать, чтобы смотреть на свою жертву в присутствии десятков других людей!

– Нам никогда не постичь натуру такого человека, – с уверенностью ответила Эмили. – Нечего даже и пытаться. Лучше давайте подумаем о том, что будет дальше.

– Мы решили задачу, которую подбросил нам этот пройдоха Мернейт. – Ричард Соммерсвиль, кажется, был слегка обижен на своего друга за то, что тот несколько месяцев водил его за нос. Впрочем, как и всех остальных. – Теперь за дело возьмется он, а нам остается лишь ждать, каким образом злодей будет наказан. Разве не так?

Эмили грустно покачала головой.

– Подумай о Сьюзен! Как она сможет вынести известие о том, что ее любимый дядюшка – чудовище в образе добродушного старого доктора? В ее состоянии подобное потрясение может стоить жизни не только ребенку, но и матери. Нет-нет, Сьюзен не должна узнать о том, что доктор Вуд – не тот, за кого себя выдает!

– Тогда и Генри ничего не должен знать, он не сможет жить в одном доме с убийцей и еще, чего доброго, натворит что-нибудь!

– Мы не скажем им ничего до тех пор, пока Мернейт не предпримет какие-то меры, и доктор Вуд не окажется в тюрьме, – заявил Ричард, но обе леди решительно воспротивились этому.

– Лучше им никогда не узнать о существовании мистера Тоуна! – Джейн не могла представить себе, как можно скрыть эту новость от домочадцев доктора Вуда, но была полна желания попробовать. – Глядя на дядюшку Сьюзен, невозможно было и подумать, что он обладает властью и

деньгами, меру которых нам трудно вообразить.

– Ты права, доктор Вуд всегда выглядел скромным опекуном своей племянницы, а все свои небольшие доходы тратил на исследования, – подхватила леди Гренвилл. – А теперь, когда Сьюзен замужем и ее собственностью распоряжается Генри, ее дядюшка и вовсе должен существовать на то, что выделяют ему мистер и миссис Говард.

– Сьюзен и Генри, скорее всего, никогда не задумывались, какие средства доктор Вуд тратит на свои исследования, для этого они оба недостаточно практичны и чересчур щепетильны, – заключила миссис Стоунвилль. – Он же привык делать вид, что обходится малым. Как жаль, что этот человек не использовал свой ум и умение привлечь на свою сторону других людей для того, чтобы приносить пользу!

Эмили от души согласилась с подругой.

К полудню все трое уже несколько пришли в себя и почти смирились со своим шокирующим открытием. Однако каждому из них хотелось, чтобы злодеем оказался кто-то другой, лучше всего, малознакомый им человек, который не вызывал бы у них чувства искренней привязанности, не считался их другом несколько лет подряд, не помогал советом, отеческим и медицинским... Тогда догадка Эмили не ранила бы так сильно. Но, раз уж ничего нельзя было изменить, им оставалось только покончить с сетованиями и мужественно принять тот факт, что их маленький мирок в очередной раз сотрясла до основания дрожь, от которой ему рано или поздно суждено оправиться вновь. Так уже неоднократно случалось, и так и должно быть впредь. По крайней мере, они могли доверять друг другу и еще нескольким близким друзьям – и это поможет им устоять на ногах под натиском любого шквала. Который не заставил ждать себя слишком долго.

Ричард пытался отвлечь сестру и леди Гренвилл рассказом о сердечных переживаниях полковника Дейла, нашедшего свою позднюю любовь в лице леди Боффарт, о чем Соммерсвиллю поведал Филипп Рис-Джонс, когда дверь гостиной резко распахнулась.

– Вот и Мернейт! – перебил Ричард сам себя и тут же нахмурился, увидев, что вместо ожидаемого гостя в комнату едва ли не вбежал лакей с письмом в руке.

– Миледи, я привез вам послание от леди Боффарт, – выпалил лакей и шумно вздохнул. Его молодое круглое лицо покраснело от быстрой ходьбы, лоб был нахмурен, а вытянутая рука чуть заметно подрагивала.

Эмили сразу узнала лакея лорда Уитмена и вскочила на ноги еще прежде, чем молодой человек приблизился к ней.

– Что-то с матушкой? – испуганно пробормотала она и схватила

письмо такой же дрожащей рукой.

Лакей отрицательно покачал головой, но отчего-то не произнес ни слова. То ли ему не хватило дыхания, то ли он не осмеливался произнести роковые слова.

Джейн и Ричард одновременно тоже поднялись, готовые подхватить и обнять Эмили, если та задумает упасть в обморок. От такой спешки ожидать хороших вестей, увы, не приходилось.

Леди Гренвилл торопливо развернула письмо, чуть не порвала его и на мгновение замешкалась перед тем, как прочесть, словно ее пугали криво написанные слова. Всего несколько слов.

Друзья в напряжении ждали, что же она скажет, и лорд Мернейт появился на пороге как раз вовремя для того, чтобы услышать жалобный вскрик Эмили:

– Лори похитили!

Первой к подруге бросилась Джейн, пока Ричард растерянно переводил взгляд с лакея на лист бумаги, выпавший из рук Эмили и лежавший теперь перед ней на столе. Один только Мернейт не утратил решительности и тут же приступил к расспросам лакея.

– Расскажите немедленно, что случилось с маленьким лордом! – властный тон молодого джентльмена заставил парня подобраться и заговорить связно.

– Нынче утром, после завтрака, погода установилась такая хорошая, что лорд Уитмен позволил мистеру Лоренсу и мисс Хаттон погулять на лужайке. С ними вышла и леди Боффарт. Маленькая мисс поскользнулась на сырой траве, упала и запачкала свою пелерину. Леди Боффарт отвела ее в дом, чтобы горничная могла надеть на мисс Хаттон другое пальто, и вернулась на лужайку... – Лакей замолчал и покосился на леди Гренвилл – она опиралась на Джейн, но обе подруги жадно слушали историю похищения. – Прошло не более десяти минут, но юного лорда на лужайке уже не было. Леди Боффарт подумала, что он где-то прячется, и некоторое время искала его за кустами и в беседке, пока не заметила следы, уходящие в аллею – на мокрой дорожке они видны совершенно ясно.

– Так. И что же было дальше? – Лорд Мернейт тоже посмотрел на Эмили, затем вновь обернулся к лакею.

– Судя по следам, мистер Лоренс добежал до начала аллеи, затем ушел вместе с какой-то женщиной – ее следы тоже остались на гравии, – бедняга сочувственно вздохнул, он бы предпочел рассказать все этому джентльмену наедине, но леди Гренвилл никто бы не заставил сейчас покинуть комнату. – Леди Боффарт добежала по этим следам до калитки, за которой

дорожка превращалась в тропинку, а тропинка ведет через рощу на дорогу...

– А на дороге леди Боффарт, должно быть, обнаружила только следы колес, – закончил Мернейт за лакея, вновь сделавшего паузу.

Парень закивал, подтверждая, что именно так все и было. Эмили разрыдалась, и миссис Стоунвилль покрепче обняла ее и беспомощно взглянула поверх ее головы на брата, а затем на Мернейта. Что теперь делать – спрашивал ее взгляд.

– Вы прибыли в экипаже лорда Уитмена? – спросил лакея Ричард, до этого шепотом пробормотавший несколько ругательств.

Слуга кивнул, и лорд Мернейт обернулся к Эмили:

– Полагаю, нам всем надлежит немедленно отправиться в дом ваших родителей.

– Да-да, едем сейчас же! Вы думаете, мы найдем похитителей? – сквозь слезы спросила его леди Гренвилл.

– Разумеется, миледи. Я извещу суперинтендента Миллза и лондонскую полицию. Мальчик, скорее всего, уже далеко от поместья лорда Уитмена, и лучше всего его можно спрятать именно в Лондоне.

– Тогда зачем нам ехать к Уитменам? – резонно заметила Джейн. – Эмили нужно бы выпить успокоительных капель и лечь в постель...

Миссис Стоунвилль осеклась, вспомнив, кто обычно готовил им успокоительные капли и целебные отвары.

– Думаю, леди Гренвилл полезнее быть вместе с семьей и друзьями. Лорд и леди Уитмен, должно быть, вне себя от тревоги и горя, да и леди Боффарт тоже...

– Нужно поскорее отправить сообщение Уильяму! – вспомнила Джейн об отце Лори.

– Я займусь этим, – кивнул лорд Мернейт. – Он, конечно, будет очень расстроен, но его присутствие необходимо, лорд и леди Гренвилл смогут утешать друг друга и родителей леди Гренвилл. К тому же похитители могут обратиться к нему с требованием заплатить за возвращение его сына.

– Тогда ему стоит оставаться в Лондоне! – неожиданно зло крикнула Эмили. – До сих пор он не торопился возвращаться в Гренвилл-парк, пусть и дальше проводит время со своей любовницей! Она сможет утешить его лучше, чем я, она ведь тоже потеряла сына!

– Идем собираться, дорогая. Тебе нужны силы, чтобы ободрить родителей и тетушку Розалин.

Джейн увлекла рыдающую подругу к двери, а лорд Мернейт вопросительно посмотрел на Ричарда:

– Я не понимаю...

– Эмили говорила о любовнице Уильяма, миссис Рэйвензи, разве до тебя не доходили слухи об их романе? – мрачно ответил Соммерсвиль. – Сын миссис Рэйвензи утонул несколько лет назад.

– Я знаю, что миссис Рэйвензи посещает в Лондоне мужчина, но это не лорд Гренвилл, – этих слов Мернейта Эмили уже не услышала, дверь закрылась за ней и ее верной подругой.

– Я уверена, что Лори был знаком с этой женщиной! – говорила заплаканная леди Боффарт. – По его следам видно, что он сам подошел к ней, когда увидел ее в аллее. Должно быть, она позвала его прогуляться и увела к экипажу...

– Совершенно согласен с вами, миледи, – лорд Мернейт восхищался леди Боффарт так же, как некоторое время назад ее племянницей. – И следы на дорожке, без сомнения, женские.

Эмили отстраненно подумала, что ее тетушку не подвела наблюдательность писателя, даже в минуту тяжелейшей душевной боли она способна подмечать мелкие детали и делать правильные выводы.

Джейн в это время сидела рядом с постелью леди Уитмен, а лорд Уитмен, Ричард вместе с Эмили в гостиной дожидались лорда Мернейта и тетушку Розалин, вызвавшуюся проводить Мернейта на место похищения Лори.

То, что мистер Риддл оказался сыщиком, добровольно помогающим полиции разыскивать преступников, конечно, удивило леди Боффарт, но она и виду не подала. После того как Феллоузы выдавали сестру миссис Феллоуз за свою умершую дочь, а Эдмунд Стоунвилль придумал историю своей смерти, тетушку Розалин уже не особенно удивляло, когда один человек выдавал себя за другого.

Рассказал ли ей Мернейт о цели своего затянувшегося пребывания в Торнвуде, ни Эмили, ни Ричард пока не узнали, да и мысли их были заняты отнюдь не доктором Вудом и его преступлениями. Хотя в экипаже, желая отвлечь Эмили от мыслей о том, где сейчас находится Лори, и что с ним делают, Ричард и Джейн поделились с Мернейтом тем, ради чего он и был приглашен в Гренвилл-парк.

Молодой сыщик признался, что тоже испытывает симпатию к доктору Вуду, но выводы леди Гренвилл и ее друзей вовсе не кажутся ему надуманными и неправдоподобными. Самое великое зло часто маскируется под самого скромного и доброго из людей, философски заметил Мернейт. И у доктора Вуда были все возможности совершить убийства горничных.

– Я попрошу дядю разузнать о его практике в Лондоне. Весьма вероятно, что мисс Деррик обращалась к нему за медицинской помощью, а после сама стала его помощницей, но уже совсем на другом поприще, – заключил Мернейт, и больше до конца поездки о докторе Вуде не было

сказано ни слова.

В дом лорда Уитмена словно вернулась тягостная атмосфера непреодолимого горя, покинувшая его всего лишь несколько недель назад после известия о том, что Кэрлайн и Филипп находятся в добром здравии. Леди Уитмен ослабела от слез и лежала в постели, служанки всхлипывали и перешептывались, а лорду Уитмену пришлось утешать леди Боффарт, как недавно она сама утешала его. Бедная тетушка Розалин винила себя в том, что Лори пропал, ей не следовало оставлять его одного!

Успокоить ее удалось лорду Мернейту, заявившему с внушающей доверие уверенностью:

– Похищение мальчика было явно запланировано и подготовлено заранее, эти люди следили за домом лорда Уитмена, как, скорее всего, до того следили за Гренвилл-парком. Рано или поздно ребенок был бы схвачен, это был лишь вопрос времени, поверьте мне. Вам не в чем обвинять себя, миледи.

Леди Боффарт неохотно согласилась с этими доводами, и все собравшиеся принялись гадать, кем могут быть эти негодяи и что им нужно. Эмили и ее отец были готовы заплатить похитителям любую сумму, какую они попросят, лишь бы только Лоренс вернулся домой. Джейн и Ричард в один голос заявили, что случившееся словно продолжает череду невзгод, постигших семью леди Гренвилл, как будто похищение подстроил тот же самый человек, что послал телеграмму о гибели Кэрлайн и разорил леди Пламсбери.

Лорд Мернейт готов был согласиться с этим предположением, но не собирался отбрасывать и другие причины, побудившие кого-то поступить столь жестоко. И, конечно же, самое важное обстоятельство, о котором Мернейт не забывал ни на миг: женщина, которая была знакома Лори, вот о ком нужно было хорошенько поразмыслить. Эта дама должна была гостить либо в Гренвилл-парке, либо в доме лорда Уитмена, либо у леди Пламсбери. В каком же из этих особняков мальчик встречался со своей похитительницей? Нельзя было упускать из виду и возможность того, что Лоренс не знал эту женщину, но она сумела привлечь его внимание. Быть может, позвала на помощь – мальчик никогда не забывал о своем долге джентльмена! И все же более вероятным казалось, что Лори радостно устремился навстречу знакомой ему даме. Кто же она?

– Я убью ее собственными руками, стоит ей только оказаться передо мной, – едва не прорычала Эмили, чье отчаяние потеснилось, дав место ненависти. Да и какая мать не превратится в разъяренную тигрицу, если кто-то хочет обидеть ее дитя?

– Может ли это быть служанка, уволенная недавно из Гренвилл-парка за нерадивость или более серьезные проступки? – поинтересовался у нее лорд Мернейт, но она не могла вспомнить ни одного подобного случая. Если бы миссис Бренсвик не уехала с внучкой в Йорк, Эмили подумала бы в первую очередь о ней. Отомстить Гренвиллам за несчастную судьбу своей дочери и ее преждевременную смерть – на это миссис Бренсвик вполне могла быть способна. Но она получила от Уильяма достаточно средств и обещание в дальнейшем участвовать в образовании малышки Эйприл и уехала, не тая зла в душе. Или Эмили просто хотела в это верить?

Лорд Уитмен совсем впал в уныние, в своих речах он то и дело говорил о проклятье, по неизвестной причине превратившей жизнь его семьи в кошмар. Его дочь, сидевшая рядом с ним, лишь качала головой. Она больше не верила в проклятья после того, как выяснилось, что несчастья, постигшие молоденьких горничных, подстроены безжалостным злодеем. Вот и сейчас молодая женщина чувствовала это, кто-то насмехается над их горем. И узнать, кто этот человек и что ему нужно, они смогут, только когда он этого пожелает. Эта зависимость от чужой злой воли сводила Эмили с ума, но она понимала, что остается только ждать послания от похитителя. Пока же лучшее, что они могут сделать, это разойтись по своим комнатам и отдохнуть после тяжелого дня, даже если сейчас каждому из них кажется, что он ни за что не сможет заснуть.

Леди Гренвилл первая предложила отправиться спать. Завтрашний день обязательно принесет какие-нибудь новости о Лори, сказала она с неожиданной даже для себя уверенностью, и они должны быть готовы начать действовать, пусть даже и по указанию похитителя.

Лорд Мернейт поддержал ее, а следом поднялся и Соммерсвилль. Рано утром оба джентльмена собирались отправиться в Лондон, Мернейт хотел попросить помощи у своего дяди, а Ричард решил последовать своим намерениям и выяснить, какие тайны скрывает муж его сестры, а также заехать к лорду Гренвиллу. Пусть их дружба с Уильямом и расклеилась, Соммерсвилль считал себя обязанным поддержать лорда Гренвилла, а также надеялся быть полезным, если поиски сосредоточатся в Лондоне. Записку Уильяму написала Джейн и по просьбе лорда Мернейта настоятельно посоветовала Уильяму оставаться в городе. Посланец до сих пор не вернулся с ответом, и Ричард обещал Эмили и своей сестре, что завтра же сам напишет им о том, в каком состоянии найдет Уильяма, и не выскажет ли отец какой-нибудь догадки относительно того, в чьих руках оказался его сын.

Поддерживая друг друга, вздыхая и всхлипывая, Эмили и тетушка

Розалин поднялись по лестнице в свои спальни. Джентльмены собирались еще немного поговорить и последовать за дамами. Никто из них не произнес вслух опасений, что Лори могла похитить какая-нибудь бездетная женщина и увезти так далеко, что найти его никогда не удастся. Или же похитителем оказался сумасшедший, который способен причинить мальчику боль или даже убить его. Эмили запрещала себе воображать подобные кошмары, но ей запомнился мрачный взгляд лорда Мернейта, когда тот повернулся к Соммерсвиллю. Молодой сыщик повидал уже достаточно ужасов и жертв преступлений, чтобы готовиться к худшему. И Эмили знала, что справится со всеми испытаниями, но этой утраты она не вынесет.

Утром леди завтракали втроем. Лорд Уитмен снова сидел у постели больной жены, и печаль вновь властвовала над этим домом, как и несколько недель назад, с той лишь разницей, что сейчас семья не надела траур. Кэролайн и Филипп должны были сегодня вернуться из Брайтона, где навещали родственницу Уитменов, и узнать о случившемся, и только леди Пламсбери решили не сообщать о похищении. После потери своего состояния старуха находилась где-то посередине между чахлой жизнью и смертью, и весть об исчезновении любимого правнука неминуемо подтолкнула бы ее в сторону смерти.

Леди Боффарт молчала, и говорить пришлось Джейн – кто-то же должен был создавать видимость беседы. Но к одиннадцати часам, когда приехал посланник от Ричарда, у миссис Стоунвилль уже не было сил отвлекать Эмили и тетушку Розалин рассказами о своих планах по перепланировке запущенного сада в поместье Соммерсвилей.

Ричард писал, что нашел лорда Гренвилла в унынии и растерянности, таким несчастным Уильям не выглядел с самых первых дней после смерти Луизы. Должно быть, гнев появится чуть позже. С некоторым удивлением Соммерсвилль прибавил также, что только просьба лорда Мернейта удерживает Уильяма от поездки в дом лорда Уитмена, чтобы быть рядом с Эмили.

– Так обыкновенно и бывает, – мрачно усмехнулась леди Боффарт. – В горе мужчина вспоминает, что у него есть жена, а в радости довольствуется любовницами. Что бы там ни говорили брачные обеты!

Эмили пожала плечами, и даже Джейн не нашлась, что ответить. Болезнь отца, спешное приглашение в Гренвилл-парк, а затем и похищение Лоренса отодвинули на задний план ее собственные неурядицы с Эдмундом. Но в ближайший день-два стоило ожидать известий от Ричарда, который не оставил намерения проследить за Стоунвиллем и разоблачить

его интриги, какого бы рода они ни оказались. Должно быть, Ричард почерпнул энтузиазма у лорда Мернейта, и Джейн оставалось только радоваться любому занятию, которое заставляло ее брата забыть о картах.

После завтрака Джейн прошла в библиотеку, написать отцу, а Эмили взяла книгу и собралась почитать Люси. Девочка часто спрашивала, когда вернется Лори, ей сказали, что маленький лорд уехал погостить у родственников лорда Уитмена, и Люси все еще обижалась из-за того, что товарищ по играм не попрощался с ней.

Леди Боффарт присоединилась к лорду Уитмену у постели кухни, и никто из них не мог говорить и думать ни о чем, кроме похищения внука.

Каждый уходящий час прибавлял напряжения в доме, и после чая все так и продолжали сидеть вокруг стола, даже леди Уитмен, не отнимавшая от глаз платок. Появление дворецкого с письмом на подносе только усилило волнение, и, когда дворецкий сообщил, что послание доставил почтальон, и адресовано оно леди Гренвилл, на Эмили с волнением уставилось четыре пары глаз. Да и верный слуга замешкался, явно желая узнать что-нибудь, чем можно поделиться с прислугой. Надежда на благоприятные вести растаяла при виде того, как окаменело лицо Эмили, прочитавшей письмо за несколько мгновений.

– Что там, это похититель?

– Ему нужны деньги?

– Надо тотчас сообщить Уильяму и лорду Мернейту!

Только Джейн заставила себя промолчать и дожидаться, когда ее подруга сможет заговорить.

– Это письмо от какой-то женщины, – губы Эмили кривились, она едва сумела справиться с собой. – Она похитила Лори, чтобы отомстить Уильяму и его жене!

– Кто она? Как она посмела... – лорд Уитмен хрипел от ярости, и его жена испуганно сжала его ладонь.

– Она... не называет своего имени. – Леди Гренвилл снова взглянула на листок бумаги, который продолжала держать перед собой. – Когда-то она любила Уильяма, но он не ответил ей взаимностью, и она хочет, чтобы мы страдали так же, как страдала она!

– Тогда Уильям должен знать, кто она! – вскричала леди Боффарт. – Надо немедленно отвезти это послание в Лондон, пусть лорд Мернейт отыщет ее!

– Но почему сейчас? – тихо спросила вдруг Джейн, и тетюшка Розалин умолкла на полуслове.

– О чем ты? – Эмили повернулась к подруге.

– Должно быть, эта женщина любила Уильяма много лет назад, еще до его женитьбы на Луизе. Почему она решила отомстить теперь, что заставило ее сперва ждать так долго, а затем осуществить свою месть именно теперь? – миссис Стоунвилль озабоченно нахмурилась. – Что-то тут не так.

– Может быть, она уезжала куда-то надолго, или была замужем, а теперь овдовела, или просто ждала, пока Лори подрастет... Ответов на вопрос Джейн может быть сколько угодно, и мы узнаем правду, лишь когда найдем эту мерзкую тварь, – тетушка Розалин не сказала, что с этой минуты у нее появилась еще одна причина испытывать неприязнь к лорду Гренвиллу, да, пожалуй, уже не просто неприязнь, а ненависть!

– Так она не требует заплатить за то, чтобы вернуть Лори домой? – недоверчиво переспросил лорд Уитмен.

– Нет! – во вскрике Эмили чувствовались отголоски истерики. – Я не знаю, что ей нужно!

– Чтобы мы страдали, ты же сама это сказала! – Леди Уитмен смотрела на дочь с жалостью и злостью, но гнев ее был направлен на лорда Гренвилла.

– Мы уже страдаем! Но какова должна быть мера нашего горя? – Эмили вздрогнула, когда Джейн успокаивающе погладила ее по плечу. – Что она собирается делать с моим мальчиком? Господи, мне страшно!

– Нам всем страшно, дорогая, но мы должны верить в лучшее, Лори обязательно скоро вернется! – раздался от дверей молодой взволнованный голос, и обнимать сестру бросилась Кэролайн, а Филипп Рис-Джонс без улыбки поклонился родственникам. – Вспомни, как ты боролась со злом прежде, и тебе удалось победить его!

«Если бы ты знала, что зла вокруг намного больше, чем мы можем себе представить!» – хотела бы сказать Эмили, но лорд Мернейт умолял не распространять дальше поразительные новости о докторе Вуде. Достаточно и того, что стало известно настоящее имя Мернейта.

Снова подали чай, и разговор оживился – Филипп и Кэролайн хотели знать подробности, которые леди Боффарт не отразила в своей записке.

Филипп предлагал отправиться в Лондон, но лорд Уитмен решительно воспротивился этому, старому джентльмену не хотелось быть единственным мужчиной в компании пятерых заплаканных леди. В Лондоне достаточно Ричарда и Уильяма, да и лорд Мернейт обещал оказать всю возможную помощь со стороны полиции.

Филипп осведомился, кто такой лорд Мернейт, и Джейн объяснила, что мистер Риддл на самом деле зовется по-другому и приехал в Торнвуд с

секретной миссией, о которой не вправе говорить. Кэролайн и ее супруг видели мистера Риддла и весьма удивились, узнав, что он не так глуп, каким предстал впервые перед торнвудским обществом.

Опомнившись, лорд Уитмен отправил в Лондон очередного лакея с письмом неизвестной похитительницы, и вновь потянулись минуты ожидания. Только теперь они были чуть менее мучительными – Кэролайн удалось ободрить семью, заявив, что Уильям вскоре прочтет послание этой сумасшедшей и узнает, кто похитил Лори. А после этого найти эту женщину и ребенка не должно составить труда.

– Что, если она уже покинула Англию? – возразила Эмили. – Бежала на континент, где мы никогда не сможем найти ее?

– Это невозможно! – возразил Филипп. – Лори уже большой мальчик, это не бессловесный младенец, который путешествует, закутанный в одеяла. Лоренсу захочется вернуться домой, и он будет требовать этого со всей решительностью, привлекая внимание окружающих. Скорее уж эта дама прячет ребенка в своем доме, в Лондоне или в каком-то поместье. У нее наверняка должны быть знакомые или родственники, к которым полиция сможет обратиться, чтобы найти ее. И вам не нужно бояться, что она навредит ребенку, она ведь понимает, что ее ждет самое тяжкое наказание. Это злая выходка, не более того.

– Но если она и вправду сумасшедшая? – возразила Эмили со страхом в голосе. – Тогда доводы рассудка для нее ничего не значат!

– Не думай сразу о самом ужасном, – посоветовал ей Филипп. – Не позволяй сломить тебя, вспомни, каким сломленным я был в Уандсворте, но твоя вера придала мне сил доказывать свою правоту!

– Я стараюсь, но мне очень, очень страшно, – прошептала леди Гренвилл сквозь слезы.

Еще один долгий день прошел за чайным столом в сопровождении вялой, никому не интересной беседы. Джейн тщетно старалась припомнить какую-нибудь девушку, с которой в прежние времена связывали имя лорда Гренвилла. Кажется, Уильям и не ухаживал ни за кем, кроме Луизы – в конце концов сдалась миссис Стоунвилль. Эмили переглянулась с тетушкой Розалин, и обе сразу поняли друг друга – про Луизу тоже нельзя было сказать, что она пережила сильное чувство до брака с лордом Гренвиллом, тем не менее это было именно так. Значит, и у Уильяма могла быть сердечная тайна, так и оставшаяся тайной.

– Если завтра утром мы не получим никаких новых известий, я поеду в Лондон, – решительно заявила, наконец, Эмили. – Кэролайн побудет с

матушкой, а Филипп и тетя Розалин составят компанию отцу. Сидеть здесь и просто ждать невыносимо! Джейн, ты отправишься со мной?

– Разумеется, дорогая, – миссис Стоунвилль не собиралась оставлять подругу до тех пор, пока не найдется Лори. О том, что может быть и по-другому, Джейн не позволяла себе даже думать. – Но и в Лондоне нам тоже придется ждать.

– Вот именно! – проворчала леди Уитмен, полулежавшая на софе. – Тебе лучше остаться здесь, с нами. Не будешь же ты бегать по Лондону и заглядывать в каждый дом!

– А я думаю, они с Уильямом должны быть сейчас вместе! – Кэролайн с любовью взглянула на мужа, ей было трудно представить, как супруги могут переживать подобное порознь!

Эмили промолчала. Она и сама не знала, что будет делать, когда увидит лорда Гренвилла – бросится к нему со слезами в поисках успокаивающих объятий или же примется обвинять во всем, в чем он был и в чем не был виноват. Но в том, что ей пора отправиться в Лондон, леди Гренвилл была уверена. Не в ее силах было утешать всех сразу, отца, мать и леди Боффарт, когда ее собственное сердце трепетало от горя и страха.

Было уже очень поздно, и Кэролайн увела мать наверх, а лорд Уитмен задремал в кресле, но все никак не хотел оставаться один. Как и накануне, Эмили хотела уже предложить и остальным идти спать, когда дворецкий привел усталого лакея, который привез письма от Соммерсвиля и лорда Гренвилла.

Джейн торопливо развернула письмо брата, но, прежде чем начать читать, с беспокойством посмотрела на подругу. Судя по выражению лица Эмили, она была удивлена, но не обрадована, хотя письмо выглядело довольно длинным и могло содержать какие-то подробности о поисках мальчика.

– Уильям прислал добрые вести? – не вытерпела леди Боффарт.

– Нет, он пишет лишь, что не имеет ни малейшего представления о том, кто эта женщина, и утверждает, что даже в самые юные годы сумел избежать безрассудств и сделать несчастной какую-нибудь девушку. Если он и разбил чье-то сердце, то ему об этом неизвестно. И он опасается, что эта женщина может быть безумна, как Кэтрин... – Эмили осеклась, вспомнив, что Филипп Рис-Джонс все еще находится в комнате.

– Так, значит, мы не сможем найти злодейку! – тетушка Розалин в отчаянии закрыла лицо руками.

– Может быть, нам и не стоило рассчитывать на то, что эта женщина окажется бывшей возлюбленной лорда Гренвилла, – заметил Рис-Джонс,

большую часть дня просидевший в мрачном молчании. – Если бы Уильям понял, кто она, ее бы уже разыскивала полиция. Зачем ей так рисковать?

– Ты полагаешь, она солгала нам? – Эмили пыталась догадаться, куда клонит Филипп.

– Я считаю, это вполне возможно. Кто-то захотел причинить зло тебе или Уильяму и использовал эту ложь, чтобы поссорить вас и причинить еще более сильную боль. – Рис-Джонсу довелось немало пережить, и его словам можно было доверять.

– Но женщина все же была. – Джейн все никак не могла приступить к чтению своего письма, предположение Филиппа захватило ее. – Если она никогда не любила лорда Гренвилла, то кем она может быть?

– Помощницей негодяя, – Эмили опередила Филиппа, который явно собирался сказать то же самое. – Неужели это и вправду наш злой гений?

– О ком ты говоришь? – Рис-Джонс еще не знал об их догадке, будто в последовавших одно за другим семейных несчастьях виновен один и тот же человек, и леди Гренвилл поведала о ней Филиппу.

– Что ж, если это так, вам с Уильямом действительно пора собраться вместе, сесть рядом и попытаться вспомнить всех, у кого были основания желать вам зла, какой бы незначительной ни казалась вам нанесенная им обида, – без раздумий заявил Филипп, выслушав Эмили.

– Только безумие или ненависть способны побудить человека совершить такое. Я не святая добродетель и могу ранить недобрым словом, но я не уверена, что даже после недели размышлений смогу назвать человека, который мог бы захотеть мстить так жестоко за нанесенную мной обиду, – ответила она. – А за Уильяма может ответить только он сам... И я заставлю его вспоминать до тех пор, пока он не назовет хотя бы одно имя!

– Возможно, кто-то ненавидит не только Уильяма, но и всех нас... – Леди Боффарт сумела справиться с подступающими слезами и теперь прислушивалась к разговору. Она хотела добавить что-то еще, но, взглянув на Джейн, умолкла.

– Тогда найти его будет легче! – Рис-Джонс поочередно посмотрел на каждого, кто был в комнате. – Это должен быть наш общий знакомый!

Эмили тряхнула головой, отгоняя усталость. Они как будто вернулись на пару дней назад, когда пытались решить загадку мистера Тоуна. Тогда они справились, а теперь все надо было начинать заново. Если только не предположить, что все это совершил мистер Тоун, то есть доктор Энтони Р. Вуд.

Миссис Стоунвилль, кажется, пришла в голову та же самая мысль, она выразительно посмотрела на подругу и решительно поднялась на ноги,

побуждая остальных последовать ее примеру. Размышления не принесут никакой пользы, если в голове шумит от усталости, а глаза опухли от слез, заявила Джейн.

Леди Боффарт встала вслед за Джейн, и Эмили ничего не оставалось, как пойти вместе с ними. Филипп пообещал позаботиться о том, чтобы лорд Уитмен благополучно добрался до своей спальни.

Прощаясь с подругой у дверей в ее комнату, Эмили спросила:

– А что пишет Ричард? Ты так и не успела прочесть его письмо?

– Я прочту его перед сном, а завтра расскажу тебе, – пообещала Джейн. – Если уж Уильям не смог нам ничего сообщить о Лоренсе, значит, и у моего брата нет известий. По дороге в Лондон мы с тобой поговорим обо всем, что не можем высказать при всех.

Леди Гренвилл согласно кивнула и побрела по коридору к своей спальне. От усталости и волнения нога ее болела с каждым днем все сильнее, но Эмили дала себе слово больше не пользоваться средствами доктора Вуда.

Эмили не рассказала своей семье и даже Джейн о том, что в записке лорда Гренвилла так удивило ее. В своей спальне она снова развернула лист бумаги и перечитала написанное.

«Дорогая Эмили! Я не привык обращаться к тебе так и рискую удивить тебя, да и я сам удивлен тем, какие слова соскальзывают с моего пера. Можно было бы счесть их последствием горя и растерянности, не оставляющих меня уже второй день, но это не так. По меньшей мере, не совсем так. Ты и Лори так дороги мне, что я, как и большинство мужчин, не могу выразить это словами! Впрочем, писать мне немного легче, чем говорить, и я воспользуюсь тем, что Ричард пишет письмо сестре, и у меня есть еще несколько минут до того, как наш неутомимый посланник направится в обратный путь.

Я говорил о том, что вы невыразимо дороги мне, и тем больше мне думать, что ты считаешь меня повинным в том, что Лоренса похитили! Могу поклясться, что если и есть женщина, которая страдала из-за любви ко мне, то мне об этом ничего не известно!»

Здесь Эмили позволила себе насмешливо фыркнуть. Уж одну-то такую женщину она знала! Но все же эти строки не оставили ее равнодушной, как бы она ни досадовала на слепоту и упрямство лорда Гренвилла.

«До встречи с твоей сестрой у меня не было романов с кем-либо, да даже и несерьезным флиртом я почти не могу похвастаться, в молодости я был очень застенчив. Я бы назвал Луизу единственной женщиной в моей жизни, если бы не почувствовал однажды, что это утверждение стало неверным... Нам будет нужно поговорить о многом, и мне придется просить у тебя прощения, но сперва нужно разыскать Лори. Я понимаю, что ты и твои родители, и наши друзья – все надеялись, что после того, как я прочту записку похитительницы, я тотчас назову ее имя, и поиски завершатся очень быстро. Что, если это какая-то сумасшедшая, вообразившая, будто из-за меня ее постигли какие-то несчастья? Ты ведь помнишь, как вела себя Кэтрин Рис-Джонс, по непонятной причине возненавидевшая своего брата...

Увы, после прочтения записки я ничем не смог помочь в поисках и согласен с лордом Мернейтом – это письмо могло быть лишь способом запутать нас, отвлечь от кого-то другого. Не думаю, что у меня есть враги, я не занимаюсь ни политикой, ни торговлей, ничем, что могло бы оказаться

помехой для чьих-либо интересов. Мне пришло в голову, что это мог быть кто-то, издавна ненавидящий мою семью. Ты не была знакома с моим отцом, но, должно быть, слышала о его суровом, непреклонном характере. Кто-то мог затаить злобу, или же, учитывая, сколько лет отца уже нет на этом свете, может статься, мстить решил кто-то из детей этого человека. Я не знаю, Эмили, догадок может быть сколько угодно, и каждая из них равно далека от истины! Ричард и Мернейт поддерживают меня, и я признателен им за помощь, но у меня нет даже сил удивляться преобращению бестолкового мистера Риддла в пронизательного сыщика. Уверен, ты знаешь об этом куда больше меня, и в другое время я захотел бы услышать, в какую таинственную историю ты опять вмешалась. Но сейчас меня заботит только наш сын. Уже два дня он в руках каких-то негодяев, и я схожу с ума от злости и жалости, когда думаю – накормлен ли он, хорошо ли с ним обращаются... Знаю, что и ты чувствуешь то же самое, и прошу тебя поручить леди Уитмен заботам твоей сестры и тетки и поскорее приехать в Лондон. Вдвоем нам будет легче переносить ожидание и, кто знает, может быть, твой цепкий ум и мои воспоминания о семейных делах помогут понять, кто же обошелся с нами так жестоко. В сравнении с исчезновением Лоренса мошенничество с состоянием бабушки кажется дурной шуткой, но еще прежде кто-то так же отвратительно обошелся с твоей семьей, подстроив телеграмму о гибели Кэролайн. Мернейт рассказал мне о том, что выяснил об этой телеграмме – должно быть, чтобы отвлечь меня, и в надежде, что я сообщу ему что-то важное для поиска негодяя. Неужели это и в самом деле один и тот же человек? Доводы Мернейта убеждают нас с Ричардом в этом, ведь нельзя же иметь сразу нескольких жестоких и изобретательных врагов, одновременно решивших осуществить месть! О, если бы только мы нашли его, я не задумываясь свернул бы ему шею, жалея, что нельзя убить его снова и снова! И твой отец, твоя мать и ты сама не стали бы осуждать меня за это!»

– Не стали бы, а помогли бы держать негодяя! – прошипела Эмили, сворачивая письмо – в последних строчках Уильям писал, что вернулся Ричард и требует заканчивать послание, иначе лакей доберется до поместья Уильяма поздней ночью.

Неожиданным для нее оказалось не только содержание письма, но и его тон. Уильям почти никогда не выражал свои мысли с такой страстью, и, скорее всего, его теперешняя манера показывала, как изменился ее супруг. Говорить о том, что в его жизни занимает место другая женщина – и тут же приглашать Эмили приехать! И обещать попросить прощения!

Означает ли это, что его роман с миссис Рэйвенси окончен? Почему?

Такой кошмар, как похищение сына, должно быть, приводит к изменениям в мыслях родителей, то, что казалось важным, бледнеет и превращается в досадную помеху. Эмили и сама почувствовала это. Еще вчера утром она ужасалась, узнав, что ее старый друг доктор Вуд оказался воплощением зла, и жаждала справедливости, а сейчас ей не было никакого дела до того, как поступит лорд Мернейт вместе со своим дядей и всей лондонской полицией!

Только бы нашелся Лори, только бы он поскорее нашелся, – шептала она вместо молитвы до тех пор, пока не заснула, как и накануне.

Джейн тоже не торопилась укладываться в постель. Письмо Ричарда расстроило ее и немного удивило – те же чувства, что владели ее подругой после прочтения послания лорда Гренвилла. Хотя помыслы миссис Стоунвилль тоже беспрестанно вращались вокруг Лори и его похитителя, перед сном Джейн могла уделить несколько минут личным переживаниям. Кажется, ее брат скоро раскроет тайну Эдмунда, и она уже чувствовала: то, что она узнает, причинит ей боль, но за ней наступит освобождение. Как бы Стоунвилль ни старался, ему не удержать ее. Да и будет ли он стараться? Он не возвращается в лондонском свете и не баллотируется в парламент, чтобы развод мог сильно ему навредить. Приданое невесты от ее отца он получил, пусть оно и остается у Эдмунда – впервые, кажется, Джейн не думала о деньгах! Она так стремилась к ним прежде, думая, что благополучие и счастье – одно и то же, но она ошиблась! Ах, как она ошиблась! Ее счастье было в руках человека, о котором она, оказывается, почти ничего не знала. И это не только не пугало ее, но, напротив, заставляло сердце биться сильнее в предвкушении. Она раскроет все его секреты, постепенно, получая от этого удовольствие. Надо только сначала исправить совершенную ею ошибку. И любящий брат поможет ей в этом, за что Джейн готова была простить Ричарду любой проигрыш, который он уже совершил или о котором ей еще только предстоит услышать от сплетников.

В первых строках своего письма Соммерсвилль сообщал то, о чем Эмили уже сообщила всем в гостиной – Уильям ничего не знает о похитительнице. Ниже Ричард говорил о том, как пытался осуществить свой план и проследить за Эдмундом.

«Убедившись, что Мернейт не даст Уильяму окончательно пасть духом, я нанял экипаж, которым должен был управлять кучер Уильяма, и отправился к конторе твоего мужа. Карету мою или лорда Гренвилла Эдмунд мог узнать, и я решил не рисковать. Прошло не так уж много времени, и этот негодяй, я не зря называю его так, вышел из конторы,

нашел кеб и поехал куда-то. Мне нужно было только попросить кучера ехать следом, и через некоторое время я увидел, как Стоунвилль вышел из кеба возле маленького аккуратного особняка где-то в недрах Белгравии. Я едва не вывернул шею, но заметил лишь, что ему открыла горничная, чьего лица я не сумел разглядеть.

Следующие два часа я провел, то слоняясь по улице в плаще, позаимствованном у кучера, то попивая кофе в кофейне на углу улицы, пока кучер следил за домом, делая вид, что поджидает кого-то возле входа в расположенный неподалеку сквер. Я и представить не мог, что следить за кем-то так утомительно! Ничего не происходит час за часом, тебе скучно и досадно, а ты при этом еще должен оставаться незамеченным или хотя бы неузнанным! Боюсь, мне придется попросить у Мернейта помощи его констеблей, хотя мое достоинство джентльмена запрещает выставлять на обозрение наши семейные тайны! Ты ведь не будешь против, если я поделюсь с ним? В конце концов, он – первый, кто заинтересован в твоём разводе, после тебя самой, конечно же!

Все же, я дождался, когда твой муж выйдет из особняка, и последовал за ним в кебе – кучеру экипажа я велел узнать у слуг, посыльных или кого он там еще мог расспросить, кто проживает в этом прелестном белом особняке. Больше сегодня меня не ожидало ничего интересного – Эдмунд отправился в какой-то клуб, где, должно быть, обедают такие же дельцы, как он. Мне оставалось только возвращаться в дом Гренвилла и дожидаться кучера, но тот приехал раньше меня. Несколько монет и обаятельная улыбка помогли ему договориться с цветочницей – она каждый вечер бродит по этой улице в надежде, что джентльмены купят у нее цветочек для своей дамы. По ее словам, в доме живет какая-то леди приятной внешности, с виду весьма респектабельная, но она редко выезжает и не устраивает приемы у себя. Кроме одного джентльмена, видимо, это и есть твой муж, даму эту никто не посещает, что отнюдь не удивляет цветочницу. Несколько домов на этой улице занимают такие же прелестные леди, и платят за особняки, кареты и прислугу джентльмены, которые вовсе не являются их мужьями. Увы, дорогая, после этого циничного и в то же время невинного свидетельства я не сомневаюсь, что в этом доме живет любовница твоего мужа. Как бы я ни был зол на него, мне следует порадоваться, что я догадался поступить подобным образом, и скоро ты избавишься от него навсегда! В ближайшие дни я постараюсь увидеть эту леди, может быть, даже проникнуть в дом и узнать ее имя, чтобы получить подтверждение неверности Стоунвилля. После этого, что бы там ни говорил твой отец, мы займемся бракоразводным процессом. Но не прежде,

чем наши бедные друзья вернут сына. Ты не будешь удивлена, когда я скажу тебе, что горе Уильяма сопоставимо только с его яростью, но что вызывает удивление – это его тоска по Эмили. Я не в силах злиться на него сейчас или напоминать, как дурно он поступил, променяв это сокровище на красоту миссис Рэйвенси, ведь я сам был сражен этой красотой. Надеюсь лишь, что перенесенное потрясение поможет моему другу, а я готов вновь назвать его другом, понять, наконец, как много лет семейного счастья он пропустил, и постараться наверстать упущенное. Я даже сам готов просить Эмили простить его. Лишь бы только она все еще хоть немного его любила!»

– Думаю, в этом можно не сомневаться, – пробормотала Джейн. – Неужели Уильям... Это подобно чуду о прозрении слепого, и я не поверю в это, пока сама не увижу, как он просит прощения у Эмили! Но если Ричард прав, несчастье может обернуться радостью для них троих! Только бы поскорее нашелся Лори!

С той же самой молитвой, что повторяла ее подруга, миссис Стоунвилль забралась в постель.

Ранним утром составить компанию за завтраком и проводить подруг вышли только Кэролайн и Филипп. Остальные домочадцы, измученные предыдущей бессонной ночью и тягостным днем, еще не покидали своих комнат.

– Я написала записку Сьюзен, – Джейн передала Кэролайн свернутый листок бумаги. – Отправь ее прежде, чем Сьюзен и Генри сами приедут сюда.

Из опасений повредить состоянию Сьюзен о похищении Лори Говардам не сообщили. Эмили написала лишь, что отправилась навестить мать и пригласила с собой Джейн. Вчера от Сьюзен пришло письмо, в котором она сообщала о намерении вскоре навестить подруг, по которым успела сильно соскучиться за последние дни, когда плохая погода и мучившая ее тошнота не позволяли выходить из дома.

– Как ты объяснила наш внезапный отъезд? – Эмили совершенно позабыла о письме Сьюзен и была благодарна Джейн за то, что та была так внимательна. Уитмены сейчас не нуждаются в гостях, и скрыть свое горе от Говардов им тем более не удастся. Лучше уж пусть Сьюзен ничего не узнает, как и другие соседи Гренвиллов. Суперинтендент Миллз пообещал своему мнимому племяннику хранить похищение мальчика в секрете, но вполне надеяться на его сдержанность, и особенно на молчание миссис Миллз, не следовало. Пока еще, кажется, слухи не распространились в Торнвуде, и пусть бы так и оставалось до самого возвращения мальчика

домой. Впрочем, меньше всего леди Гренвилл и ее близкие сейчас думали о слухах, в отличие от многих людей их круга, которые обычно прилагали всевозможные усилия, чтобы скрывать свои семейные неприятности, выставляя наружу лишь благообразный фасад.

– Дурным настроением, охватившим тебя в доме родителей. Я написала, что мы решили провести несколько дней в Лондоне, где Уильям уже заскучал в одиночестве, но скоро вернемся и устроим первый весенний пикник. Думаю, еще три-четыре дня, и погода позволит завтракать на траве, если только не будет слишком сыро.

Кэролайн с энтузиазмом подхватила идею, и Эмили была благодарна им обеим за молчаливую уверенность, что через несколько дней Лори будет дома.

По дороге в Лондон Эмили и Джейн почти не разговаривали. Обе обдумывали полученные накануне письма и размышляли, стоит ли поделиться с подругой теми подробностями, о которых каждая из них умолчала. Наконец, Джейн заметила, что в глазах Эмили вновь заблестели слезы, и решила отвлечь ее рассказом о похождениях Ричарда, взявшегося за непривычную ему роль шпиона.

Эмили выслушала историю со всем вниманием и выразила Джейн сочувствие, но миссис Стоунвилль отмахнулась от него.

– Два месяца назад мне было бы очень больно узнать о неверности Эдмунда, но сейчас, когда я сама неверна ему в своем сердце, надо только радоваться, что скоро у меня появится основание расторгнуть брак.

– Твоему отцу это не понравится, ведь у него общие дела со Стоунвиллем, – озабоченно нахмурилась Эмили. – Боюсь, для него супружеская измена Эдмунда покажется недостаточным поводом для развода.

– Как бы там ни было, я не останусь женой Стоунвилля! Даже если отец лишит меня своей поддержки! – за свою любовь Джейн была готова бороться с той же решительностью, с какой прежде боролась за свое благосостояние. И Эмили находила эту новую причину куда более стоящей.

– Я даже не могу выразить, милая моя подруга, как я рада, что подлинная любовь осветила твою жизнь! – несколько вычурно, но искренне заявила леди Гренвилл. – Уверена, лорд Мернейт достаточно состоятелен для того, чтобы ты не пожалела о браке с ним. И мистер Несбитт, когда поймет, что ты счастлива, простит тебя, если вообще будет сердиться. Ведь у него нет другой дочери!

Джейн покраснела от непривычного для нее смущения. Еще полгода назад она была уверена, что любит или же очень скоро полюбит Эдмунда,

которого сочла достойным стать ее супругом. А сейчас она явственно понимала, насколько то, так быстро исчезнувшее чувство было бледнее и слабее нынешнего. На месте Стоунвилля мог оказаться любой достаточно привлекательный джентльмен, лишь бы он был богат, но лорд Мернейт стал для нее единственным!

Эмили с легкой улыбкой наблюдала за подругой. В темной пучине последних двух дней мысль о том, что Джейн будет по-настоящему счастлива, казалась ей якорем, за который можно уцепиться, чтобы не позволить горю поглотить себя, лишив всякой надежды.

Поколебавшись немного, она тоже разоткровенничалась и поведала Джейн о тех словах Уильяма, которые не шли у нее из головы, несмотря на все переживания о Лоренсе.

– Что ты на это скажешь, Джейн? Права моя тетя, когда говорит, что в минуты глубоких страданий мужчина вспоминает о своей жене? Или миссис Рэйвензи наскучила ему?

– Тебе лучше спросить об этом его самого, – миссис Стоунвилль не перестала сердиться на Уильяма после рассказа Эмили о теплых строках письма, но, хоть сама она и не собиралась прощать своего неверного мужа, тем не менее считала, что лорд Гренвилл может заслужить прощение, если хорошенько попросит. – Ты же не веришь, что можешь быть счастливой вдали от Гренвилл-парка, как бы серьезны ни были твои намерения уехать с Люси и леди Боффарт. Так попробуй объясниться с Уильямом и начать строить вашу супружескую жизнь по-другому. Его увлечение Агнесс Рэйвензи говорит о том, что он утешился после смерти Луизы, но совсем необязательно думать, будто он настолько сильно любит эту женщину, чтобы жениться на ней!

– Она красива, умна и подходит ему... – как ни было грустно сознавать это, именно так Эмили и думала.

– То же самое можно сказать и о тебе, дорогая! Когда ты перестала носить эти скучные бледные платья, начала чаще улыбаться и больше танцевать на балах, на тебя начали обращать внимание джентльмены. И среди них лорд Гренвилл! Порой мне казалось, что вам осталось сделать лишь несколько шагов друг к другу, но всякий раз как будто что-то мешало...

– Я и сама так думала, – согласилась Эмили. – Кажется, он даже проявлял признаки ревности, а когда я заговаривала о том, что хотела бы иметь дочь, он смущался, но не слишком возражал... И все же этот шаг мы так и не сделали, а потом появилась миссис Рэйвензи.

– Кто знает, может быть, ты еще будешь ей благодарна за то, что она

вытащила Уильяма из его кельи, – предположила Джейн. – Она сделала то, что не удалось тебе, а теперь должна уступить тебе твое законное место рядом с ним!

– Когда мы найдем Лори, я подумаю об этом, – бледная улыбка Эмили погасла, ее мысли вновь вернулись к потерянном ребенку.

Миссис Стоунвилль согласилась с подругой, а вскоре они уже въезжали в город.

Уильям и лорд Мернейт встречали их в холле. Эмили тихо охнула, увидев в бледном свете пасмурного дня, каким невероятно постаревшим выглядит ее муж. Лорд Гренвилл вдруг напомнил ей отца в те дни, когда лорд Уитмен считал, что его младшая дочь погибла.

Она успела сделать лишь три шага по зеленым мраморным плитам холла, когда Уильям подбежал и крепко обнял ее.

– О, Эмили, как нам найти нашего мальчика? – шептал он, прижимаясь щекой к теплому фетру ее шляпки.

– Если нужно, мы перевернем всю страну, зайдем в каждый дом, но мы найдем его! – пробормотала она, чувствуя, что его слабость дает ей силы. Во все времена было именно так, и их пара ничем не отличалась от тысяч других, но разве сейчас это имело значение? Были только они двое, сильный измученный мужчина и его хрупкая опора, без которой он потерялся бы, рассыпался на части, забыл, кто он есть и чему должен служить...

Судя по взгляду лорда Мернейта, он точно так же хотел бы обнять Джейн, но не осмелился, хотя молодая леди явно не была бы против. Ричарда в особняке не оказалось, очевидно, он вновь отправился следить за Эдмундом Стоунвиллем, так как ни лорд Гренвилл, ни лорд Мернейт не смогли сообщить дамам, по каким делам ушел их друг.

Позже, в гостиной, Мернейт рассказывал о том, что было предпринято для поисков Лори. Увы, жители расположенных неподалеку от поместья лорда Уитмена ферм не видели экипажа, в котором увезли мальчика, и внимание полиции было сосредоточено на всех возможных недоброжелателях, каких только смог припомнить Уильям. Но и на этом пути лорд Мернейт не мог похвалиться какими-либо успехами, видимо, поэтому он неожиданно обратился к Эмили.

– Быть может, мы выбрали не тот путь, и похитителя следует искать среди недругов леди Гренвилл? Какой-нибудь отвергнутый поклонник или девушка, которой он пренебрег ради вас?

Леди Гренвилл неловко улыбнулась на это предположение и заверила Мернейта, что у нее в жизни не было поклонников. Джейн тоже не

сдержала улыбку, подумав о Ричарде, которого можно было назвать самым преданным другом леди Гренвилл. Но не Ричард же, в самом деле, похитил сына лорда Гренвилла, чтобы отомстить старому другу за обиду, нанесенную Эмили!

– Что ж, тогда нет ли возможности, что кто-то был влюблен в вашу сестру и затаил ненависть к лорду Гренвиллу, такую глубокую, что и после смерти первой леди Гренвилл эта ненависть заставляет его совершать ужасные поступки? – Мернейт, кажется, был готов ухватиться за любую, самую невероятную возможность, лишь бы нащупать дорогу в окружавшем его тумане.

Лорд Гренвилл недоумевающе пожал плечами и покачал головой. Ему бы и в голову не пришло рассуждать о возможных поклонниках Луизы, и предположение Мернейта показалось ему нелепым.

В отличие от его жены. Эмили судорожно вдохнула и посмотрела на Джейн. О, да, такой человек существовал, и обеим леди было о нем известно. Но подумать о нем, как о похитителе Лори... Возможно ли?

Проницательный молодой сыщик заметил смятение обеих подруг и уже был готов задать вопрос, когда в комнату буквально ворвался Ричард, по пути опрокинув столик для рукоделия.

– Я нашел Лори! – воскликнул он и замер, тяжело дыша.

Слова Соммерсвиля застали всех присутствующих врасплох, но уже через мгновение лорд Гренвилл и Мернейт вскочили на ноги, а Эмили и Джейн последовали за джентльменами лишь с секундной задержкой.

– Где он? – срывающимся голосом спросил Уильям и бросил взгляд на дверь, словно надеясь, что его сын сейчас войдет в комнату.

– Он у нее! Я узнал, кто эта женщина! – Ричард обращался к Джейн, и обе подруги поняли, что речь идет о даме, которую посещал Эдмунд Стоунвилль. – Лори находится в доме миссис Рэйвенси!

– Ты позволил своей любовнице похитить нашего сына? – Эмили в ярости обернулась к мужу.

– Любовнице? – растерянно переспросил Уильям. Мернейт удивленно поднял брови, но леди Гренвилл уже ни на что не обращала внимания.

– Едем туда, скорее! – Она смотрела на Ричарда, как на своего спасителя, и лорд Гренвилл почувствовал себя одиноким и покинутым. Совсем как прежде...

– Пойдите! Сначала мы должны больше узнать о том, что там происходит. Ворваться в незнакомый дом означает подвергнуть ребенка опасности! – решительный голос Мернейта прозвучал отрезвляющие, но Эмили с трудом смогла согласиться, что их друг прав.

– Расскажи, как тебе удалось узнать, где именно находится Лоренс! – потребовал Мернейт, когда по его настоянию все уселись вокруг стола, заваленного бумагами и старыми письмами, среди которых лорд Гренвилл тщетно пытался найти следы своего врага.

Соммерсвилль взглянул на сестру, и Джейн кивнула, позволяя ему говорить. Сейчас было не до того, чтобы сохранять в тайне расследование Ричарда. К тому же она и сама была поражена тем, что женщиной, к которой ездил ее муж, оказалась Агнесс Рэйвенси!

– Я собирался в Лондон, чтобы проследить за Стоунвиллем и узнать что-то, что помогло бы моей сестре избавиться от него, добиться развода! – начал Ричард, и лорд Мернейт задумчиво коснулся своего лица, словно хотел дотронуться до усиков, от которых, как оказалось, он успел избавиться. Выходит, маскарад с мистером Риддлом закончен, невольно отметила для себя Эмили.

– Если бы не похищение Лори, я отправился бы чуть раньше, но, так или иначе, я не собирался сидеть в доме Уильяма и ждать новостей,

бездействие угнетает меня, – продолжил Соммерсвилль. – Вчера я большую часть дня провел, наблюдая за тем, куда ездит Эдмунд, и увидел, как муж моей сестры заходит в небольшой, но вполне респектабельный дом. Я не был удивлен, когда узнал, что в доме проживает красивая леди, и даже порадовался этому, ведь теперь у Джейн появится возможность добиться развода. Но нужно было выяснить, действительно ли эта дама – любовница Эдмунда. Что, если он навещал ее по какому-то другому делу? Я не мог допустить ошибки, которая стоила бы моей сестре скандала и разочарования, и сегодня утром вновь поехал на ту улицу. Стоунвилль должен был быть в конторе, и я собирался проникнуть в дом под любым предлогом и узнать, кто там живет. Самым простым решением показалось мне позвонить у дверей, но от этой идеи я быстро отказался. Что, если любовница Стоунвилля когда-нибудь видела меня и может узнать? Она могла бы уехать куда-нибудь, найти себе другой дом, и тогда поиски пришлось бы начинать сначала. Думал я и о том, чтобы пойти в контору к этому негодяю и прямо обвинить его в неверности и дурном отношении к своей жене...

Ричард умолк, чтобы перевести дух, но нетерпеливые взгляды слушателей побудили его не затягивать паузу.

– Словом, я решил, что неплохо было бы заглянуть в окна дома – наверняка гостиная этой дамы находится на первом этаже, и я мог бы рассмотреть эту женщину. Нечего было и думать о том, чтобы проявлять неуместное любопытство прямо на улице, по которой ездили экипажи и то и дело прогуливался констебль. Тогда я попробовал подобраться к дому с другой стороны. За особняком должен был находиться сад или хотя бы небольшой дворик, и я постарался запомнить, каким по счету будет этот дом от угла улицы, а затем обошел квартал и выбрался, к своей радости, в проулок между рядами заборов, отделяющих садики и дворы от узкой улочки. В проулок выходили калитки и ворота, через которые, должно быть, сновали посыльные и торговцы. Мне пришлось подождать, пока две служанки заберут с тележки торговца какие-то ящики, затем проулок опустел... – Соммерсвилль чувствовал, что излишние подробности только раздражают Эмили и Уильяма, но он боялся упустить что-то важное, и в этом лорд Мернейт целиком и полностью поддерживал его. – Итак, отсчитав нужный дом, я увидел такой же глухой кирпичный забор и запертую калитку. Что мне было делать? Сперва я хотел приказать кучеру остановить экипаж около забора и перебраться на него с крыши кареты.

Джейн смотрела на брата с восторгом и удивлением – она не представляла, что ради нее Ричард может рискнуть навлечь на себя

неприятности. Ведь если бы его кто-то увидел – сочли бы за вора, и доказывать обратное пришлось бы очень и очень долго.

– Я уже сделал несколько шагов к выходу из проулка, когда заметил, что ограда соседнего дома выглядит неухоженной, как будто в доме никто не живет. Возможно, так оно и было, и я решил попробовать забраться на эту ограду, используя отверстия от выпавших кирпичей... После нескольких не очень удачных попыток мне это удалось, – друзья только теперь обратили внимание на потрепанный вид Соммерсвиля, очевидно, его эскапада стоила ему немалых усилий. – Ширина забора позволяла проползти по нему несколько ярдов, после чего я смог, наконец, увидеть, что находится за оградой соседнего дома. Как я и ожидал, там был небольшой садик, отделенный живой изгородью от мощеной дорожки, которая вела от калитки к боковому входу в дом. Не позволяя себе долго раздумывать, я спрыгнул на землю рядом с дорожкой, пока меня не заметили из окон всех близлежащих домов!

– Это было весьма опрометчиво, – покачал головой Мернейт, но в его тоне слышалась зависть – похоже, он считал, что это он должен был разоблачать интриги мужа своей возлюбленной.

– Продравшись сквозь живую изгородь, я, пригибаясь и прячась за разросшимися кустами роз, подкрался к дому. Посмотрев на окна, я выбрал два, достигающие до самого пола, так, что через них можно было выйти прямо в садик, и решил, что это и есть гостиная таинственной леди. Рассмотреть что-нибудь сквозь первое окно я не смог из-за тюлевых занавесей, но на втором они, к моей удаче, были задернуты неплотно, как будто кто-то недавно выходил в сад и вернулся. Это и позволило мне заглянуть в окно и увидеть стоящую ко мне спиной женщину. Она наклонилась к чему-то... или кому-то – тогда я не подозревал, что предстанет перед глазами минутой позже, только ждал, когда она обернется. При этом я боялся, что она может захотеть снова выйти в сад, и заметит меня! Но вот она повернулась и прошла к креслу или дивану, край которого я мог видеть со своего места. И я тут же узнал в ней миссис Рэйвенси! Это поразило меня, но всего лишь на мгновение, потому что теперь я смог увидеть то, что заслоняла ее пышная юбка. Посреди комнаты стоял Лоренс!

Эмили сдавленно охнула, Уильям шумно вздохнул.

– Как он выглядел, он здоров? – поспешно спросила Джейн, понимая, что родители ребенка онемели от охватившего их волнения.

– Кажется, он плакал и кричал, но я не мог расслышать, что именно, – Ричард виновато покосился на Гренвиллов. – Но выглядел вполне

здоровым. Думаю, он ссорился со своей похитительницей.

– Мерзкая, гадкая женщина! – пробормотала Джейн, но тут же спохватилась. – Так что было дальше, она тебя не заметила?

– Первым моим порывом было разбить окно, вбежать в гостиную и унести Лори, – с чувством ответил ей брат. – Я уже примерялся, как бы ударить по раме, чтобы выбить задвижку, когда подумал, что не могу этого сделать.

– Почему, почему ты не привез его? – леди Гренвилл судорожно стиснула пальцы.

– Она должна понести наказание за свое злодейство! – вместо Соммерсвиля уверенно заявил Мернейт. – Если бы Ричард забрал ребенка, полиции не удалось бы доказать вину миссис Рэйвензи. К появлению констеблей ее, скорее всего, уже не было бы в доме.

– Так что же нам делать? – Лорд Гренвилл повернулся к сыщику, признавая за ним право принимать решение.

– Я немедленно пошлю сообщение в полицию, а через четверть часа мы с вами и Соммерсвилем отправимся туда, заберем вашего сына и передадим эту женщину в руки правосудия. А также и ее сообщников!

– Эдмунд... Это он виновен в похищении Лори? И во всем остальном? – помертвевшим голосом спросила Джейн.

– Полагаю, так оно и есть... – кивнул Мернейт. – Правда, я пока не понимаю причины...

Он не договорил, его перебила Эмили.

– Я тоже поеду с вами! Я не стану сидеть здесь и ждать, пока Уильям уговорит свою любовницу вернуть Лори!

– Любовница? Ты уже второй раз произносишь это слово, Эмили! О чем ты говоришь? – лорд Гренвилл с удивлением и едва ли не раздражением смотрел на жену. – Разве ты не слышала, что говорил Ричард? К миссис Рэйвензи приезжал Эдмунд, а вовсе не я! Неужели ты думаешь, что у меня могли быть какие-то отношения с этой женщиной?

– Как ты смеешь отпираться, когда весь Торнвуд вот уже много месяцев только и судачит о вашем романе? – от возмущения молодая женщина едва не задыхалась, и за нее продолжил Ричард.

– Бога ради, Уильям! Что толку отрицать то, что всем известно? Сперва я не понял, каким образом с ней связан Стоунвилль, не могла же она быть любовницей вас обоих? Или могла? Об этом я думал по дороге сюда, но теперь, после слов Мернейта о сообщнике, думаю, что она помогала ему совершить это преступление, а может быть, это он помогал ей. И это ты должен ответить нам, почему она так поступила. Ты решил ее

оставить, и она захотела отомстить? Или ей недостаточно содержания, которое ты ей выделил?

– Черт возьми, прекратите уже нести этот вздор! – Лорд Гренвилл вскочил на ноги, лицо его побагровело, и Джейн невольно подалась назад на своем стуле. – У меня никогда не было романа с миссис Рэйвенси! Никогда! И я понятия не имею, почему она и Стоунвилль решили украсть моего сына!

– Это не вздор, в Торнвуде уже много месяцев обсуждают внезапный отъезд директрисы пансиона и ваш роман, – Мернейт ненадолго выходил из комнаты, очевидно, чтобы послать за констеблями, и теперь стоял на пороге, оглядывая взволнованные лица друзей. – Разве до вас не доходили эти сплетни?

– Вот именно, сплетни! – рявкнул Уильям. – Кто-то сказал мне, и я посмеялся над этой болтовней. Неужели ты могла этому поверить, Эмили? Почему не спросила меня сразу же? Эта твоя проклятая гордость! Все это время ты злилась на меня из-за этих слухов и молчала?

– Я сама видела вас! Ты обнимал ее в нашей аллее! – Эмили тоже поднялась и теперь злобно смотрела на мужа, и, если бы не разделяющий их стол, она, должно быть, дала бы ему пощечину. Или даже две. Как мог он так бессовестно лгать?

– Ты... видела? – лорд Гренвилл от удивления даже заговорил тише. – Тебе, должно быть, что-то показалось, с какой бы стати я стал обнимать эту женщину?

– Вот именно, с какой? – язвительно фыркнула леди Гренвилл. – Если только вас не связывают особые отношения!

– Пожалуйста, поверь мне, это все какое-то недоразумение... – Гнев Уильяма стих, когда он посмотрел сперва на Джейн, потом на Ричарда, ища у друзей поддержки своим словам, а вместо нее заметил глубокое неодобрение. – Неужели вы все верите, что это правда?

– В тот день, когда Джейн приехала сообщить нам о своей помолвке, Агнесс появилась чуть раньше и вызвалась позвать тебя в гостиную, ты в это время прогуливался в алее, – монотонно заговорила Эмили, и ее подруга с тревогой посмотрела на нее – что, если всего этого слишком много для хрупкого организма молодой женщины? И она вот-вот упадет в обморок или, того хуже, станет жертвой нервной горячки?

– Я помню, как мы поздравляли Джейн с помолвкой, – согласился Уильям. – Твоя тетушка была в гостиной и, должно быть, миссис Рэйвенси тоже, раз уж ты так говоришь. Но чтобы я обнимал ее... Это невозможно!

– Оставь эту ложь наконец! Я посмотрела в окно и увидела, как вы

стоите обнявшись! – Леди Гренвилл повернулась к Мернейту: – Мы можем ехать? Я не хочу больше стоять тут и выслушивать эти нелепые оправдания, когда мой ребенок плачет и задается вопросом – почему родители не заберут его от этой ведьмы?

– Я бы посоветовал вам остаться... – начал лорд Мернейт, но тут же сдался, заметив, каким огнем горят глаза Эмили. – Хорошо, едемте! Поговорить о миссис Рэйвенси мы можем и по дороге. Замечу только, что мне известно только об одном мужчине, который приезжал к ней, и этот мужчина – мистер Стоунвилль.

– Вы следили за моим мужем? – Джейн уже направлялась вслед за Эмили к двери, но слова Мернейта заставили ее остановиться прямо перед ним.

– Как и ваш брат, я хотел проникнуть в его секреты и найти способ избавить вас от тягостного замужества, – не без смущения ответил джентльмен. – Жаль, что Ричард сразу не раскрыл мне свои намерения...

– Это было не вполне удобно... – миссис Стоунвилль покраснела. Неизвестно, до каких объяснений дошла бы эта пара, если бы лорд Гренвилл не окликнул их из коридора.

Уместиться впятером в экипаже было не так-то просто, но Джейн решительно отказалась оставлять подругу в такой момент. К тому же ей хотелось взглянуть в глаза миссис Рэйвенси, ставшей причиной несчастья двух семей. Пришлось Мернейту усесться рядом с кучером, что позволило пассажирам кареты говорить более откровенно.

– Чего я не понимаю, так это почему твой муж превратил нашу жизнь в кошмар, – обратился Уильям к Джейн, едва все кое-как устроились. – Он много лет не жил в Англии, а прежде мы и вовсе не были с ним знакомы... Навряд ли ему нужны деньги, которые я мог заплатить как выкуп за своего сына. Значит, причина в другом...

– Может быть, все дело в миссис Рэйвенси? – предположил Ричард, недоумевающий так же, как и его друг. – Ее ребенок погиб, от чего рассудок любой матери может помутиться. Она всегда выказывала привязанность к Лори, не могла ли она вообразить, что он должен стать ее сыном?

– Возможно... Но как это связано с письмом женщины, которой я будто бы нанес обиду? И с сообщением о смерти Кэролайн? Не говоря уж о хитроумном мошенничестве, жертвой которого стала моя бабушка!

– Тут как раз нет ничего удивительного, – пожал плечами Соммерсвилль. – Тот, кто так ловко провел леди Пламсбери, должно быть, приобрел целое состояние!

– Верно, и все же... – лорд Гренвилл хотел добавить что-то еще, но

внезапно понял, что говорят только они с Ричардом. – А почему молчат наши дамы? Я плохо знаю вас обеих, если окажется, что вам не известно о происходящем больше, чем мне или Соммерсвиллю!

– Ты полагаешь, мы стали бы скрывать сведения о похитителе? – несмотря на то, что Уильям так упорно отрицал связь с миссис Рэйвенси, Эмили не готова была в это поверить. Хотя его возмущение казалось вполне искренним.

– Нет, но я заметил, как вы разволновались, когда Мернейт говорил о том, что нашим врагом может быть кто-то из поклонников Эмили... или Луизы. Как раз перед тем, как появился Ричард...

Джейн взглянула на подругу. В сумеречном свете экипажа леди Гренвилл казалась не живой женщиной, но полупрозрачным призраком, появляющимся в старых домах, чтобы возвестить об очередной семейной трагедии. По мнению миссис Стоунвилль, сейчас был самый подходящий момент, чтобы рассказать лорду Гренвиллу о том, как Эдмунд Стоунвилль был связан с семьей лорда Уитмена. Эмили догадывалась, о чем думает ее подруга, но не могла вымолвить ни слова. Тайна прошлого, которую она так тщательно хранила от Уильяма, оберегая его от страданий, не должна была выходить на свет после смерти Луизы, но, если из-за этой тайны происходят несчастья в настоящем, хранить ее дольше опасно и глупо. Что стоит задетое самолюбие лорда Гренвилла по сравнению с благополучием его сына?

Эмили глубоко вздохнула и слегка наклонила голову, соглашаясь с Джейн – настал момент открыть истину.

– Ваш таинственный вид заставляет меня воображать всякие ужасы! – возмутился Ричард. – Через четверть часа мы будем у дома миссис Рэйвенси, пора бы вам рассказать о том, что вы скрываете!

– До того, как Луиза вышла замуж за Уильяма, у нее был поклонник, – жалея подругу, Джейн решила заговорить первой. – Леди Уитмен была против их брака, как и леди Пламсбери. Обе эти дамы мечтали поженить Луизу и Уильяма, и не собирались отказываться от своих планов. Тогда этот молодой человек уехал из Англии, с тем, чтобы вернуться спустя много лет...

– Неужели этот человек – Эдмунд? – Ричард смотрел на сестру с ужасом, в то время как Уильям, казалось, ошеломлен и не находит слов. – И ты вышла за него замуж, зная об этом?

– Да, Эдмунд Стоунвилль когда-то любил Луизу, но он убедил меня, что это чувство осталось в прошлом, как и вся его прежняя жизнь. – Печаль в словах Джейн говорила о том, как велики ее переживания из-за

неудавшегося брака, несмотря даже на появление в ее жизни Чарльза Мернейта.

– Луиза тоже любила его? – лорд Гренвилл повернулся к Эмили. – Она стала моей женой против воли, по настоянию матери и моей бабушки?

– Я ничего не знала о ее чувствах, – искренне ответила Эмили. – О существовании этого поклонника мне стало известно чуть больше года назад, когда я увидела на шее мисс Феллоуз кулон, когда-то принадлежавший Луизе.

– Мисс Феллоуз? При чем здесь она?

– В Италии мистер Стоунвилль решил начать новую жизнь и, чтобы окончательно порвать с прошлым, разыграл свою смерть, последовавшую за какой-то болезнью, – терпеливо объяснила Джейн. – Кулон Луизы, ее подарок, он отдал своему другу, чтобы, по его словам, ничего не напоминало ему о несчастной любви. Этот друг был поклонником мисс Феллоуз и подарил кулон ей.

– Когда я увидела его, сразу же узнала, другого такого камня быть не могло! – подхватила Эмили. – К тому же на оправе Луиза выцарапала первую букву своего имени. Миссис Феллоуз вернула мне кулон, а тетушка Розалин позже рассказала всю историю. Она не назвала имени Эдмунда, и только после помолвки Джейн мы узнали от тети, что мистер Стоунвилль и есть тот самый поклонник Луизы!

– Как он мог столько лет хранить в себе ненависть к вашей семье? – Ричард грустит при упоминании мисс Феллоуз, но рассказанная его сестрой и Эмили история казалась такой невероятной, что Соммерсвилль быстро отвлекся от своих сердечных переживаний.

– Если человек способен инсценировать собственную смерть, возможно, его разум пострадал из-за переживаний, – глухо произнес лорд Гренвилл. – Выходит, леди Боффарт было известно о романе Луизы и Стоунвилля...

– Тетушка сочувствовала им и пыталась уговорить матушку разрешить этот брак, но переубедить кузину ей не удалось. Из-за этого они и поссорились, – призналась Эмили.

– Луиза не была счастлива со мной... А мне это и в голову не приходило... – пробормотал Уильям.

– Возможно, она не так уж сильно любила Эдмунда и быстро утешилась, ты окружил ее такой любовью и заботой... Какая женщина устоит перед этим? – Эмили против своей воли пыталась утешить его, но в ее голосе невольно прозвучала горечь.

Лорд Гренвилл глубоко вздохнул и несколько мгновений сидел молча,

безразлично глядя в окно на проносящиеся мимо дома.

– Что ж, как бы там ни было, все это уже в прошлом. Моя первая жена умерла, и ее тайны ушли вместе с ней. Сейчас имеет значение моя нынешняя семья и мой сын. Если этот человек причинит ему вред... – угрожающий тон Уильяма говорил сам за себя.

Эмили подумала, что это известие задело бы ее мужа намного сильнее, доведись ему узнать о первой любви Луизы в другой обстановке, когда тревога за Лори не отвлекала бы его мысли. Что ж, теперь он знает правду, и ей больше не надо оберегать его от случайных слов леди Боффарт или от Джейн, которая часто сердилась на него за невнимание к Эмили и грозила раскрыть ему глаза на фальшивую идиллию его первого брака.

Экипаж остановился в начале улицы, и лорд Мернейт распахнул дверь.

– Я попрошу констебля караулить со стороны проулка, чтоб никто не мог сбежать через калитку, – сообщил он. – А сами мы позвоним в дверь.

– Что, если нам не откроют? Наверняка прислуге приказано не пускать никого в дом! – возразила Джейн.

– Тогда мы выломаем дверь! – Лорд Гренвилл был готов действовать решительно и не собирался щадить миссис Рэйвенси, даже если она украла ребенка в припадке безумия.

– Может быть, попробуем войти через калитку в сад? – предложил вдруг Ричард.

– Но ты же сам сказал, что калитка заперта? – сестра удивленно обернулась к нему.

– Вы не спросили меня, как мне удалось выбраться из сада, – усмехнулся Соммерсвилль. – Подняться на забор с обратной стороны не было никакой возможности, в отличие от соседнего дома, та ограда не может похвастаться выпавшими кирпичами.

– И как же ты вышел на улицу? – поощрила брата Джейн.

– Через калитку, – лукаво улыбнулся Ричард. – Оказалось, что она заперта на простой засов. Я отодвинул его и выскользнул на улицу, а калитку плотно прикрыл. Если меня никто не заметил, и служанкам не понадобилось зачем-либо выйти из дома, калитка до сих пор не заперта!

– Что ж, если так и есть, это упрощает дело! Мы войдем в гостиную, как ты и собирался! – оживился Мернейт. – А констебли пусть стерегут парадный вход и присматривают за калиткой. Обождите несколько минут, я заберу у них необходимые бумаги. Мы не можем просто так вламываться в чужой особняк!

Друзьям оставалось только порадоваться предусмотрительности Мернейта и ждать. Он вернулся довольно скоро в сопровождении дюжего полицейского, которому велел караулить в проулке. Сам же Мернейт жестом предложил Соммерсвиллю указывать дорогу, а за обоими джентльменами осторожно двинулись и дамы с лордом Гренвиллом, замыкающим шествие.

Как и обещал Ричард, калитка была не заперта, а за ней оказался маленький, но уютный садик. Высокие французские окна указывали на гостиную миссис Рэйвенси, и лорд Гренвилл едва сдержал себя, чтобы не

броситься к дому бегом.

Мернейт быстрым взглядом окинул все окна, но никого не увидел. Слуги были заняты своей работой, а миссис Рэйвенси, должно быть, присматривала за Лори.

– Идемте, – скомандовал он и принялся первым раздвигать кусты живой изгороди, чтобы помочь дамам пролезть сквозь брешь в сад.

Эмили не волновало, порвет ли она свою пелерину, намного больше ее раздражала хромота, не позволявшая двигаться так быстро, как ей бы хотелось. Уильям протянул ей руку и буквально протащил через кусты, Ричард помог сестре, и все пятеро направились к дому.

Мернейт добрался первым и, не делая попытки постучать, внезапно резко ударил ногой по раме в том месте, где должна была находиться защелка. Треск и звон разбитого стекла сопровождал женский вскрик, и Мернейт устремился вперед, а следом за ним и лорд Гренвилл, так и не отпустивший руку своей жены. Ричард и Джейн вошли последними, когда Уильям уже спрашивал Агнесс самым угрожающим тоном:

– Где мой сын?

– Что вы здесь делаете? Как вы посмели вломиться в мой дом? – выражение испуга еще не сошло с лица Агнесс, но она очень быстро приходила в себя.

– Не беспокойтесь, миссис Рэйвенси, у нас есть на это право, – Мернейт любезно улыбнулся, но от этой улыбки женщина вздрогнула. – Мы разыскиваем похищенного сына лорда Гренвилла, и вам лучше сообщить, где он.

– Какое отношение я имею к сыну лорда Гренвилла? – хорошо разыгранное возмущение никого не смогло обмануть.

Дверь распахнулась, и испуганная служанка ахнула при виде разбитого окна и многочисленного общества, собравшегося в гостиной ее госпожи.

– О, вы очень кстати, – Мернейт тут же повернулся к девушке. – Сейчас вы проводите эту леди и этого джентльмена в комнату, где находится маленький лорд. И сделаете это очень быстро, если не хотите проследовать в тюрьму вместе с констеблем, который на улице только и ждет, кого бы ему захватить с собой!

Напуганная еще больше, девушка часто закивала, и Мернейт взмахнул рукой, приглашая Уильяма и Эмили следовать за горничной.

– Дора! Ты не должна... – вскрикнула миссис Рэйвенси, но Ричард перебил ее.

– Как вы могли так жестоко поступить с вашими друзьями? Эмили была так добра к вам!

Не дожидаясь ответа этой женщины, Гренвиллы поторопились за служанкой, которая провела их коротким коридором и принялась подниматься по лестнице.

Из-за обитой зеленым сукном двери в противоположном конце коридора показался лакей и в недоумении воззрился на неизвестно откуда появившихся гостей. Однако лорд Гренвилл одарил его таким взглядом, что парень невольно втянул голову в плечи и тут же исчез за дверью.

Эмили едва ли не взбежала по ступеням, позабыв о больной ноге, и остановилась за спиной у служанки в тот самый момент, когда Дора поворачивала ключ в одной из выходивших в коридор дверей. Распахнув дверь, девушка поскорее отошла в сторону, и Эмили вбежала в комнату, за ее руку цеплялся Уильям.

– Лори, милый, ты здесь!

– Мой мальчик!

– Отец! Тетя Эмили! – захлебываясь слезами, Лоренс бросился в объятия своей тетушки, а лорд Гренвилл обнял их обоих.

Маленькая комната, должно быть, прежде принадлежала молодой девушке и была обставлена в белых и розовых тонах. На полу валялись листы бумаги, карандаши и краски, а также несколько детских книжек. Очевидно, похитители пытались чем-нибудь занять ребенка. Едва бросив взгляд на листы, Эмили увидела, что почти на каждом изображена она сама, Уильям и Гренвилл-парк с его лужайкой и аллеей. Глядя на эти рисунки, нетрудно было догадаться, как тосковал Лори по своим родителям и по дому.

– Вы приехали за мной! – воскликнул мальчик, чуть отодвинувшись и снизу вверх глядя на отца и Эмили. – Миссис Рэйвенси говорила, что я должен ждать, может быть, очень долго, но я верил, что вы приедете за мной уже сегодня!

– Идем, дорогой, нам пора возвращаться домой, – Эмили всхлипывала, и Уильям осторожно потянул ее и Лоренса к двери. – Мы не могли найти тебя, иначе забрали бы тотчас после твоего отъезда.

– Почему она увезла меня? – Лоренс теперь уже и сам тянул отца за руку к выходу из комнаты, ему не терпелось покинуть свою розовую темницу.

Все трое принялись медленно спускаться по лестнице, стараясь не выпускать друг друга из объятий. Горничной нигде не было видно, скорее всего, она пряталась в кухне вместе с другими слугами в ожидании своей участи.

– Мы пока и сами не знаем, милый, – леди Гренвилл не считала

необходимым лгать, мальчик был уже достаточно взрослый, чтобы говорить с ним на равных. – Кажется, она за что-то рассердилась на меня или на твоего отца и захотела отомстить. Еще есть джентльмен, который, как нам кажется, может рассказать о том, что с тобой случилось...

– О, да, еще как могу, миледи! – насмешливый голос заставил Эмили вздрогнуть, она едва не оступилась на нижних ступеньках, но Уильям вовремя подхватил ее.

В двух ярдах от лестницы стоял Эдмунд Стоунвилль, и в руке у него был пистолет. «А где же констебль?» – растерянно подумала Эмили.

– Ваши угрозы бесполезны, за домом следят полицейские, – спокойно, как будто находился в собственной гостиной, заметил лорд Гренвилл, однако же постарался выдвинуться вперед так, чтобы прикрыть своим телом жену и сына.

– Вы имеете в виду тучного констебля, который флиртует с горничной из соседнего дома? О нем не стоит беспокоиться, – от обычного любезного и миролюбивого Стоунвилля не осталось и следа, глаза его смотрели злобно, губы кривились. – Где миссис Рэйвенси?

– В своей гостиной, – холодно ответил Уильям.

– Неужели эта дрянь предала меня и позволила явиться за ребенком? – прошипел Стоунвилль.

Лори захныкал, и Эмили не выдержала:

– Что вам нужно? Вы уже причинили столько горя нашей семье, неужели теперь еще и сын Луизы должен страдать из-за того, что она предпочла не вас?

– А-а, так вы догадались? Не правда ли, это были остроумные ходы? – еще более мерзко ухмыльнулся Стоунвилль. – Миссис Рэйвенси предупреждала меня, что вы чересчур сообразительны. Идемте в гостиную, думаю, настало время для приятной беседы!

– Отпустите Эмили и ребенка! – потребовал лорд Гренвилл. – Я только что узнал, что когда-то вы любили Луизу, значит, ваша неприязнь должна поразить лишь меня! Моя жена и сын не имеют к вам никакого отношения!

– О, неужели никто за столько лет не потрудился рассказать вам? О, да, Луиза любила меня, но эта жадная старуха, ваша бабка, и падкая до титулов матушка моей бедной возлюбленной заставили ее выйти за вас! – Взгляд Эдмунда на мгновение стал совершенно безумным, но он почти сразу опомнился и взмахнул пистолетом. – Делайте, что я говорю, идите в гостиную, и побыстрее! Или вы хотите уподобиться вашей супруге и охрометь на одну ногу?

Поддерживая Эмили, за которую цеплялся напуганный Лори, Уильям

молча исполнил требование негодяя. Стоунвилль не знал, что в гостиной, кроме миссис Рэйвенси, находятся еще три человека, и это было их преимущество. Вместе с Ричардом и Мернейтом Уильям надеялся одолеть преступника, даже рискуя получить рану.

Увы, громкий голос Стоунвилля донесся и до гостиной. Ее двери распахнулись перед лордом Гренвиллом, и на пороге возник изумленный Ричард.

– Уильям, что происходит? Вы нашли... – заметив за спиной Гренвиллов фигуру с пистолетом, Соммерсвилль умолк.

– А-а, дорогой шурин, и ты здесь? – Стоунвилль с ненавистью посмотрел на Ричарда. – Что ж, заходи и ты, и мы все мило, по-семейному, побеседуем!

Ричард попятился в комнату, медленно, глядя на лорда Гренвилла, который взглядом пытался подать ему какие-то знаки, потом пошевелил губами, как будто что-то шепча.

– Сперва убери пистолет, – громко ответил Соммерсвилль, осторожно продвигаясь в гостиную и спрятанной за спину ладонью делая отчаянные жесты находившимся в комнате женщинам – бегите через окно в сад!

– Чтобы ты вместе со своим дружкой тут же навалился на меня? О, нет, вы будете вести себя смирно, как послушные хозяину псы! И помните, если хоть малейший жест покажется мне угрожающим, лорд Гренвилл овдовеет... или лишится наследника!

Уильям глухо застонал, Соммерсвилль побледнел и отступил в сторону, позволяя Гренвиллам войти в комнату.

– Сядьте на диван, все вместе, и лучше вам не испытывать мое терпение! – Стоунвилль остановился на пороге и злобно уставился на замеревшую возле открытого окна миссис Рэйвенси. – Вы же не думаете покинуть нашу компанию, дорогая? После всего, что мы с вами пережили...

Уильям подвел Эмили и сына к дивану, стараясь не смотреть в сторону двери. Ричард отступил в другую сторону, чем вызвал еще один яростный взгляд Эдмунда.

– Разве я не попросил вас идти к дивану и сесть вместе с вашими друзьями? По-моему, я был достаточно вежлив, но если вы предпочитаете другой тон...

Все так же держа перед собой пистолет, Стоунвилль с угрожающим видом сделал шаг в комнату, и в этот момент на его руку обрушился удар...

– Как вы могли так жестоко поступить с вашими друзьями? Эмили была так добра к вам! – возмущенно спросил Ричард Соммерсвилль, и прекрасное лицо миссис Рэйвензи скривилось, за пренебрежением пряча страх.

– Добра, вы говорите? Ваша обожаемая леди Гренвилл помогла мне устроиться в убогом домишке, где я должна была обучать этих дерзких, тупых, неопрятных девиц, среди которых, как вам известно, многие оказались лгуньями и воровками! Ваша сестра тоже испытывала денежные затруднения до того, как столь удачно для себя навязалась своему батюшке, почему же ее дорогая подруга не предложила ей заняться торнвудским пансионом?

Зависть и злоба исказили лицо Агнесс так, что Джейн в испуге отшатнулась от нее. Уж не безумна ли эта женщина?

– Если вам пришлось не по душе это место, к чему было оставаться в Торнвуде? – Ричард тоже был поражен, и особенно горько было сознавать, что одно время он едва ли не был влюблен в эту женщину.

– Торнвуд был лишь ступенью на моем пути, – фыркнула Агнесс. – И я перешагнула ее, как только смогла!

– И чего же вы искали в провинциальном городке? Богатого мужа? – Джейн постаралась овладеть собой и говорила теперь столь же презрительно, что и ее соперница – радость от того, что Лори скоро вернется к родителям, не давала миссис Стоунвилль забыть о другой роли миссис Рэйвензи, еще не до конца сыгранной ею.

– Как и вы, моя дорогая, как и вы, – уколола Агнесс. – Только, в отличие от вас, я готова была удовольствоваться местом содержанки. Замужество, как вы уже, должно быть, поняли, порой приносит одни лишь неприятности!

– И вы уехали из Торнвуда под покровительство моего мужа? – прежде, когда что-то приводило Джейн в ярость, она обычно разбивала какую-нибудь вазочку или каминную безделушку, отчего ее комната казалась едва ли не голой. Она уже давно не делала этого, даже Ричард не давал ей повода, и сейчас миссис Стоунвилль почувствовала неодолимое желание разбить вазу с первыми нарциссами о голову миссис Рэйвензи.

– Эдмунд был так любезен, что принял участие в моей судьбе, – не подозревающая, какой опасности подвергает себя, Агнесс любовалась

страданиями, которые, как ей казалось, она причиняла Джейн. – В обмен я согласилась помочь ему осуществить заветную мечту.

– Отомстить лорду Гренвиллу и его семье? – Лорд Мернейт смотрел на миссис Рэйвенси со смесью любопытства и презрения. Он сознавал, что не беспристрастен, но ведь миссис Рэйвенси повинна в несчастье дорогой ему женщины, не говоря уж о том, что Чарльз Мернейт вслед за другими подпал под обаяние леди Гренвилл.

– Вы нарочно распустили в Торнвуде слух, будто у вас роман с лордом Гренвиллом! – воскликнул Ричард.

– Почему бы и нет? – усмехнулась Агнесс. – Я бы предпочла, конечно, чтобы это было правдой, но ваш дорогой друг оказался упрямым бесчувственным болваном! Какого и заслуживает леди Гренвилл!

Джейн расслышала в ее словах досаду и вздохнула с облегчением. Уильям невиновен! Что бы ни говорила Агнесс, как бы ни оскорбляла лорда и леди Гренвилл, главное, что у нее никогда не было романа с мужем Эмили! Однако же...

– Эмили видела, как Уильям обнимал вас, – возразила Джейн. – Впрочем, ваша лживость, должно быть, невозможно измерить никакой мерой.

Миссис Рэйвенси, казалось, вот-вот сама запустит в Джейн вазой с нарциссами.

– Ах, он же так благороден! Стоило только вздохнуть попечальнее и намекнуть, как я тоскую об утраченной семье, как лорд Гренвилл немедленно обнял меня, чтобы утешить. И совершенно случайно леди Гренвилл в это время посмотрела в окно!

– Вы... отвратительны! – Ричард отвернулся, не в силах смотреть на эту змею, еще недавно казавшуюся ему образцом женственности и очарования. – Как можно играть на своем несчастье? Не иначе, смерть сына свела вас с ума, только так и можно объяснить ваше безнравственное поведение!

– Вы будете говорить со мной о нравственности, мистер Соммерсвиль? Если бы не мой отказ, вы были бы... – шум в коридоре не дал Агнесс договорить.

– Что там происходит? – лорд Мернейт напрягся. – Уж не явился ли мистер Стоунвиль? Самое время поговорить с ним о его преступлениях!

Ричард опередил его на пути к двери и распахнул ее. Он заговорил с лордом Гренвиллом, но тут же осекся. Мернейт замер на месте, а когда Соммерсвиль потребовал бросить пистолет, бесшумно скользнул вбок и замер возле двери, невидимый из коридора. Джейн, не уступавшая своему

избраннику в сообразительности, подобрав юбки, выбежала в сад прежде, чем Гренвиллы и ее муж вошли в гостиную. Нужно было позвать констебля, и миссис Стоунвилль помчалась к калитке, боясь лишь поскользнуться и упасть на влажной траве.

Агнесс собиралась последовать ее примеру, но не для того, чтобы искать помощи. Переполох, возникший из-за появления Эдмунда с пистолетом, давал ей возможность исчезнуть, избежать наказания, которое, она прочла это во взгляде сопровождавшего Джейн и Ричарда джентльмена, неминуемо.

Увы, насмешливый возглас Стоунвилля настиг ее у самого выхода в сад, и ей ничего не оставалось, как медленно повернуться к сообщнику, которого она собиралась без всяких сожалений покинуть.

Она видела, как приготовился лорд Мернейт, как Ричард тщательно старается не смотреть на него, чтобы не привлечь внимания Эдмунда, как лорд Гренвилл бережно поддерживает жену, подобно Ричарду делая вид, что не заметил третьего мужчину, и, наконец, каким укоризненным взглядом одарил ее маленький Лори. Было так легко уговорить его прокатиться в ее экипаже, пока маленькая мисс Хаттон задерживается в доме! Лоренс был привязан к ней, с самого первого дня она старалась покорить его, как и его отца, но с лордом Гренвиллом ее приемы оказались бесполезны...

Эмили увидела Мернейта и прижала к себе мальчика, боясь, что он неосторожным словом выдаст намерения сыщика, а Уильям замешкался, не торопясь усаживаться на диван подле жены.

Стоунвилль, наконец, двинулся в комнату, и Мернейт, не медля, с силой ударил его по правой руке. Пистолет с грохотом отлетел в сторону, Эдмунд грязно выругался, но трое мужчин уже удерживали его.

Через мгновение Стоунвилль был водворен в одно из кресел, Ричард встал за его спиной, а лорд Гренвилл оглядывал комнату в поисках чего-то, что могло бы заменить веревку. Агнесс отошла к столику, возле которого сидела, когда в ее гостиную так неожиданно ворвались незваные гости, и снова опустилась на стул. Мернейт повернулся к Эмили:

– Леди Гренвилл, полагаю, вам лучше вернуться к экипажу и отправиться вместе с сыном домой. И захватите с собой миссис Стоунвилль. Констебль пусть ждет нас у калитки, его помощь пока не требуется.

Эмили согласно кивнула. Как бы ей ни хотелось остаться и сообщить Стоунвиллю и Агнесс все, что она о них думает, здоровье и спокойствие Лори было важнее. Она поднялась на ноги и потянула за собой мальчика,

прячущего лицо в складках ее платья.

– С каких это пор торнвудский шут дает указания, кому и как должно поступать? – презрительно искривился Стоунвилль.

– Меня зовут лорд Мернейт, и я занимаюсь расследованием тяжких преступлений, но для вас это не имеет никакого значения. – Молодой джентльмен посторонился, пропуская Эмили и Лоренса и не сводя глаз с Эдмунда, чья напряженная поза беспокоила его.

– Полицейский? – Стоунвилль как будто выплюнул это слово.

– Как я уже сказал, моя персона не должна вас заботить. Совсем скоро вам будут предъявлены обвинения в похищении сына лорда Гренвилла, в мошенничестве, повлекшем за собой разорение леди Пламсбери, и, разумеется, в подделке телеграфного сообщения о смерти мистера и миссис Рис-Джонс.

– Не думаю, что вам удастся доказать хоть что-то из перечисленного! – Стоунвилль хотя и нервничал, но явно был уверен в том, что говорил. – Я всего лишь навещал свою торнвудскую знакомую, у которой в гостях случайно оказался сын лорда Гренвилла. А обо всем остальном я и вовсе не имею представления!

– Что ж, по крайней мере, нам известно, что миссис Рэйвензи увезла и прятала мальчика в своем доме, и за это преступление ей придется отвечать одной, – с легким сожалением в голосе Мернейт повернулся к Агнесс.

– Что-о? – от возмущения миссис Рэйвензи едва не подскочила на своем стуле. – Неужели вы поверите в то, что он тут наговорил? Этот человек заставил меня помогать ему, я следовала его указаниям из страха за свою жизнь, вы не знаете, на что он способен, ослепленный своей мезтью!

– Заставил? Помилуйте, дорогая, я всего лишь предложил вам некоторую сумму, и вы с радостью предали ваших друзей! – рассмеялся Стоунвилль.

От его смеха Ричарда передернуло, а лицо лорда Гренвилла исказилось от душевной боли.

– Я была нужна вам! – вскричала миссис Рэйвензи. – Вы не смогли бы обойтись без помощников, и вы угрозами заставили меня помогать вам! Я не собираюсь идти в тюрьму из-за вашего безумия!

Лорд Мернейт с интересом слушал, как сообщники обвиняют друг друга. Этого он и добивался своей провокацией, но Стоунвилль оказался умнее своей компаньонки.

– Замолчите, этот человек хочет натравить нас друг на друга, как диких зверей, запертых в одной клетке!

– Даже если и так, эта клетка предназначена вам одному! – как

разъяренная фурия, миссис Рэйвенси вскочила на ноги, вцепившись пальцами в складки на платье. – Это вы женились на мисс Соммерсвилль с одной лишь целью подобраться к лорду и леди Гренвилл, вы устроили фальшивую контору и обманули поверенного леди Пламсбери, чтобы вынудить ее купить те проклятые земли! И вы подкупили служащего на почте, чтобы послать телеграмму о смерти дочери лорду Уитмену!

– Негодяй! – пробормотал Ричард, сжимая кулаки – дать зятю хотя бы пару затрещин он чувствовал себя просто обязанным.

– Благодарю вас, миссис Рэйвенси, – ледяной тон лорда Гренвилла должен был смутить Агнесс, но она была слишком озабочена тем, как облегчить свою участь. – Полагаю, ваши свидетельства помогут в суде...

– Миссис Рэйвенси, вы говорите? – смех Стоунвилля показался еще более безумным. – Вы ошибаетесь, если думаете, что эта женщина когда-то была замужем за мистером Рэйвенси! Конечно, она имела к нему некоторое отношение, но совсем не то...

Резкий звук прервал обличительную речь, и приподнявшийся было Эдмунд опрокинулся на низкую спинку кресла, уперевшись затылком прямо в живот растерянного Ричарда. Мернейт крутанулся на месте, но Агнесс тут же направила пистолет на него. Скорее всего, она успела подобрать оружие, пока мужчины боролись со Стоунвиллем, и все это время прятала его в складках пышной юбки, делая вид, что нервно теребит их пальцами.

– Боже мой! – охнул Уильям, увидев, как изо рта Стоунвилля вместе с бульканьем вырывается красноватая пена, а на дорогом пальто ниже ключицы разбегается кровавое пятно. – Вы убили его!

– Очевидно, чтобы мистер Стоунвилль не успел рассказать об этой леди что-то такое, что прибавило бы еще одну главу к ее темной истории. – Мернейт старался выглядеть по-прежнему невозмутимым, но даже для него событий, случившихся в этой комнате за последнюю четверть часа, оказалось многовато. – Что бы он ни пытался сказать, мы об этом узнаем, так что этим убийством вы лишь погубили собственную жизнь!

– Оставьте ваши нравоучения для своих друзей! Они вот-вот упадут в обморок! – Жилка на щеке Агнесс нервно подергивалась, но рука не дрожала. – И не приближайтесь, дайте мне уйти! Миссис Стоунвилль должна быть мне благодарна за то, что я избавила ее от негодяя, помешанного на своей мести, как будто он – новый граф Монте-Кристо!

– На улице вас встретит констебль, да и бежать вам некуда, – устало возразил Мернейт и вопросительно взглянул на бледного Ричарда, который пытался нащупать пульс на шее Стоунвилля. Ричард посмотрел на него и

беспомощно покачал головой.

– Это не ваше дело! Отойдите, лорд Гренвилл! – Миссис Рэйвенси направилась не к разбитому окну в сад, а к двери в коридор. – Будь вы менее устойчивы к моим чарам, все сложилось бы иначе. Надеюсь, вы хотя бы оцените любовь и преданность вашей жены, пока не стало слишком поздно!

– Вы... чудовище, самозванка и убийца! Должно быть, он хотел сказать, что вы лишь выдавали себя за миссис Рэйвенси! – Ричард с отвращением смотрел на женщину, которую некогда находил неотразимой.

– Ваша возлюбленная, мисс Феллоуз, тоже оказалась самозванкой и убийцей, не так ли? – улыбнулась Агнесс, задержавшись на пороге. – Носить чужие имена и личности сейчас модно, в любой момент их можно отбросить, как надоевшее платье, и сменить на другие!

Она исчезла в коридоре, и Мернейт рванулся за ней, но Ричард удержал его.

– Если она убьет и вас, моя сестра станет дважды вдовой!

– Но мы должны схватить ее! – Лорд Гренвилл тоже бросился к выходу из комнаты. – Почему же никто из слуг не пришел нам на помощь?

– Должно быть, им приказано не вмешиваться в дела госпожи и ее гостей. – Мернейт устремился вслед за Уильямом, и Ричард последовал за друзьями, бормоча проклятья.

Они выскочили на улицу в тот момент, когда преступница, подобрав юбку одной рукой, уже сбегала с крыльца. Мернейт закричал, привлекая внимание констебля, к счастью, уже не флиртовавшего с горничной, но находившегося ярдах в десяти от дома.

Агнесс бросилась в другую сторону, все четверо мужчин поспешили за ней. Ни одного экипажа на улице не оказалось, а бежать до поворота было слишком далеко, у женщины не было ни малейшего шанса скрыться от преследователей. Она споткнулась, но удержалась на ногах, обернулась и выстрелила. Чтобы попасть в цель на бегу, надо обладать определенными навыками, это совсем не то, что стрелять в сидящего в четырех ярдах мужчину, и выстрел никого не задел, но констебль первым замедлил шаг, а Мернейт и остальные едва не налетели на него.

– Довольно, бросьте пистолет и отдайтесь на милость правосудия! – крикнул Мернейт и снова бросился в погоню.

Агнесс должна была понимать, что ее участь предрешена, и в отчаянии бросилась к дверям кофейни, откуда накануне Ричард следил за ее домом, еще не подозревая, что найдет там старую знакомую. Не попадись на пути женщины официант с подносом, уставленным тарелочками с пирожными,

она еще могла бы попытаться скрыться через дверь, ведущую в кухню, но столкновение с официантом остановило ее. Сидящие за столиками леди завизжали, кто-то из джентльменов вскочил на ноги, увидев женщину с пистолетом, но Мернейт уже оказался за спиной миссис Рэйвензи и схватил ее за локти. За ним подоспел констебль, и через мгновение грубый металл наручников охватил тонкие запястья Агнесс.

– Все в порядке, леди и джентльмены, продолжайте наслаждаться кофе и пирожными, они здесь отменные, уверяю вас! – с любезной улыбкой заверил Соммерсвилль растерянную публику. Неважно, что дыхание его сбивалось, а на манжетах виднелись пятна крови – Ричард был сейчас истинным джентльменом, не теряющим присутствие духа в любой ситуации.

Мернейт и констебль вывели Агнесс из кофейни, Ричард и Уильям поплелись за ними. Весь путь до полицейской кареты, ожидавшей на соседней улице, арестованная молчала. То ли она слишком презирала своих разоблачителей, то ли неудавшийся побег лишил ее сил, оставалось только догадываться. Но в тюрьму она проследовала в гордом молчании.

Долгий день мало-помалу превратился в такой же долгий вечер.

Весь остаток дня Лори не отходил от отца и любимой тетушки, но в остальном мальчик казался вполне здоровым, и Эмили радовалась, что увезла ребенка прежде, чем Агнесс выстрелила. Совершенное на его глазах убийство могло бы оказаться чересчур сильным потрясением для Лоренса.

После того как любящая тетушка сама уложила ребенка в постель, взрослые смогли, наконец, обстоятельно поговорить, и разговор в гостиной лорда Гренвилла не прерывался до поздней ночи, хотя все собеседники чувствовали неимоверный гнет усталости. Лорд Гренвилл, а с ним и Ричард, узнали все то, что было известно Эмили о любви Луизы и Эдмунда, затем настала очередь Джейн услышать о последних минутах жизни своего мужа, ставшего жертвой собственного преступного замысла. Лорд Мернейт рассказал о том, как пытался найти сведения, доказывающие, что Стоунвилль – преступник, и обнаружил, что Эдмунд посещает миссис Рэйвенси в Лондоне. Сообщил он о своем открытии раньше, Эмили и Уильям могли бы объясниться и избавиться от недоразумения, отравлявшего жизнь леди Гренвилл уже много месяцев.

Глядя в печальные глаза жены, лорд Гренвилл пообещал себе приложить все усилия и вспомнить, что послужило причиной его объятий с миссис Рэйвенси. Скорее всего, какие-то ее слова о бесконечном одиночестве и тоске по умершему сыну – это горе Агнесс вызывало самое искреннее сочувствие всех друзей, которых она обрела в Торнвуде и которыми с такой легкостью пренебрегла. Уильяму помогла Джейн, которая не забыла сообщить о том, что Агнесс подстроила эту сцену из желания причинить Эмили боль. Репутация лорда Гренвилла была восстановлена, и он сидел на диване рядом с женой, будто бы боясь потерять ее из виду, как недавно этого же боялся Лори.

Лорд Мернейт точно так же не сводил излучавших сочувствие и любовь глаз с Джейн, но его возлюбленная, похоже, не собиралась пролить ни одной слезинки по погибшему супругу. Все, что натворила Агнесс, превратило миссис Стоунвилль во вдову, избавив ее от необходимости заниматься хлопотным разводом. Неизвестно, что бы еще мог натворить Эдмунд в своем слепом подражании литературному герою – как сообщила миссис Рэйвенси в полиции, приключения графа Монте-Кристо, прочитанные им в Италии, произвели на него чересчур сильное

впечатление. По его же собственным словам, роман прославленного француза открыл ему глаза на то, как надлежит поступить дальше с его обидчиками. Пускай Луизу уже не вернуть, но те, кто лишил счастья их обоих, а Эдмунд был уверен, что Луиза была бы счастлива только с ним, осмеливались жить и процветать, когда она мертва! Чтобы отомстить таким же хитроумным и коварным способом, к каким прибегал Монте-Кристо, нужны были деньги. Именно тогда Стоунвилль решил «умереть» для своих немногочисленных друзей и воскреснуть уже другим человеком. Как оказалось в дальнейшем, ему вполне удалось задуманное, как будто его гнев или безумие, или и то и другое, направляли его, подсказывая, как лучше совершить выгодную сделку или как проникнуть в торнвудское общество с помощью удачной женитьбы.

– Миссис Рэйвензи охотно говорит о Стоунвилле, – рассказывал Мернейт, присоединившийся к друзьям лишь ближе к вечеру после того, как представил своему дяде отчет обо всем, что случилось сегодня днем. – Она ищет оправдания убийству, очерняя свою жертву. По ее словам, они были знакомы прежде, в Италии, и при первой же встрече в Торнвуде Стоунвилль предложил ей стать сообщницей в его замыслах. О чем она отказывается пока рассказать, так это о своем настоящем имени и о том, каким образом она заняла место вдовы мистера Рэйвензи.

– Еще одна самозванка... – пробормотала Джейн, но осеклась, заметив, как омрачилось лицо ее брата. – Стоунвилль ясно сказал, что эта женщина не была замужем за мистером Рэйвензи, но где же тогда настоящая миссис Рэйвензи? Неужели эта мнимая Агнесс убила ее, чтобы занять ее место?

– Бедняжка миссис Логан! – вздохнула Эмили. – Она так привязалась к Агнесс, считала ее своей племянницей, и была очень расстроена, когда та вмиг потеряла репутацию, сбежав в Лондон. Теперь старушку ждет еще большее огорчение!

– Что, если настоящая миссис Рэйвензи покончила с собой, не в силах справиться со своим горем? – предположил Ричард. – А эта женщина притворилась ею, чтобы обрести сперва покровительство тетушки мистера Рэйвензи, а затем и многих других людей, которые помогли ей устроиться в Торнвуде.

– Мы обязательно это выясним, – пообещал Чарльз Мернейт. – Полагаю, начать надо с Италии, и я уже попросил одного из инспекторов, находящихся в подчинении у моего дяди, отправить телеграфные сообщения в Варенну, где могли встречаться Стоунвилль и эта женщина.

Лишь несколько недель спустя полицейским удалось узнать, что под

именем миссис Рэйвенси скрывалась сиделка покойного мистера Рэйвенси, мисс Дебора Лайтфилд, слишком красивая и амбициозная, чтобы посвятить жизнь заботам о других. Она получила хорошее образование и некоторое время служила гувернанткой, но ревнивые хозяйки изгоняли ее из опасений, что их супруги слишком уж заглядываются на красивую девушку. Так продолжалось раз за разом, пока мисс Лайтфилд не сменила занятие – умирающие уже не могли флиртовать с ней, а их жены не испытывали ревности. Миссис Рэйвенси была очень добра к ней, и их дружба не прервалась и после смерти ее мужа.

А вскоре, когда трагически погиб сын миссис Рэйвенси, безутешная женщина приняла решение провести остаток дней в католическом монастыре. Вот тут-то мисс Лайтфилд нашла удобным воспользоваться ее именем и статусом. Миссис Рэйвенси порвала все связи с миром, и мисс Лайтфилд не видела больше препятствий для исполнения этого рискованного плана, ведь из-за давней ссоры мистера Рэйвенси со своими родственниками его жену почти никто не знал. Добродушная миссис Рэйвенси оказалась первой, на ком мисс Лайтфилд опробовала свой талант входить в расположение к людям, а за ней последовали другие родственники и, наконец, целый городок. Пансион в Торнвуде не являлся венцом ее мечтаний, но помог занять подходящее место в обществе, до тех пор, пока мнимая миссис Рэйвенси не найдет богатого мужа или хотя бы покровителя, который обеспечил бы ей комфортную жизнь.

Неудача с лордом Гренвиллом заставила ее возненавидеть джентльмена, который так любезно принимал ее в своем доме и с чьей супругой она подружилась, и предложение Стоунвилля оказалось как нельзя более кстати. Мисс Лайтфилд обрадовалась возможности удовлетворить как свое корыстолюбие, так и стремление испортить жизнь лорда Гренвилла и его семьи.

Все это Эмили и Уильяму еще только предстояло узнать, а пока они попытались объединить усилия, чтобы как можно скорее прийти в себя после всего, что им пришлось пережить с того дня, как Эдмунд Стоунвилль сделал предложение Джейн. Сидя рядом и держась за руки, они чувствовали, как растет сила, притягивающая их друг к другу, и на этот раз Уильям не пытался сбежать, ослабив действие этой силы, а Эмили не боялась очередного разочарования.

Казалось бы, сказано было уже так много, что оставалось только разойтись по комнатам и постараться заснуть, но Ричард внезапно вспомнил еще об одном обстоятельстве, еще неизвестном его вновь обретенному другу. Тайны мистера Тоуна и попытки выяснить его

настоящее имя, к которым Уильям не был причастен – вот о чем Соммерсвилль решил поведать, словно рассказать на ночь страшную сказку. С молчаливого согласия Эмили Уильяму пришлось узнать и о преступных замыслах собственной бабки.

Реакция лорда Гренвилла ничем не отличалась от той, какую выказали его друзья. Все эти «боже мой» и «не могу поверить», «какой кошмар» и «что же теперь будет» Уильям повторял с должным энтузиазмом, однако же его супруга не сомневалась – узнай он обо всем до похищения Лори, его высказывания носили бы отпечаток большего чувства.

Как и лорд Мернейт, Уильям засомневался, удастся ли доказать хотя бы половину вины доктора Вуда. Чарльз пожал плечами, как будто его это нимало не волновало, и Эмили встревоженно прикусила губу. Что задумал Мернейт? Какое правосудие кажется ему приемлемым, как далеко он готов зайти в своем стремлении к справедливости, даже там, где бессилён суд?

Измученное лицо Джейн не позволило леди Гренвилл повторить вопрос. Будь что будет, пока доктор Вуд не знает, что разоблачен, он не опасен для них. Лори спасен, его похитительница ожидает кары в тюрьме, а последователь Монте-Кристо, молодой человек, чью надежду на счастье разрушили, за что он в отместку едва не погубил семью Эмили, мертв. В данных обстоятельствах это можно было считать благом, как бы ужасно это ни звучало. Леди Гренвилл решила, что порассуждает обо всем этом на страницах своего дневника, как только вернется в Гренвилл-парк, а пока ей захотелось еще раз подняться в комнату Лори и полюбоваться спящим ребенком.

Друзья нашли разумным предложение подарить себе несколько часов покоя, ведь на следующий день им вновь придется столкнуться с последствиями дня сегодняшнего, и только Уильям захотел пойти вместе с женой в детскую.

Они вместе сидели у постели Лоренса до тех пор, пока не убедились, что сон мальчика – спокойный и безмятежный, кошмары не мучают его. А затем прошли по коридору и остановились у окна, сквозь которое пробивался свет далекого фонаря.

– Надеюсь, это страшное приключение не оставит следа на его здоровье, – после того что мальчику пришлось пережить за эти три дня, Эмили беспокоилась о его душевном состоянии.

– Уверен, через некоторое время он и вправду будет воспринимать все это как приключение и еще станет хвалиться перед Люси и маленькими Кастлтонами, – Уильям улыбнулся и осторожно сомкнул пальцы вокруг маленьких ладоней жены. – Я должен попросить у тебя прощения, и я

прошу. Пусть я и не виновен в том, в чем ты молча обвиняла меня последние месяцы, я все же вел себя непростительно...

– Так я должна простить тебя или не прощать? – за шуткой она надеялась скрыть смущение.

– Знаю, в моих словах, как и в моих мыслях, царит хаос, – лорд Гренвилл оставался серьезным. – Но это от того, что я взволнован, как будто никогда прежде не говорил с женщиной о своих чувствах...

Эмили вздрогнула, и муж сильнее сжал ее руки, как будто она собиралась вырваться и сбежать от него.

– Мы с тобой столько лет были хорошими друзьями, и эта дружба очень долго казалась мне достаточной...

– Десять лет я мечтала услышать от тебя что-то подобное, и вот теперь, когда я убедилась, что твое равнодушие меня не ранит, ты говоришь это... – в ее голосе как будто прозвучал упрек.

– Десять лет? Эмили, но тебе тогда было... – в сумраке не было видно, как от печального удивления потемнели его глаза.

– Пятнадцать.

– Но... как же... я и подумать не мог...

– Ты замечал только Луизу, и тебе не стоит обвинять себя в том, что ты полюбил ее, а я – тебя. Сердце не выбирает.

– Теперь я знаю, что она-то не любила меня, так что мое сердце сделало неправильный выбор, – кто знает, каких усилий стоило лорду Гренвиллу отказаться от невнятного бормотания, которым он смог ответить на поразительное признание Эмили, но сейчас он заговорил решительнее. В конце концов, его жена вполне владела собой, не мог же он упасть в ее глазах еще ниже, чем, как он подозревал, уже упал после стольких лет своей слепоты и ограниченности.

– Не перечеркивай несколько счастливых лет! – пылко воскликнула Эмили. – Мы не знаем, насколько Луиза была привязана к Эдмунду, может быть, это было лишь недолгое увлечение. Если б она не чувствовала к тебе расположения, даже твоя бабушка и наша мать не заставили бы ее принять твое предложение! Она могла бы уехать со Стоунвиллем и тетей Розалин, но не сделала этого! Значит, она все же...

– Довольно, Эмили! – Уильям решительно прервал ее. – Мы наконец-то говорим о нашем браке, а ты возвращаешь меня к Луизе! Я был болен ею слишком, непозволительно долго, но теперь я сам захотел поправиться! Я самому себе противен из-за того, что должен говорить это, но моя самоуверенность, подкреплённая одной случайной фразой миссис Рэйвенси, дает мне силы верить, что твоя бесконечная доброта и

сострадание не позволят тебе бросить меня теперь, когда я хочу только одного – быть рядом с тобой!

– Боюсь, моя доброта, как и сострадание, сильно поуменьшились после того, как я много лет сперва наблюдала за твоим равнодушным лицом, а затем представляла себе, как ты улыбаешься, глядя на миссис Рэйвенси, – медленно произнесла молодая женщина. – Единственное, что может заставить меня остаться, это моя любовь к тебе. Вот от нее мне оказалось не так просто избавиться, как я ни старалась!

– Как ты могла так долго скрывать ее от меня! – радости и упрека было поровну в голосе лорда Гренвилла. – Разве оставался бы я одиноким и угрюмым, если бы знал, что есть кто-то, кто готов согреть мое сердце? Вспомни Кэролайн, как ее чувство изменило Филиппа! Ты могла сделать то же самое давным-давно...

– После того как ты не уставал твердить, что единственная женщина в твоей жизни – это Луиза? – Эмили начала сердиться, и ее муж заметил это.

– Прости! Конечно же, вся вина лежит на мне, но я не могу не сожалеть о потерянном времени, потерянном счастье!

– Время для счастья у нас еще может быть... – тихо, как вздох, прозвучало в полумраке.

– Если ты этого захочешь...

– И если ты...

– Я, кажется, уже давно хочу этого, год, или два, или пять лет... Почему же я не понял раньше?

– Потому, что ты был слеп...

– И глуп.

Оба неожиданно рассмеялись, разрушив романтический флер, которым вдруг обзавелась их полночная беседа.

– Так ты все еще хотела бы, чтобы у Лори и у Люси появилась сестра? – поинтересовался Уильям после паузы, во время которой... впрочем, было слишком темно, чтобы любопытствующий взгляд смог что-нибудь заметить.

«И у Эйприл», – подумала Эмили, радуясь, что этими словами Уильям дал понять – он признает Люси их ребенком.

– Я никогда не переставала этого хотеть, разве только в те дни, когда собиралась уложить свои вещи и покинуть Гренвилл-парк сразу после Рождества, – честно ответила она.

– Помилуй бог, если бы не телеграмма о смерти Кэролайн, мне бы пришлось разыскивать тебя по всей стране или даже на континенте! – Уильям осознал, как близок был к тому, чтобы потерять Эмили, и пообещал

себе поскорее заполучить леди Боффарт в союзницы.

– Так оно и было бы. Или, может быть, я не смогла бы уехать дальше Эппинга... Теперь об этом уже никто не узнает, – не сказать ли ему, что она могла бы выйти замуж за Ричарда Соммерсвиля? Пожалуй, не сейчас, когда Ричард ночует здесь же, в доме, – Уильям вполне способен разбудить лучшего друга, чтобы как следует встряхнуть и спустить с лестницы прямо в ночной рубашке.

– И я этому рад. Теперь-то уж я не только не позволю тебе уехать, но не допущу, чтобы даже мысль о побеге закралась в твою умную голову!

– Ты говорил о том, что в твоей жизни появилась другая женщина, не Луиза, – те слова заставили ее сердце болеть с прежней силой, и она не могла не напомнить ему об этом.

– Я говорил о тебе... Но какая-то нелепая робость не позволила мне высказаться прямо! – Самообвинения лорда Гренвилла грозили затянуться до самого утра, и Эмили со вздохом облегчения предложила ему закончить на сегодня и продолжить позже, когда ему будет угодно покаяться еще в чем-нибудь. Теперь-то у них есть время.

– Что ж, тогда идем в спальню. Я намерен не упускать тебя из виду ни днем ни ночью.

– И как же долго, супруг мой?

– Пока не смогу убедиться, что ты не исчезнешь, стоит мне на мгновение отвернуться.

– По доброй воле я не уеду, а наш враг, который мог бы похитить меня, как похитил Лори, уничтожен рукой миссис Рэйвенси.

– Завтра же мы вернемся в Гренвилл-парк. И целую вечность не будем принимать гостей! Даже если суперинтендент Миллз будет стоять на коленях у нашей двери и умолять тебя найти очередного вора или убийцу!

– Думаю, вечность не растянется больше, чем на неделю. Мы должны позволить нашим друзьям порадоваться за нас, они ждали этого слишком долго и уже не надеялись...

– Я сообщу им за завтраком, что намерен посвятить всего себя своей семье и умереть, держа тебя за руку, окруженным дюжиной детей и полусотней внуков!

– Ограничимся полудюжиной, я думаю, – Эмили счастливо рассмеялась. – О, как я любила твои шутки прежде и как жалела, что потом ты перестал шутить!

– Так ты любишь только мои шутки? – притвориться обиженным у лорда Гренвилла не получилось.

– Конечно, и тебя самого я тоже люблю!

– А я люблю тебя!

Неделю спустя лорд Гренвилл ввалился в гостиную жены, сонно моргая.

– Как тебе каждое утро удается ускользнуть, не разбудив меня? – проворчал он.

Эмили, прилежно трудившаяся над своим дневником, подняла голову.

– Ты же знаешь, я не люблю долго спать по утрам.

Уильям нахмурился.

– Твоя нога... теперь, когда ты не пользуешься снадобьем доктора Вуда, она беспокоит тебя больше обычного?

– Дело не только в этом, – мягко ответила леди Гренвилл. – В это время мне лучше всего думается, и я стараюсь записать в дневнике все то, что кажется мне важным, а иногда еще успеваю перечитать старые записи и поразмыслить...

– О тайнах и преступлениях, без которых в последние несколько лет не обходится наша жизнь? – Уильям улыбнулся, но беспокойство в его глазах говорило, что увлечение жены поисками истины кажется ему слишком опасным.

– Или о том, какими кружевами было отделано платье миссис Блэквелл на прошлой неделе, – улыбнулась Эмили в надежде отвлечь мужа от тревожных мыслей да и отвлечься самой.

Лорд Гренвилл догадался, о чем она думает, по маленькой морщинке, появившейся на ее лбу. Он подошел поцеловать жену, затем успокаивающе погладил ее руку.

– Тебе не стоит волноваться о бале, дорогая. Среди множества гостей ты не будешь сталкиваться с доктором Вудом, достаточно будет поприветствовать его вместе с Говардами, а на это сил у тебя хватит.

– И все же я не могу представить, как загляну ему в глаза. Мне кажется, я увижу там смерть лорда Мортема... или кого-то еще.

– Ты встречалась с моей бабушкой уже после того, как узнала о ее роли в смерти мистера Рассела и гибели бедного Мортема. Справишься и сегодня. А вскоре, я уверен, Мернейт навсегда избавит нас от общества доктора Вуда. – Уильям не стал говорить о том, что недолго осталось ждать и того дня, когда леди Пламсбери покинет этот мир – врач его бабки присылал неутешительные известия. Сам лорд Гренвилл не мог найти в себе силы навестить старуху после всего, что ему пришлось о ней узнать и

принять. Сразу же по возвращении в Гренвилл-парк он поведал жене о намерении отказаться от наследства леди Пламсбери, пропитанном кровью как минимум двух жертв. Эмили поддержала его в этом решении и, со своим обычным желанием приносить пользу тем, кто в ней нуждался, тут же представила мужу планы по наилучшему применению этих денег. Больница, два пансиона и отделение для девушек в университете – смелые идеи жены пришлось как нельзя кстати, позволив Уильяму отвлечься от переживаний из-за того, что натворила его бабка.

Блэквеллы устраивали первый весенний бал, отказаться от которого не было никакой возможности. От обитателей Торнвуда удалось скрыть большую часть драматических событий, повлекших за собой смерть мистера Стоунвилля. Лорд Мернейт, который все еще не сбросил маску мистера Риддла, с помощью суперинтендента Миллза распространил в Торнвуде историю о том, как миссис Рэйвенси во время ссоры застрелила своего любовника, мистера Эдмунда Стоунвилля. К этой истории добавили еще один штрих, позволяющий сбросить репутацию лорда Гренвилла – как миссис Рэйвенси придумала свой роман с Уильямом, чтобы отомстить ему за равнодушие и отвести подозрения от Стоунвилля. К счастью, торнвудцы тотчас поверили всему, что узнали, ведь Стоунвилль был для них чужаком, и его презирать было намного приятнее, чем лорда Гренвилла. Бедную вдову миссис Стоунвилль теперь жалели даже те, кто еще недавно от нее отворачивался.

Мистер Несбитт горячо раскаивался в том, что способствовал браку дочери с Эдмундом, хотя Джейн и пыталась доказать отцу, что он не мог знать о коварных замыслах Стоунвилля.

На этот раз правду решили не рассказывать и леди Боффарт. Ее племянница опасалась, что тетушка не справится с искушением описать эту историю в своем новом романе, а Эмили этого вовсе не желала. Ее друзья не знали, что под именем мистера Мартинса скрывается леди Боффарт, поэтому она объяснила свое намерение сохранить тайну только заботой о родителях. Лорду и особенно леди Уитмен ни к чему знать, что несостоявшийся жених Луизы пытался уничтожить их семью и едва не преуспел в этом – здоровье леди Уитмен так и не восстановилось.

И уж тем более никто не сообщил леди Пламсбери, что ее деньги достались Стоунвиллю и миссис Рэйвенси, благодаря парику и румянам удачно сыгравшей роль супруги одного из компаньонов железнодорожной компании, которая сумела убедить старую даму в несомненной выгоде этого проекта.

Джейн, неожиданно ставшая единственной обладательницей

наследства своего супруга, хотела вернуть деньги леди Пламсбери, но Уильям решительно воспротивился этому. Его бабушка уже не оправится от случившегося, а ему самому эти деньги не принесут никакой радости. Миссис Стоунвилль решила последовать примеру лорда Гренвилла и пожертвовать все свое наследство, за исключением стоимости ее приданого, благотворительному комитету, чьим попечителям могла доверять.

Пока Гренвиллам удавалось скрывать от соседей и похищение Лори. Правда, уговорить мальчика хранить тайну даже от Люси было не так-то легко – как и предполагал его отец, Лоренсу хотелось похвастать своим необыкновенным приключением перед другими детьми, да и перед взрослыми джентльменами тоже. Немного утешало мальчика только то, что его историю знал Ричард Соммерсвилль, с которым Лори всегда мог обсудить подробности своего похищения, всякий раз меняя или добавляя что-то.

– Через несколько месяцев он вовсе позабудет, как все было, правда утонет в фантазиях, – рассмеялась Эмили, услышав однажды, как Лори рассказывает Соммерсвиллю о трех злых псах, охранявших дверь в его комнату.

– Это и к лучшему, любовь моя. Даже если он проболтается маленьким Пауэллам или Кастлтонам, его поднимут на смех, мальчишки сочтут его историю выдумкой, – улыбнулся лорд Гренвилл. – Пусть все идет, как идет. Что бы ни случилось в тот день, я приобрел больше, нежели потерял.

Словом, по всеобщему мнению, в Гренвилл-парке царила атмосфера спокойствия и благоденствия, и никак нельзя было разрушить это убеждение, отказавшись от посещения бала миссис Блэквелл.

Вечером леди Гренвилл входила в ярко освещенную бальную залу под руку с мужем. Бордовое платье с серебряным кружевом и тонкий слой румян не позволяли ей казаться бледной, но скрыть свою хромоту она не могла. Сегодня она не собиралась танцевать даже с Генри Говардом, своим неизменным кавалером, и просила Уильяма не уговаривать ее на танец. Эмили собиралась тихо просидеть в дальней гостиной вместе с облаченной в траур Джейн и Сьюзен, для которой этот бал должен был стать последним в этом сезоне – позже ее положение будет слишком заметно. Только Дафна могла позволить себе появляться в обществе, когда выглядела уже в два раза полнее себя прежней, Сьюзен же собиралась проводить лето только с близкими друзьями, избегая пышных празднеств.

Увы, едва ли не первым, кого встретили Гренвиллы, оказался доктор Вуд. От его цепкого взгляда не укрылось, с какой осторожностью наступает

Эмили на больную ногу, и доктор приветливо осведомился о ее самочувствии. С заботливостью старого друга смотрел он на молодую женщину, она же замерла, едва скрывая охватившие ее ужас и отвращение.

Уильям поддержал разговор, чтобы пауза не показалась неприличной, и чуть заметно подтолкнул жену локтем – Эмили должна сделать над собой усилие и казаться безмятежной настолько, насколько это возможно в ее состоянии.

Леди Гренвилл вымученно улыбнулась и признала, что в последнее время боль в ноге беспокоит ее сильнее обычного.

– Я пришлю вам новое средство, дитя мое, – ласково произнес этот удивительный человек, способный сочетать в душе поразительную жестокость и дружелюбие. – В ваше обычное натирание я добавил кое-какие травы, думаю, они должны подействовать самым лучшим образом.

Эмили вымученно поблагодарила и извинилась перед доктором, объяснив, что хотела бы пройти в гостиную и присесть.

– Что ж, думаю, мы скоро увидимся, друзья мои, я бы хотел вас кое с кем познакомить, – улыбнулся доктор Вуд.

Гренвиллы уже добрались до выхода из зала, то и дело приветствуя знакомых, а мистер Эдвин Р. Тоун все еще задумчиво смотрел им вслед.

Спустя два часа Эмили и Джейн вышли освежиться на балкон, расположенный по всей длине бальной залы над парадным входом в особняк Блэквеллов. Ночь была почти по-зимнему прохладной, но после духоты и шума подругам было приятно подышать чистым воздухом и отдохнуть от болтовни в гостиной.

Они были не единственными, кто захотел сделать небольшой перерыв в танцах, и обе леди отошли к дальнему краю балкона. Прислонившись к поддерживающей навес над балконом колонне, Эмили закрыла глаза, пытаясь отрешиться от доносящейся из залы музыки. Ей так хотелось скорее вернуться домой, почитать с детьми, поболтать с тетушкой Розалин и, конечно же, побыть наедине с супругом. Леди Боффарт не могла поверить глазам, наблюдая неожиданно возникшую в Гренвилл-парке семейную идиллию, и не переставала изводить племянницу расспросами. Уильям уже несколько раз грозился, что предложит леди Боффарт отправиться в какое-нибудь путешествие, но Эмили не позволяла ему. Тетушка была так добра к ним в трудные минуты, ее дружбой стоило дорожить.

Сейчас леди Боффарт сидела возле чайного стола рядом с полковником Дейлом, приехавшим вместе с Рис-Джонсами, и Джейн не без оснований подозревала, что старый вояка явился на бал исключительно ради встречи с

ее тетушкой.

Подруги еще не успели поговорить со Сьюзен – миссис Говард наслаждалась танцами, пока еще могла, но вскоре Генри наверняка попросит ее идти отдохнуть, и тогда они втроем смогут славно посплетничать, как в старые времена, когда с ними еще была миссис Пейтон.

– Как я завидую твоей невозмутимости, Джейн! – Эмили тяжело вздохнула. – Я как только увидела доктора Вуда, почувствовала, что меня охватывает дрожь. Страх это или ненависть, я не смогла бы ответить, скорее всего, и то и другое вместе.

– Потерпи, дорогая, – мягко, но настойчиво посоветовала миссис Стоунвилль. – Чарльз обещал, что скоро его дядя пришлет своих людей, чтобы арестовать доктора Вуда. А пока мы должны вести себя так, чтобы не вызвать его подозрений.

– Этот его дядя нашел основания для ареста? – оживилась Эмили.

– Думаю, он прилагает все усилия, пытаюсь связать таинственного мистера Тоуна с доктором Вудом, но этот человек способен обхитрить кого угодно. – Джейн и самой нелегко было встретиться с доктором, которого все они привыкли считать близким другом, но она справлялась определенно лучше леди Гренвилл.

– Тогда как же... – Эмили не договорила, ей показалось, что кто-то прошел позади нее.

– Чарльз не делится со мной подробностями, но, как мне удалось понять из его намеков, полиция придумает какой-нибудь пустяковый повод, вроде жалобы больного, которого когда-то лечил доктор Вуд в Лондоне. Им бы только увезти его из Торнвуда, а дальше он будет предоставлен своей судьбе...

От этих слов леди Гренвилл поежилась и обхватила себя руками за плечи. Без пелерины на балконе было холодновато, скоро им придется вернуться в дом.

– Кстати, я наконец-то могу сказать тебе – в подлинном дневнике мисс Деррик нашлось упоминание доктора Вуда, правда, она не называла его по имени.

– В самом деле? И ты только сейчас это говоришь! – укорила ее подруга.

– Не говорить же об этом в переполненной гостиной! – резонно возразила миссис Стоунвилль. – Эта девушка обращалась к сестре, говоря о том, что их старый знакомый помогает ей справляться со своими затруднениями так же легко, как в ее детстве он справлялся с простудой и

вывихами. Полиция выяснила, что практика доктора Вуда была расположена как раз в том районе, где проживала семья мисс Деррик.

– И она надеялась, что ее сестра догадается, о ком идет речь, по одному лишь этому намеку? Если даже полиция пропустила его, могла ли обратить внимание на эти слова бедная простая женщина?

– Наверное, мисс Деррик считала старшую сестру более наблюдательной, чем та была на самом деле.

Джейн тоже почувствовала, что мерзнет, несмотря на закрытое черное платье и шаль, и сделала несколько быстрых шагов вокруг колонны, чтобы немного согреться. К своему удивлению, с другой стороны колонны она едва не столкнулась с юным джентльменом, державшим в руке незажженную сигару.

– О, прошу простить меня, миледи! – воскликнул юноша, попятившись.

Эмили резко обернулась, разглядывая незнакомца. Он казался слишком молодым для того, чтобы курить сигары, и Джейн без колебаний сообщила ему об этом.

– Я знаю, знаю, – робко ответил он. – Я не смог бы курить в кабинете вместе с другими джентльменами, но все они так хвалили сигары мистера Блэквелла, что я потихоньку прихватил одну и решил попробовать ее на балконе.

– Вы совершите ошибку – дым потянется в зал, и миссис Блэквелл заставит вас пожалеть о вашей слабости. – Эмили с улыбкой смотрела на этого юнца, похожего на нашалившего ребенка, прячущегося на чердаке от наказания.

– О, как я сам не понял, это было бы ужасно! Благодарю вас, миледи, я, пожалуй, спущусь в сад, там я никому не помешаю! – и юный джентльмен исчез, попрощавшись с обеими леди учтивым поклоном.

– Кто этот мальчишка? – с недоумением спросила Джейн, глядя ему вслед.

– Не знаю, какой-нибудь племянник мистера Блэквелла, впервые попавший на бал и слишком стеснительный для того, чтобы пригласить на танец девушку.

– Но достаточно бойкий, чтобы украсть сигару, – заметила Джейн. – И нам пора последовать его примеру и пройти в дом, если мы не хотим пролежать все лето в лихорадке!

– Ты права, я уже не чувствую пальцев, – пожаловалась Эмили. – Если бы не разговор о дневнике мисс Деррик, я раньше заметила бы, насколько замерзла!

Подруги прошли через зал в гостиную и, наконец, обнаружили там ожидающуюся их Сьюзен.

– О, наконец-то мы можем поговорить! – обрадовалась миссис Говард. – Генри так надоел мне своим ворчанием по поводу танцев, несмотря на то, что дядя Энтони заверил его – моему здоровью ничего не угрожает! А ведь совсем скоро мне придется еще больше времени проводить дома, как же это скучно!

Подруги присели рядом со Сьюзен. Ни та ни другая не имели пока опыта счастливого ожидания малыша, поэтому могли лишь подбодрить миссис Говард обещанием чаще приезжать к ней в ближайшие месяцы.

– Ах, боже мой! – воскликнула на это Сьюзен. – Я ведь до сих пор еще не представила вам нашего гостя! Совершенно очаровательный юноша, если бы не он, я бы сошла с ума от скуки, пока вы были в Лондоне! Всегда готов поиграть со мной в лото, помочь смотать шерсть или рассказать какой-нибудь забавный анекдот.

– И откуда же к вам приехал этот милый юный джентльмен? – удивилась Джейн, прежде не слышавшая о родственниках Говардов, подходящих под это описание.

– Томас Роуэн – племянник доктора, которому мой дядя уступил свою практику. Томас тоже мечтает стать врачом и на будущий год отправится в университет. Дядюшка Энтони был так добр, что пообещал помочь ему получить образование, а пока они вместе проводят время в лаборатории дяди за какими-то опытами. Томас много читает медицинских книг, чтобы подготовиться к университету, но у него находится время и поболтать со мной, и проехаться верхом с Генри.

– Судя по твоим словам, этот юноша – настоящее сокровище, – Эмили продолжала улыбаться, но мысли ее были отнюдь не безмятежными. Протеже доктора Вуда – после истории с мисс Гилбертс, или мисс Деррик, это звучало пугающе. Не явился ли этот племянник какого-то врача, чтобы принести горе в чью-то еще семью? Навряд ли доктор Вуд пригласит к себе случайного человека, этот Томас наверняка должен быть ему полезен.

Миссис Стоунвилль пристальнее посмотрела на подругу. Сьюзен говорила что-то еще о своем восхищении мистером Роуэном, но обе леди ее почти не слушали. Судя по беспокойству, мелькнувшему во взгляде Джейн, она поняла, о чем думала Эмили. Об этом Томасе нужно было рассказать поскорее лорду Мернейту, но сперва следовало взглянуть на него.

– Твой дядя при встрече обещал познакомить меня с кем-то, наверное, речь шла о вашем госте, – Эмили постаралась, чтобы ее слова прозвучали непринужденно.

– Да-да, скорее всего, так оно и есть. Дядюшка хотел бы, чтобы Томас нашел друзей в нашем обществе. Он слишком молод и стеснителен, но, я уверена, понравится некоторым юным леди. Жаль только, у него совсем нет средств, чтобы считаться подходящим женихом, но позже, когда он сделает карьеру врача...

Сьюзен замолчала, взглянув на распахнутые двери гостиной, и тут же призывно взмахнула рукой.

– А вот и он! Сейчас вы познакомитесь с Томасом!

Эмили и Джейн дружно обернулись, и улыбки их застыли на мгновение, превратившись в чужие маски. Пробираясь между креслами и столиками, к ним приближался тот самый юноша, которого они четверть часа назад встретили на балконе с сигарой!

При ярком свете подруги смогли лучше рассмотреть его, и увиденное соответствовало описанию Сьюзен. Симпатичный круглолицый юноша не старше восемнадцати лет, с крупноватыми передними зубами и чуть вздернутым веснушчатый носом, жизнерадостно улыбался миссис Говард и сидящим с ней рядом леди.

Тотчас после знакомства он весело сообщил Сьюзен, что уже имел честь беседовать с ее подругами на балконе, правда, тогда он еще не знал, как их зовут. Томас не упомянул о похищенной сигаре, и леди Гренвилл и миссис Стоунвилль не стали выдавать его. Мысли их были заняты совсем другим, но нужно было поддерживать оживленный, бессмысленный разговор, а обсудить этого мистера Роуэна они смогут позже, когда останутся одни.

Мистер Роуэн болтал не переставая, восхищаясь Торнвудом, балом и теплым приемом, который был ему оказан, опровергая слова Сьюзен о его стеснительности. «Его поведение напоминает то, как вел себя лорд Мернейт при появлении в Торнвуде, – думала Эмили, помешивая чай. – Теперь мы знаем, что Мернейт играл свою роль, а этот юноша как будто копирует его манеры. Означает ли это, что Томас так же способен на искусное притворство, как и лорд Мернейт, который старше его лет на семь?»

Она резко подняла голову, и глаза ее встретились со взглядом мистера Роуэна. Пока Джейн что-то говорила Сьюзен, юноша наблюдал за погружившейся в задумчивость леди Гренвилл. Ее движение застало его врасплох, но он тут же мило улыбнулся и подвинул к ней тарелочку с пирожными. С такой же улыбкой Эмили поблагодарила юного джентльмена за любезность и выбрала пирожное, но до самого окончания бала не могла забыть пойманный ею взгляд круглых голубых глаз. Холодный,

расчетливый взгляд торговца, оценивающего выставленный перед ним товар. Что бы ни говорила Сьюзен о своем госте, мистер Роуэн прибыл в Торнвуд с какой-то целью, и цель эта не нравилась Эмили, пусть даже о ней ничего не было известно.

Доктор Вуд вскоре сам присоединился к компании и выразил удовольствие от того, что его протеже удалось познакомиться с самыми разумными и очаровательными леди во всем Торнвуде. Эмили и Джейн усилием воли позволили воспитанию взять верх над чувствами – сейчас был именно такой момент, когда привитые с детства манеры и умение не выдавать истинных помыслов должны были помочь скрыть то, что было им известно о докторе Вуде. Выдать себя означало подвергнуть сомнению успех расследования лорда Мернейта и, чего доброго, рискнуть своей жизнью. Воображение Эмили то и дело рисовало ей Томаса Роуэна, крадущегося в ночи с кинжалом и с этой своей милой улыбкой вонзающего кинжал ей в грудь.

Никогда она еще так не радовалась появлению Уильяма, заявившего, что экипаж ждет их. На прощание она даже нашла в себе силы пригласить мистера Роуэна в Гренвилл-парк, надеясь, что он не воспользуется приглашением.

По пути домой она пожаловалась Уильяму на свою подозрительность, не позволившую ей отнестись к юноше как к одному из гостей Говардов.

– Ты считаешь, он подслушал ваш разговор с Джейн? – лорд Гренвилл тотчас ухватил самую суть. – И перескажет его содержание доктору Вуду?

– Боюсь, что так, – Эмили виновато опустила голову. – Нам не стоило обсуждать это на балконе, но, казалось, поблизости никого нет. Сколько времени Роуэн прятался за колонной, я не знаю. Он будто бы собирался выкурить сигару втайне от мистер Блэквелла и других джентльменов, но это могла быть лишь отговорка.

– Теперь уже ничего не изменишь, и тебе не стоит винить себя, дорогая, – Уильям покрепче обнял жену. – Полагаю, нужно сообщить лорду Мернейту о том, что доктору Вуду могло стать известно о планах по его разоблачению. Я завтра же утром отправлю ему записку.

Мернейт уехал на пару дней в Лондон. По его словам, раз уж миссис Стоунвилль не может танцевать на балу из-за своего траура, он и вовсе не поедет к Блэквеллам.

– Ты прав, ему обязательно нужно узнать о новом протеже мистера Тоуна. У этого мальчика такой жуткий взгляд, пронзительный и холодный, – Эмили поежилась и сильнее прижалась к Уильяму. – И почему Мернейт до сих пор не привез констеблей?

– Ты же знаешь этих полицейских, большую часть времени они заняты конторской работой. Должно быть, оформляют какие-то документы, нельзя же арестовать человека просто так, тем более такого хитроумного преступника, как этот. Доктор Вуд не сможет исчезнуть за одну ночь, а завтра мы с Ричардом можем поехать туда и понаблюдать за ним и этим юношей. Генри будет рад нашей компании и ничего не заподозрит.

– Я отпущу тебя, только если ты возьмешь с собой пистолет. И Ричард тоже. После недавних событий я боюсь, что с вами может что-то случиться! – леди Гренвилл охнула. – И Сьюзен! Если у нее на глазах арестуют ее дядюшку, что с ней будет?

– Мы подготовимся, дорогая, тебе не нужно беспокоиться. Как только Мернейт известит нас, когда он намерен увезти доктора Вуда, ты пригласишь Генри и Сьюзен к себе. Им не к чему присутствовать при аресте.

– Только бы не было слишком поздно! – тревога не оставляла ее.

– Уверяю тебя, Мернейт не опоздает.

Но Уильям ошибался.

На следующий день лорд Гренвилл только собирался отправиться за Соммерсвилем, когда в гостиную, куда Уильям зашел попрощаться с женой, стремительно вбежал сам Ричард.

Он выглядел настолько взволнованным, что Эмили вскочила на ноги, а муж обнял ее, желая защитить от новостей, которые никак не могли быть хорошими.

– Что случилось? – Уильям смотрел на друга, пытающегося отдышаться перед тем, как заговорить.

Ричард огляделся, желая убедиться, что ни детей, ни леди Боффарт в комнате нет, и повернулся к Гренвиллам.

– Ночью в лаборатории доктора Вуда случился пожар, что-то взорвалось! Должно быть, один из опытов оказался неудачным. Доктор погиб!

Эмили вскрикнула, лорд Гренвилл ошеломленно распахнул глаза.

– Откуда тебе это известно?

– Генри прислал записку, он просит нас приехать. Джейн уже поехала к ним, думаю, она заберет Сьюзен к нам.

– А что с мистером Роуэном? – вспомнила Эмили о госте доктора Вуда.

– Джейн рассказала мне об этом юноше, так неожиданно появившемся в доме Говардов. Если он и шпионил по заданиям доктора Вуда, мы об этом не узнаем, пока Мернейт не поговорит с ним. В записке Генри о нем ничего не было сказано, значит, он не погиб во время пожара.

– Их особняк сильно пострадал? Может быть, им лучше на время перебраться в Гренвилл-парк, у нас больше места? – обеспокоенно спросил Уильям.

– Пожар удалось потушить, от грохота взрыва проснулись слуги. Я надеюсь, огонь не перешел на центральную часть дома, но записка Генри была слишком короткой, чтобы понять что-то еще.

Доктор Вуд со своей лабораторией занимал отдельное крыло – очень удобно для обдумывания тайных планов и приема гостей, о которых Сьюзен и Генри знать не следовало.

– Я тоже поеду с вами, – решительно заявила леди Гренвилл. – И нужно отправить Мернейту еще одно сообщение.

– По пути мы телеграфируем ему из Торнвуда, – нашелся Ричард. – А

теперь попроси служанку принести твой плащ, и поедем!

Весь путь они размышляли о том, было ли произошедшее случайностью, или же доктор Вуд узнал о том, что его преступная карьера вскоре должна прерваться, и решил покончить с жизнью раньше, чем его арестуют. Ричард склонялся к первому предположению, но Эмили была уверена во втором. С каждой минутой она все больше убеждала себя, что Томас не случайно оказался на балконе и подслушал ее разговор с Джейн.

Их встреча с доктором Вудом, когда она не смогла вести себя как обычно, могла насторожить его, и он послал Роуэна следить за леди Гренвилл и ее подругой. Уильям пытался разубедить жену, но тщетно.

Ее уверенность только окрепла, когда по прибытии к Говардам они узнали, что мистер Томас Роуэн исчез ночью вместе со своими вещами и лучшей лошадью Генри.

– Я не понимаю, что произошло, – растерянно говорил Генри, стоя в холле рядом с друзьями. – Дядя Энтони выказывал искреннее расположение к этому юноше, и нам со Сьюзен он очень понравился. Не могло же случиться так, что Томас ограбил доктора Вуда и устроил взрыв, чтобы скрыть следы ограбления? Могло ли в лаборатории быть что-то ценное?

«О, могло, в этом я не сомневаюсь, – подумала Эмили, вспомнив о волшебном стекле, играющем роль бриллиантов. – Что, если Томас не рассказал Вуду о нашем разговоре с Джейн? А может, это несчастье – следствие его собственных преступных замыслов, и ученик предал своего учителя?»

– Теперь, когда он исчез, Томаса должна искать полиция, – заявил Уильям. – Может быть, он устроил взрыв случайно и сбежал из страха, что его обвинят в убийстве доктора Вуда.

– Да, это похоже на правду, – с облегчением согласился Генри, довольный тем, что нашлось простое объяснение. – Я послал за Миллзом, его констебли осмотрели то, что осталось от лаборатории, и увезли тело.

– Как Сьюзен? – Эмили сочла, что услышала достаточно, и должна пройти к подруге, возле которой уже была Джейн.

– Она потрясена и расстроена, – вздохнул Говард. – Я вызвал доктора Сайкса, чтобы он осмотрел ее и прописал какое-нибудь успокоительное средство, безопасное для нее и ребенка. Остается только надеяться, что с ней ничего не случится.

– Все уладится, Генри, дорогой! – Леди Гренвилл всегда испытывала нежную привязанность к кузену своего мужа, и сейчас она обняла Говарда, стремясь утешить.

– Это очень, очень печально, – вздохнул Генри. – Сперва муж Джейн, теперь дядя Энтони...

– Уверен, на этом несчастья закончатся! – решительно заявил Ричард, имевший все основания для такого утверждения, о чем Генри, разумеется, знать не мог.

Эмили согласилась с ним и отправилась в гостиную Сьюзен, а Ричард и Уильям в сопровождении Говарда направились посмотреть на руины лаборатории.

Сьюзен плакала, Джейн даже не пыталась утешить подругу – пока слезы не закончатся сами, их лучше не останавливать. Пройдет время, и миссис Говард успокоится, тем более что ей надо заботиться о ребенке. Какой ужасной ни казалась случившаяся трагедия, будущая жизнь важнее всего!

Подруги просидели втроем не меньше часа, когда появившийся в дверях Ричард предложил Сьюзен отправить горничную собрать вещи. Было решено, что Говарды проживут несколько дней в доме Соммерсвилей, а Уильям и Эмили заедут к ним завтра, а на следующий день устроят обед у себя. Нужно было заняться устройством похорон, и Генри требовалась помощь.

Провожая Гренвиллов, Ричард шепотом попросил их прислать записку, если лорд Мернейт придет сам или передаст сообщение. Друзья собирались как можно дольше ограждать Сьюзен и Генри от ужасной правды о докторе Вуде. Теперь, когда он умер, ему уже не угрожал арест и судебное разбирательство, и можно было надеяться, что лорд Мернейт и его дядя не станут втягивать в расследование ничего не подозревающих Говардов. В их отсутствие Генри разрешил полицейским осмотреть разрушенный кабинет доктора Вуда и другие комнаты, которые он занимал. Эмили и Джейн полагали, что там навряд ли найдется что-то важное, доктор, скорее всего, хранил самые ценные документы в каком-нибудь тайнике, и большинство своих тайн он унесет с собой в могилу.

Поздним вечером, когда уставшая Эмили сидела перед зеркалом в своей спальне, Хетти передала ей запечатанный пакет.

– Его принес сегодня посыльный, почти сразу после того, как вы с лордом Гренвиллом уехали, – сообщила горничная.

Леди Гренвилл взглянула на почерк, которым было выведено ее имя, и вздрогнула. Она хорошо знала, как пишет доктор Вуд.

«Что, если этот пакет взорвется у меня в руках? Я читала о таком в газетах, – с ужасом думала она, пока Хетти расчесывала ей волосы. – Его последняя месть! Получила ли Джейн что-то подобное? Открыть ли мне

его или дождаться лорда Мернейта, он лучше разбирается в подобных вещах».

Когда горничная ушла, явился лорд Гренвилл и сразу заметил, что расстроенное выражение лица его жены кажется несколько другим, чем час назад, когда она прошла в свою спальню.

– Что еще тебя тревожит? – Уильям не сразу заметил посылку, лежащую на туалетном столике перед Эмили, и она указала ему на пакет.

– Это принесли днем, когда мы отправились к Говардам. Мое имя написано рукой доктора Вуда...

– Боже! – Лорд Гренвилл взглянул на пакет с таким видом, словно на столике перед ним свернулась кольцами змея. – Может быть, бросить его в камин?

– И не узнать, что внутри? Уильям, я никогда не успокоюсь, если не узнаю этого!

– Но содержимое пакета может быть опасно!

– Именно поэтому я до сих пор не раскрыла его, – призналась Эмили.

– Так что же нам делать?

– Может быть, дождемся лорда Мернейта? Он должен знать, как с этим поступить.

– И любопытство будет мучить тебя еще день, или два, или даже неделю? – Лорд Гренвилл изучил еще не все привычки и склонности своей жены, но о ее стремлении к истине ему было известно очень давно. – Я отойду подальше от тебя и осторожно вскрою пакет. Лучше всего, если ты выйдешь в гардеробную!

– Я не оставлю тебя одного с этим предметом!

– Прощу тебя, не спорь! Пора уже тебе научиться слушаться своего супруга! – шутливо возмутился Уильям. – Я всегда восхищался твоей независимостью, но теперь понимаю, что на самом деле – это тяжелое бремя для мужа!

– Не отвлекай меня от главного! – потребовала Эмили, но от его шутки она немного расслабилась. – Возьми со столика нож для бумаг, осторожно разрежь пакет и вытряхни его содержимое на кровать. И не поворачивайся к нему лицом!

– Твоя изобретательность порой пугает меня... – пробормотал лорд Гренвилл, но подчинился.

Со своего места Эмили наблюдала за тем, как из пакета на постель выпал небольшой пузырек и свернутый лист бумаги.

– Только и всего? – с некоторым разочарованием заявила она и подошла ближе, чтобы развернуть бумагу.

– К счастью, наши опасения оказались напрасными. Если только доктор Вуд не прислал тебе яд! – Уильям повертел в руках пузырек с зеленоватой мазью.

– Это натирание для ноги и рецепт его изготовления, – Эмили пробежала глазами написанное на листке и громко выдохнула. – Помнишь, только вчера он говорил, что добавил какие-то новые травы... А сегодня он мертв...

– Что еще он пишет? – Уильям приблизился и взглянул на записку через плечо жены.

– Мистер Роуэн, как мы и предполагали, известил его о нашем разговоре. И доктор Вуд решил покончить с собой прежде, чем им займется лорд Мернейт. Он просит меня сохранить его тайну от Сьюзен, все-таки он очень любит ее... – Слезы потекли по щекам молодой женщины, две или три упали на прощальное письмо доктора Вуда.

Уильям забрал бумагу из ее рук.

– Нужно показать эту записку Мернейту, а затем мы уничтожим ее. Говарды не должны ничего узнать, мы ведь и сами так решили. А часть с рецептом мы отрежем и покажем доктору Сайксу. Если это средство безопасно, ты и дальше сможешь использовать его. Как память о старом друге...

– Который оказался старым врагом.

– Нашим врагом был Стоунвилль, а доктор Вуд не причинил нам зла, да и никому другому из близких друзей Сьюзен.

– Он убил горничных... – со всхлипом возразила Эмили.

– Это так, но они угрожали его спокойствию. – Уильям поцеловал бледные, мокрые щеки жены. – После похорон мы отправимся в путешествие, позовем с собой Ричарда, Джейн и Говардов. Новые впечатления вытеснят печальные и пугающие мысли из твоей головки, и ты вернешься успокоившейся.

– Наверное, ты прав, – согласилась леди Гренвилл. – Прошедшая зима была самой тяжелой в моей жизни, но она закончилась.

– И впереди нас ждут только радостные, безмятежные дни. Наше собственное лето, только для тебя и меня.

К огорчению лорда Мернейта, ни бумаг доктора Вуда, ни мистера Томаса Роуэна полиции найти не удалось. Юноша исчез, и никто не мог утверждать с уверенностью, что его имя – подлинное. Сьюзен и Генри были уверены, что их гость сыграл роковую роль в случившемся в лаборатории, но думать так было для них благом. О пугающих тайнах доктора Вуда они так и не узнали, как и о том, что доктор сам устроил

взрыв и последовавший затем пожар. Эмили подозревала, что Вуд был уже мертв, когда огонь охватил лабораторию, скорее всего, принял какое-нибудь из своих средств и ушел из жизни без мучений. Но и эта догадка не могла быть подтверждена никакими доказательствами.

Сразу же после дня рождения леди Гренвилл вся компания решила уехать к морю. Свежий воздух и безграничная синяя гладь целебно действовали на измученные души, и друзья надеялись вернуться более счастливыми, чем прежде.

От печали и сожалений о дядюшке Сьюзен отвлекло известие о рождении первенца у Дафны и Джорджа. Все три подружки немедленно направились в Лондон, и миссис Говард была доверена роль крестной матери маленького Бернарда.

Даффи выглядела довольной, а Джордж сиял от радости, и Ричард и Уильям внезапно почувствовали зависть к другу.

– Пора мне задуматься о женитьбе всерьез, – заключил Соммерсвилл, когда они с лордом Гренвиллом вышли подышать в маленький садик Пейтонов.

– Нет, тебе пора уже переходить от раздумий к действиям! – возразил Уильям. – А я хотел бы вновь подержать на руках младенца, своего сына или дочь...

– Я не ошибусь, если предположу, что в будущем это вполне возможно? – осторожно спросил Ричард. – Ты знаешь, как я люблю Эмили, и хотел бы, наконец, видеть ее счастливой.

– Думаю, сейчас мы оба счастливы, как не были за все годы нашего брака. И я от всей души надеюсь, что у Лоренса появятся братья и сестры!

– А я надеюсь, что ничьи коварные помыслы больше не помешают нам наслаждаться жизнью, дорожить нашей дружбой и любоваться нашими прелестными леди.

– Если у кого-то и возникнут такие помыслы, мы раскроем их за день или два, с нашим-то опытом! – рассмеялся лорд Гренвилл, и довольные друзья направились обратно в дом, полюбоваться еще раз на малыша Берни.

В этом году Гренвиллы не устраивали бал в честь дня рождения леди Гренвилл из-за траура ее подруг. Сьюзен и спустя три месяца все еще тяжело переживала смерть дяди, а вот Джейн во вдовьем наряде казалась моложе и прелестнее, чем когда бы то ни было за последние три года.

Тридцать первого мая только близкие друзья, а еще брат и сестра Эмили с мужем приехали на обед в Гренвилл-парк. Сияющая леди Гренвилл встречала их в новом синем платье, на котором сверкал огромный сапфир, оттененный мягким мерцанием жемчуга – подарок лорда Гренвилла. Эмили не сомневалась – ее супруг выбирал подарок со всем тщанием, от равнодушия, с которым он дарил ей что-то в прошлые годы, не осталось и следа.

После обеда джентльмены не стали уединяться, и вся компания устроилась на террасе, вдыхая свежий майский воздух, который вот-вот должна была сменить душливая летняя жара. Завтра горничные начнут укладывать вещи, а через два дня начнется путешествие, обещающее быть приятным во всех отношениях.

Пока леди Боффарт с материнской улыбкой расспрашивала Сьюзен о ее самочувствии и о том, что пишет Дафна о своем крошечном Бернарде, Джейн сообщила Эмили ожидаемую, но от этого не менее приятную новость.

– Как только приличия позволят мне снять траур, мы с Чарльзом поженимся.

– Кто бы мог подумать, что все так обернется... – Эмили по-прежнему считала влюбленность подруги едва ли не самым удивительным из того, что с ними происходило в последние годы. – Но теперь, что бы с нами ни случилось, у нас есть надежная защита. Скотленд-Ярд на нашей стороне.

Мернейт улыбнулся и кивнул, его рука приподнялась, словно он хотел обнять свою возлюбленную, но тут же опустилась – должно быть, он успел вспомнить о необходимости оберегать репутацию молодой вдовы. Хотя они ведь были среди друзей... И пальцы Чарльза переплелись с тонкими пальчиками миссис Стоунвилль.

– А леди Боффарт, кажется, благосклонна к вниманию полковника Дейла – по дороге Филипп рассказал о романтических надеждах старого друга. Если бы еще мой брат нашел свое счастье... – Джейн с сожалением посмотрела на Соммерсвиля, который в дальнем углу террасы с

отрешенным видом выслушивал пространный монолог Реджи, внезапно увлекшегося политикой.

– В следующую его поездку в Лондон я познакомлю Ричарда со своей сестрой, – ответил Чарльз. – Без преувеличения скажу, что она очень хорошенькая и при этом весьма решительная юная особа. Она сделает твоего брата счастливым.

– Если бы только Ричард захотел жениться на ней, – вздохнула любящая сестрица. – Я уже давно пытаюсь подобрать для него подходящую невесту, но он всякий раз ускользает от сетей брака еще до того, как они будут расставлены.

Чарльз загадочно улыбнулся и покачал головой:

– Уверяю тебя, в этот раз у него нет ни малейшего шанса спастись.

notes

Примечания

1

См. роман «Змея в гостиной».

2

См. книгу «Змея в гостинной».

3

См. роман «Пансион благородных убийц».

4

См. роман «Пансион благородных убийц».

Table of Contents

[Мерedit Митчел Наследник Монте-Кристо Роман](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[Примечания](#)

1
2
3
4